

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Innovative Project

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
Том 3. Выпуск № 9

Innovative Project: научно-исследовательский архитектурный журнал / СамГТУ. Самара: 2018. Т. 3. №9. с.116

Innovative Project

Учредитель: ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (СамГТУ)

Главный редактор - Малахов С.А., д. арх., профессор (Самара, СамГТУ)

Менеджер проекта, идея, обложка – Филиппов В.Д., (Самара, СамГТУ)

Дизайн – Романова Д.Н. (Самара, СамГТУ)

Верстка - Захарченко М.А. (Самара, СамГТУ)

Редактирование английских текстов – Швайкина Н.С. (Самара, СамГТУ)

Редакционная коллегия:

Ахмедова Е.А., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН* (Самара, СамГТУ)

Гельфонд А.Л., д. арх., профессор, чл.-корр. РААСН (Нижний Новгород, ННГАСУ)

Ефимов А.В. д. арх., профессор (Москва, МАРХИ)

Кияненко К.В. д. арх., профессор, советник РААСН (Вологда, Вологодский государственный университет)

Репина Е.А., к. арх., профессор (Самара, СамГТУ)

Самогоров В.А., к. арх., профессор, советник РААСН (Самара, СамГТУ)

Семенов С.В., д. арх., профессор, советник РААСН (Санкт-Петербург, СПбГАСУ)

Янковская Ю.С., д. арх., профессор (Екатеринбург, УралГАХУ)

*РААСН – Российская Академия Архитектуры и Строительных Наук

Адрес редакции: 443001, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194, каб. 0607

Самарский государственный технический университет. Кафедра инновационного проектирования.

Founder: Samara State Technical University (SamSTU)

Editor in Chief - Sergey Malakhov, D. Arch., Professor (Samara, SamSTU)

Project manager, concept, cover - Vasily Filippov (Samara, SamSTU)

Design - Darya Romanova (Samara, SamSTU)

Layout - Marina Zakharchenko (Samara, SamSTU)

Editing of English texts – Nina Shvaikina (Samara, SamSTU)

Editorial team:

Elena Akhmedova, D. Arch., Professor, RAASN* Corresponding Member. (Samara, SamSTU)

Anna Gelfond, D. Arch., Professor, RAASN Corresponding Member. (Nizhny Novgorod, NNGASU)

Andrey Efimov, D. Arch., Professor (Moscow Architectural Institute)

Konstantin Kiyanenko, D. Arch., Professor, RAASN Advisor, (Vologda, Vologda State University)

Eugenia Repina, Ph.D. Arch., Professor (Samara, SamSTU)

Vitaly Samogorov, Ph.D. Arch., Professor, RAASN Advisor (Samara, SamSTU)

Sergey Sementsov, D. Arch., Professor, RAASN Advisor (St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

Julia Jankowski, D. Arch., Professor (Ekaterinburg, USAAA)

*RAASN - Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

Editorial office: 443001, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya St., 194, office № 0607

Innovative design department SamSTU

Научное издание

Подписано в печать 28.12.2018 г. Формат 60х90/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 17. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Слово»:

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел. (846) 267-36-82

СОДЕРЖАНИЕ

5-30	ИСТОРИИ ГОРОДА
6	Бондарев А.Г., Филиппов В.Д. М.Г. ДИКАНСКИЙ – ПОПЫТКА БИОГРАФИИ
31-40	ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА
32	Жоголева А.В., Полукеева Т.С. РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ГОРОДСКИХ РАЙОНОВ САМАРЫ
41-50	ЧЕЛОВЕК И ГОРОД
42	Орлов Д.Н., Орлова ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
51-68	ГОРОД В ДВИЖЕНИИ
52	Лащенко С.В., Репина Е.А., Грозовский Б.В. КАК РЕГЕНЕРОВАТЬ ИСТОРИЧЕСКУЮ СРЕДУ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ИНСТРУМЕНТЫ СОУЧАСТИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ
69-82	ГОРОД ВНЕ ГОРОДА
70	Манниси, Албан. УМОЗРИТЕЛЬНЫЙ РОСТ НАРРАТИВОВ СОХРАНЕНИЯ
83-110	МАСТЕРСКАЯ
84	Малахов С.А., Репин Е.А. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ ОБИТАНИЯ (АСО) – НОС EST VIVERE BIS, VITA POSSE PRIORE FRUI
111-115	КОРОТКО
112	Малахов С.А. ЛЕСТНИЦА. К ВОПРОСУ О «ЦИВИЛИЗАЦИИ SLOW» И «ЦИВИЛИЗАЦИИ QUICK»
116	АВТОРЫ ЖУРНАЛА

CONTENTS

5-30	URBAN STORIES
6	Bondarev A. G., Filippov V.D. M.G. DIKANSKY – ATTEMPT OF BIOGRAPHY
31-40	URBAN SPACE
32	Zhogoleva A.V., Polukeeva T.S. RATIONAL NATURE MANAGEMENT AND URBAN DEVELOPMENT OF THE PERIPHERAL URBAN AREAS OF SAMARA
41-50	THE CITY&PEOPLE
42	Orlov D.N., Orlova N.A. INTERPRETATION OF ARCHITECTURAL WORKS
51-68	CITY IN MOTION
52	Lashchenko S.V., Repina E.A., Grozovsky B.V. HOW TO REGENERATE THE HISTORICAL ENVIRONMENT OF RUSSIAN CITIES: PARTICIPATION AND REGULATION TOOLS

69-82	CITY WITHOUT THE CITY
70	<i>Mannisi Alban.</i> SPECULATIVE GROWTH OF CONSERVATION NARRATIVES
83-110	WORKSHOP
84	<i>Malakhov S.A., Repina E.A.</i> ALTERNATIVE SCENARIOS OF HABITAT (ASH) – HOC EST VIVERE BIS, VITA POSSE PRIORE FRUI
111-115	BRIEFLY
112	<i>Malakhov S.A.</i> STAIRS. TO THE QUESTION ABOUT “CIVILIZATION SLOW” AND “CIVILIZATION QUICK”
116	JOURNAL AUTHORS

1

5–30

ИСТОРИИ ГОРОДА
URBAN STORIES

Бондарев Антон Георгиевич
 Проект «Ночь истории Харькова»
Филиппов Василий Дмитриевич
 Самарский государственный технический университет
Bondarev Anton
 Project «Night of the History of Kharkov»
Filippov Vasily
 Samara State Technical University

М.Г. ДИКАНСКИЙ – ПОПЫТКА БИОГРАФИИ M.G. DIKANSKY – ATTEMPT OF BIOGRAPHY

Рассмотрены некоторые приоритеты в сегодняшнем изложении истории зарождения градостроительной науки в дореволюционной России. Предпринята попытка последовательно выявить заблуждения и недоразумения, которые сопровождают описание личности самого яркого, но и самого неизвестного представителя из плеяды пионеров теории градостроительства в России – Михаила Григорьевича Диканского. На основании ранее установленных фактов, вновь открытых архивных материалов и содержания самих работ Диканского сформулирована, насколько сегодня возможно, его непротиворечивая биография. Часть материалов впервые публикуется в современной научной литературе, в том числе статья Диканского «Городской план и жилищная проблема», не потерявшая актуальности на сегодняшний день.

The article considers some priorities in today's presentation of the history of the emergence of urban science in pre-revolutionary Russia. The author made an attempt consistently identify misconceptions and misunderstandings that accompany the description of the personality of the brightest, but also the most unknown representative from the galaxy of pioneers of the theory of urban planning in Russia, Mikhail Grigoryevich Dikansky. Using previously established facts, newly opened archival materials and Dikansky's works, the author formulates Dikansky's biography. Some of the materials, including Dikansky's article "City Plan and Housing Problem", which has not lost its relevance to present day, are first published in modern scientific literature.

Ключевые слова: теория градостроительства, Михаил Диканский, дореволюционная Россия, Владимир Семенов, Григорий Дубелир, Арнольд Енш, градостроительство как социальная задача, город-сад, научная биография.

Keywords: theory of urban planning, Mikhail Dikansky, pre-revolutionary Russia, Vladimir Semenov, Grigory Dubelier, Arnold Ensich, urban planning as a social task, garden city, scientific biography.

История изложения истории русской градостроительной науки

Не так давно вся история науки градостроительства в дореволюционной России сводилась к одному имени: «В 1912 году вышла книга В. Н. Семенова «Благоустройство городов» – первый на русском языке труд, посвященный планировке и застройке городов. Впервые в отечественной литературе широко и профессионально были рассмотрены проблемы строительства и развития городов, «идеальные» города, требования к планировке и архитектурно-пространственной организации улиц, площадей, парков. Четко и ясно были сформулированы главные проблемы градостроительства в России, смело выдвинуты прогрессивные требования борьбы с земельной спекуляцией, принудительного отчуждения земель,

нужных для развития городов, создания закона, регулирующего развитие городов, которого в России еще не было». [1] И далее: «С 1913 г. работа Владимира Николаевича связана с Московско-Казанской железной дорогой. Он проектирует первый в России город-сад – поселок для служащих дороги у платформы Прозоровская (теперь платформа Кратово)». [2]

Пожалуй, лишь в последнее десятилетие стали постепенно проявляться в данной истории и другие имена. [3] При этом выяснилось, что «первый на русском языке труд, посвященный планировке и застройке городов» под названием «Планировка городов» опубликовал в 1910 г. профессор из Киева Григорий Дмитриевич Дубелир [4], а «первый в России город-сад» «Царский лес» в Риге, по инициативе член-корреспондента Санкт-Петербургского общества архитекторов, профессора Арнольда

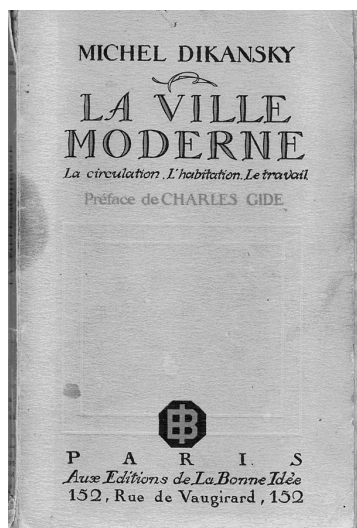

Рис. 1. Обложка книги «La ville moderne» [15].

по списку	Диканский, Гершель Григорьевич	68
с. 11. 11.	по имени Григорий Григорьевич	57
18. 18. 1906.	с. 11. 11. 1906.	42
с. 11. 11. 1948	2) Моисей	40
с. 11. 11. 1906.	3) Шлоим	4
	4) Григорий	17
	5) Григорий	15
	с. 11. 11. 1906. - Григорий - Гера	21
	3) Григорий	13
	с. 11. 11. 1906. - Григорий Григорьевич	40
	с. 11. 11. 1906. - 1) Григорий	17
	2) Григорий	14
	3) Григорий	7
	с. 11. 11. 1906. - Григорий Григорьевич	41
	с. 11. 11. 1906. - 1) Григорий	7
	2) Григорий	4

Рис. 2. «Гильдейские списки о купцах, возобновивших и не возобновивших купеческие свидетельства», 1909 г. [16].

Карловича Енша, по проекту берлинского архитектора Германа Янсена от 1902 г., начал строиться в 1908 г. [5] и к началу Первой мировой войны успели возвести 109 домов.

В России до революции по теории градостроительства был издан целый ряд книг: монографии Г.Д. Дубелира «Планировка городов» (1910), «Городские улицы и мостовые» (1912); А.К. Енша «Города-сады: (Города будущего)» (1910), «План и застройка городов» (1914); В.Н. Семёнова «Благоустройство городов» (1912) и яркая книга М.Г. Диканского «Постройка городов, их план и красота». Биография В.Н. Семенова, хоть и с толстым слоем патоки и лака, всем хорошо известна [2], биография Г.Д. Дубелира, правда, без какого-либо указания причин его полного ухода из градостроительства в конце 1920-х гг., также была опубликована [6], биографию А.К. Енша, хоть и не в научной литературе, найти можно. [7] Сведений о Диканском в научной литературе по существу нет, те, что есть, противоречат друг другу, а вне научной литературы – совершенная путаница. Статья призвана в какой-то степени восполнить пробел, проанализировав все доступные сегодня источники, включая его труды, один из которых приведён в приложении к ней.

Известное и неизвестное о Диканском

Первая путаница – имя и отчество. Вызвано это тем, что в российских публикациях никогда не приводились полностью – лишь инициалы М.Г. Поэтому в научной литературе он фигурирует

сразу под несколькими именами: Матвей Григорьевич (Мойша Гершович) [8], Мойша Гершович [9], Моисей Григорьевич [10], Михаил (Моисей) Григорьевич [11]. В Российской Государственной библиотеке (РГБ, бывшая Библиотека им. Ленина) его градостроительные труды в России и книги в эмиграции числятся под именами: Моисей [12], Михаил Григорьевич [13] и Матвей Григорьевич (все остальные). Лингвистические исследования показывают: при адаптации в иной культурной среде у евреев «механизм трансформации имени включает некий промежуточный шаг – в цепочку включается деминутив: традиционное имя (как правило, это идишское или ивритское имя в полном варианте или деминутиве) – этнически нейтральное имя в деминутивной форме – современное, этнически нейтральное имя в полной форме: Моисей/Мойше – Миша – Михаил». [14] То есть, во всех случаях (кроме Матвея) речь идёт об одном и том же имени человека: при рождении Моисей/Мойше, а в результате адаптации в русской культурной среде Михаил. Дополнительное подтверждение этому можно найти в заключительной работе Диканского по теории градостроительства, включившей все идеи предыдущих, и изданной в эмиграции на французском языке (в каталоге РГБ отсутствует): он её подписал Michel Dikansky (рис. 1). [15] То же можно утверждать и об его отчестве, в отношении которого разногласий в источниках нет: при рождении Гершевич, а после адаптации Григорьевич. Из этого следует, что имя одного из пионеров русской теории градостроительства – Михаил Григорьевич Диканский.

Рис. 3. Доходный дом Медвенского (1908) и особняк Нуджиевской (1913).

Второе заблуждение. О происхождении имени и отчества Матвей Григорьевич – к нему приписано подавляющее большинство книг Диканского, хранящихся в РГБ. Ответ на него получил один из авторов в Государственном архиве Харьковской области: найдены «Гильдейские списки о купцах, возобновивших и не возобновивших купеческие свидетельства» на 1909 г. с перечнем членов семьи купца 1-й гильдии Герша Иосифовича Диканского и их возрастом (рис. 2) [16].

Из перечня следует, что инициалами М.Г. в этом семействе обладали двое мужчин. Один, Моисей (впоследствии Михаил), как автор публикаций по градостроительству, был определён выше, а родной брат, Мордухай, который был младше на 23 года, впоследствии стал Матвеем. С осени 1908-го по 1912 г. Мордухай получал образование в Германии: первые два года в Мюнхене, затем – в Берлине и Гейдельберге. По возвращении поступил в Харьковский университет на юридический факультет. Имея прекрасное образование и степень доктора права Гейдельбергского университета, Мордухай Гершевич в 1914 году открыл в Харькове бюро выдачи юридических справок и консультаций. Матвей никуда не эмигрировал и после революции он, так же, как и старший брат, всерьёз занялся научной работой, в области экономики – исследованиями монополий. В фондах РГБ также хранятся и его книги, первая из которых была издана в 1926 г. [17], а последняя – в 1966-м [18]. Поэтому представляется вероятным, что после эмиграции Михаила во Францию, во избежание списания книг эмигранта (то есть предателя и врага народа) все они (благо, расшифровки инициалов нигде не было) были приписаны благонадёжному Матвею. С образованием Матвея связано ещё одно заблуждение, на котором впервые споткнулся виднейший

историк архитектуры А.Ф. Крашенинников, который первым стал собирать материалы биографии градостроителя Диканского: «А.Ф. Крашенинниковым выявлено, что Диканский был также юристом» [8]. Основание этому предположению дают две работы [19, 20], но обе изданы в 1916 и 1918 гг. не в Харькове, а в Петрограде – при том, что юридической практикой Матвей занялся в Харькове в 1914 г. (в возрасте 21 год от роду), что делает предположение об его авторстве справочной литературы просто невероятным. Кем по образованию был Михаил Диканский и почему он мог владеть юридическими вопросами строительства, суждение последует ниже.

Третье сомнительное утверждение: автор первых книг по теории градостроительства был архитектором, в Харькове и даже во Франции существуют здания, построенные по его проектам. Согласно [10], «по мнению исследователей его творчества, в 1904 - 1914 гг. по его проектам в Харькове было построено несколько доходных домов, типография и гостиница «Палас». ... В 1931 г. по его проекту был построен отель «Хуана» в Антибе, Франция». Проще всего проверяется авторство проекта отеля во Франции: его автором является Георгий (Жорж) Диканский (1881-1963), «во Франции с 1901. Окончил в Париже Академию изящных искусств (1913), Высшую архитектурную школу» [11]. Подтверждение этому можно найти и на сайте самого отеля [21]. Сложнее определить авторство зданий в Харькове, тем более, что есть перечень, впервые приведённый А.Ф. Крашенинниковым и повторённый в работе [10] (дан с учётом прошедших переименований улиц):

1. Доходный дом Немировского, Театральный пер. 5 (1904 – 1905).

Рис. 4. Доходный дом Немировского и жилой дом с конторой Зильберберга (1905).

2. Контора и жилой дом Диканского, ул. Сумская 96-98 (1905-1907).

3. Контора и жилой дом Зильберберга, ул. Донец-Захаржевского 2 (1905).

4. Типография Зильберберга, ул. Донец-Захаржевского 6/8 (1908).

5. Доходный дом Диканского, ул. Чернышевская 80 (1905).

6. Доходный дом Шкаффа, ул. Сумская 88 (1914).

7. Доходный дом Медвенского, ул. Ярослава Мудрого 14 (1908).

8. Особняк Нуджиевской, ул. Мироносицкая 86. (1911-1913).

9. Гостиница «Палас», ул. Коцарская 9 (1913-1914).

10. Доходный дом Диканской, пер. Короленко 10 (ок. 1912).

Если сравнивать эти здания, сразу бросается в глаза удивительная неразборчивость в стилях (рис. 3) архитектора Диканского. Если при сравнении дома Медвенского (который был построен 2-этажным в XIX в. и затем достроен до 3-го этажа) и особняка Нуджиевской, имели место, по крайней мере, 5 лет разницы во времени, то дома Немировского и Зильберберга, построенные в одно время (рис. 4), свидетельствуют о полном раздвоении внутри одной творческой личности.

У авторов нет никаких оснований подозревать М.Г. Диканского в шизофрении, и этот разноречивый

стилей может быть вызван лишь одной причиной: авторами всех этих зданий являются разные архитекторы. Версия о том, что Диканский был архитектором, впервые возникла в работах харьковского архитектора и видного краеведа Александра Юрьевича Лейбфрейда (1910-2003), как минимум, ещё в 1985 г. [22], а затем появилась в научной литературе. Исследования, проведённые в Государственном архиве Харьковской области, показали, что все «его» здания объединяет одно: Диканский (иногда вместе с женой Глафирой Николаевной / Гитой Насоновной) некоторое время являлся их владельцем, затем их продавал, а затем некоторые из них вновь покупал [23]. Объяснение такому «архитектурному творчеству» весьма простое: Диканский владел строительной компанией и был купцом 1-й гильдии. Об этом в более поздней своей работе написал и сам А.Ю. Лейбфрейд (Рис. 5), не задумавшись о возможности для архитектора-творца такого совмещения родов деятельности:

Заметной фигурой среди харьковских архитекторов в предреволюционные годы был Моисей Григорьевич Диканский. Он родился в 1869 г. в многодетной семье, которая в 1890-х гг. переселилась из Севастополя в Харьков. Отец будущего зодчего основал предприятие по изготовлению лаков и красок и был причислен к купеческому сословию. Своих сыновей, Моисея и Матвея, он отправил учиться за рубеж, где первый приобрел специальность архитектора, а второй — правоведа.

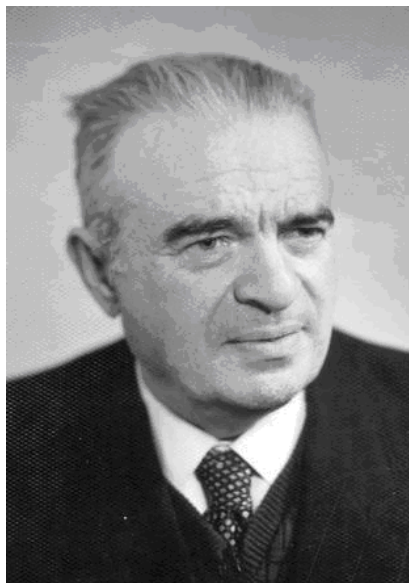

Рис. 5. А.Ю. Лейбфрейд.

Архитектор, возвратившись в Харьков, открыл в 1902 г. строительную контору и получил статус купца 1-й гильдии. Диканский построил в городе около 15 различных зданий [24].

Ведь слова «Диканский построил» с полным основанием можно отнести и к архитектору, и к застройщику. На данный момент нет доказательств наличия объектов архитектурного творчества Диканского или, хотя бы признаков такого творчества, у купца 1-й гильдии, а подтверждение этой гильдии есть во всех справочниках того времени (рис. 6).

С другой стороны, профессиональный застройщик и владелец доходных домов, имея прогрессивные взгляды (в архиве обнаружены документы о негласном надзоре полиции над женой Диканского [25] (рис. 7), из-за чего семье в 1900 г. было отказано в разрешении на переезд в Москву), может быть компетентен в авторском праве и в социальных сторонах градостроительства – а ведь именно внимание к юридическим и социальным

вопросам и отличает работы Диканского от работ других пионеров теории градостроительства в России:

«Диканский не только анализирует ее собственно градостроительные стороны (плотность застройки, озеленение, экономическая рентабельность и т. д.), но и обращает внимание читателя на социальную программу идеи Говарда. «Понятно и справедливо, - пишет Диканский, - чтобы ценность, создаваемая коллективом, принадлежала ему же. И поэтому в городе Говарда нет частной собственности на землю. Она принадлежит всей общине, которая сдает ее отдельным лицам на правах арендного пользования... Таким образом мы имеем в данном случае не только реформу внешних очертаний современного города, - в эту новую, им созданную форму Говард вкладывает и более глубокое внутреннее содержание. Уничтожение частной собственности на землю, т.е. прироста земельной ренты – этого главнейшего источника несправедливого обогащения, - должно иметь своим последствием удешевление всех предметов первой необходимости – жилищ, съестных припасов и проч. А это, в свою очередь, повлечет за собой повышение общих условий жизни. Словом, Говард желает видеть в своем городе-саде социальный эксперимент» [9].

На основании изложенного выше, отсеяв путаницу, заблуждения и сомнительные утверждения, можно попробовать составить адекватную на сегодня примерную биографию Диканского, взяв за основу немногие достоверные факты и архивные материалы, его труды и наиболее вероятные предположения, основанные только на этом.

Примерная биография М.Г. Диканского

Михаил Григорьевич (Моисей/Мойше Гершевич) Диканский родился примерно в 1869 году в многодетной семье купца Герша Иосифовича

Рис. 6. Небольшой фрагмент справочника «Весь Харьков» (1916).

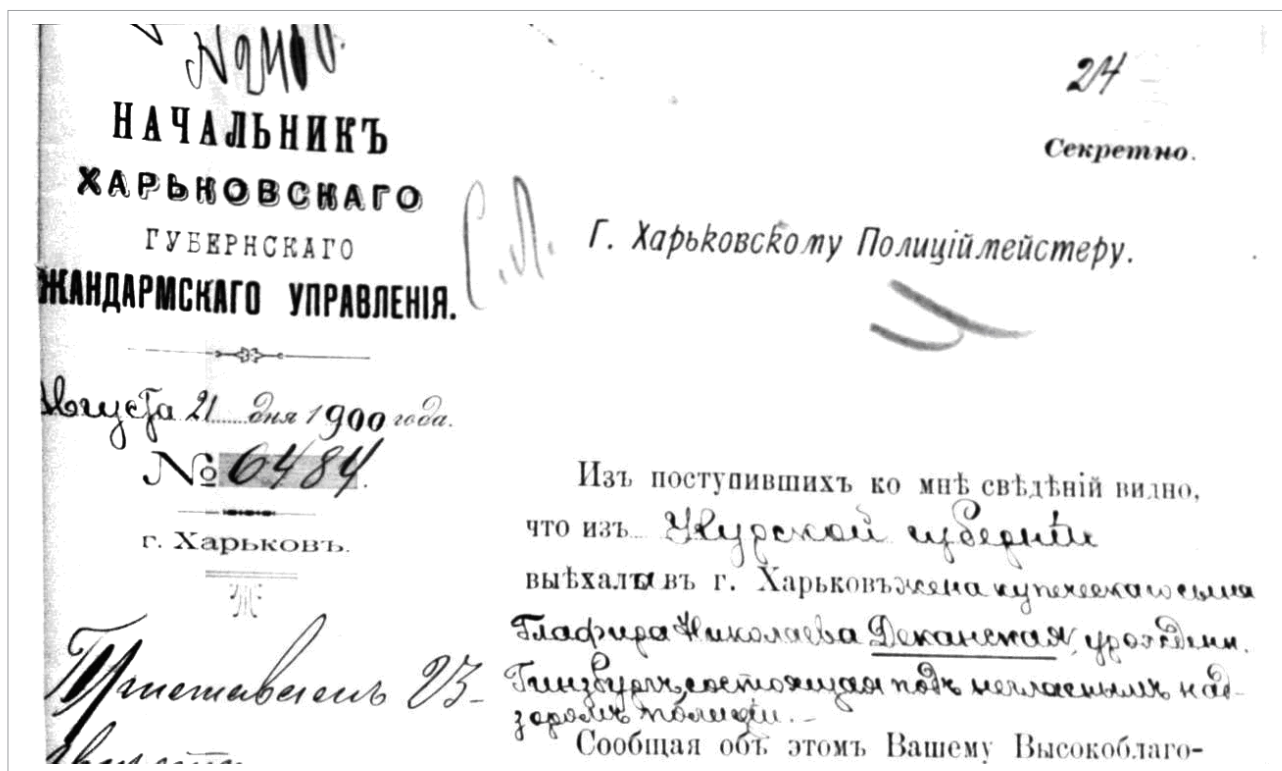

Рис. 7. Доклад Харьковскому Полициймейстеру о передвижениях Г.Н. Диканской [25].

Диканского. Дата неточная, так как вычислялась по документам харьковских архивов, в которых фиксировался его возраст и дата составления документа (как, например, указано на рис. 2). Указание города Харькова в качестве места рождения не соответствует действительности, так как семье Диканских в 1892 г. разрешили переселение в Харьков, а к концу года Герш Диканский завершил его и был перечислен из Севастопольских купцов 1-й гильдии в Харьковские [26] (рис. 8).

Во время переезда в Харьков Михаилу (Моисею) Диканскому было примерно 23 года. В то же время брат Матвей (Мордухай), который был младше его как раз на 23 года, вполне мог в Харькове родиться – именно с этим может быть связано указание Харькова в некоторых источниках как места рождения Михаила Диканского. Место жительства Диканских до прибытия в Харьков неизвестно, известно лишь, что Герш был Севастопольским купцом – это значит, что Михаил мог родиться как в районе Севастополя, так и в Диканьской волости Полтавского уезда Полтавской губернии, откуда и произошла их фамилия (обязательные и неизменные фамилии для евреев были введены в России в 1835 г. [27]).

Сведения о его образовании, в самых общих чертах изложенные А.Ю. Лейбфрейдом [24], находят подтверждение в немецких источниках,

где сказано, что обучение проходил в Германии, однако, место обучения также не приводится [28]. Необходимо уточнить, что в отличие от версии сформировавшегося в советское время архитектора Лейбфрейда, в конце XIX в. в Германии не было профессии архитектора, существовала профессия гражданского инженера и архитектура была лишь одним из её направлений. Эту квалификацию, умение строить не только дома, но и дороги, а также инженерное обеспечение городов, Диканский получил в Германии, что наверняка

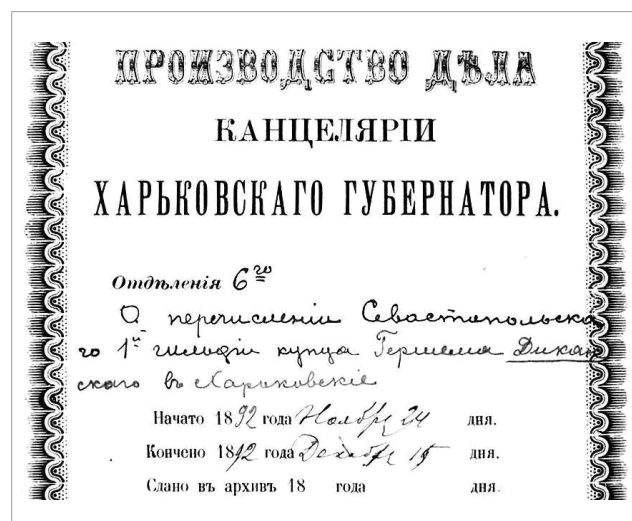

Рис. 8. Обложка дела о перечислении Герша Диканского в Харьковские купцы (1892) [26].

Рис. 9. О собраниях русского технического общества (газета «Утро», 20 и 21 мая 1913 г.).

впоследствии способствовало успеху его строительной компании. Именно как инженер, он и сделал доклад о плане застройки Харькова на общем собрании харьковского отделения Императорского русского технического общества (рис. 9).

Нужно заметить, что 23 января 1907 г., когда Диканский делал своё сообщение «Борьба с жилищной нуждой» для общего собрания Императорского СПб. Общества архитекторов, никакого титула перед его именем не было указано (рис. 10).

На этом обсуждение легенды «архитектор Диканский» можно считать законченным. Эта тема, безусловно, требует дальнейших исследований, в направлении поиска настоящих авторов зданий, которые были возведены его строительной компанией и приписаны ему.

Именно организация этой строительной компании в 1902 г. является на сегодняшний день для научной литературы первым событием с конкретной (а не относительной) датой в биографии Диканского. Однако, из архива авторам известен упомянутый выше факт неудавшегося в 1900 г. переезда Диканского с женой в Москву. 28 февраля 1900 г. из Правительствующего Сената он получил отказ на свою жалобу в адрес московского

Обер-полицмейстера «за не разрешение просителю и жене его приезда и жительства в г. Москве по торговым делам» [29]. Факт говорит о том, что семья Диканского (ещё не имея детей) уже была вполне состоятельной для переезда в одну из российских столиц и жизни в ней, а это могло быть либо в случае наличия своего дела, либо в случае непосредственного участия в деле его отца. Так или иначе, «торговые дела» у Диканского уже существовали, и он нуждался в их расширении на столичном уровне. Этими делами была занята его жизнь в течение 10 лет, от приезда в Харьков и до открытия строительной фирмы. Решение заняться строительством не могло быть случайным – скорее всего, это могло быть естественным продолжением весьма вероятных занятий по торговле землёй и недвижимостью в городе.

Научная биография Диканского началась в январе 1907 г., с упомянутого сообщения на общем собрании Императорского СПб. Общества архитекторов (куда, вероятно, он был приглашён как застройщик, отчего был упомянут без титула) которое затем в виде ряда статей под названием «Жилищная нужда» было в том же году опубликовано в журнале «Зодчий» [30]. Этот доклад

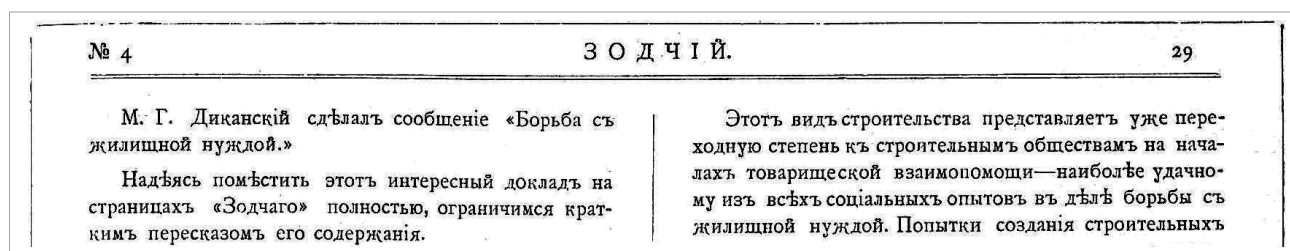

Рис. 10. О сообщении Диканского общему собранию Общества архитекторов («Зодчий», 1907, №4).

многим (прежде всего, структурой) напоминал работы видного русского экономиста и марксиста Владимира Владимировича Святловского «Квартирный вопрос» (1898) и «Жилищный вопрос с экономической точки зрения» (1902), однако до Диканского жилищную проблему в России никто с точки зрения градостроительства не рассматривал. Начиная с этой статьи, социальные аспекты градостроительства, явно или неявно, присутствовали во всех работах Диканского, и большая их часть была посвящена поискам решения «жилищного вопроса» градостроительными и социальными методами. На одной из книг, «Квартирный вопрос и социальные опыты его решения» (1912), было посвящение: Глафиръ Николаевнъ Диканской, которая своими «неблагонадёжными» взглядами, несомненно, её появлению способствовала. Обобщением всех его работ до революции стала книга «Постройка городов, их план и красота» (1915), в которую в виде глав был включен ряд его предыдущих статей и выступлений.

О времени революции и гражданской войны в жизни Диканского можно судить лишь по его книгам. Помимо вышедшего в Петрограде в 1918 г., однако, подготовленного, скорее всего, до революции, «Русского строительного законодательства», две книги были изданы в Харькове: в 1918 г. совсем небольшая брошюра (32 с.) «Как рабочему добыть здоровое жилище», издательством социал-демократов меньшевиков «Социалист», и третье, переработанное и дополненное, издание книги «Квартирный вопрос и социальные опыты его решения», под названием «Жилищный вопрос: в тексте рисунки кооперативных домов и рабочих жилищ» – книга была издана в 1919 г. Товариществом потребительских обществ Юга России (ПОЮР). Сотрудничество с ПОЮР было не случайным – это товарищество было одним из крупнейших потребительских союзов России, а с жилищной кооперацией, чем дальше, тем всё больше, Диканский связывал возможность реального решения жилищного вопроса. ПОЮР во время гражданской войны, и до введения большевиками продразвёрстки, действовало практически независимо от власти в Харькове [31], несмотря на реквизиции и грабежи всех воюющих сторон, находя с каждой общий язык. Судя по орфографии, книга была напечатана во время белогвардейского правления, из чего можно сделать вывод, что Диканский являлся сторонником белого движения. Вероятно, дело тут в собственности, которую красные обещали отнять, а белые сохранить, иначе это

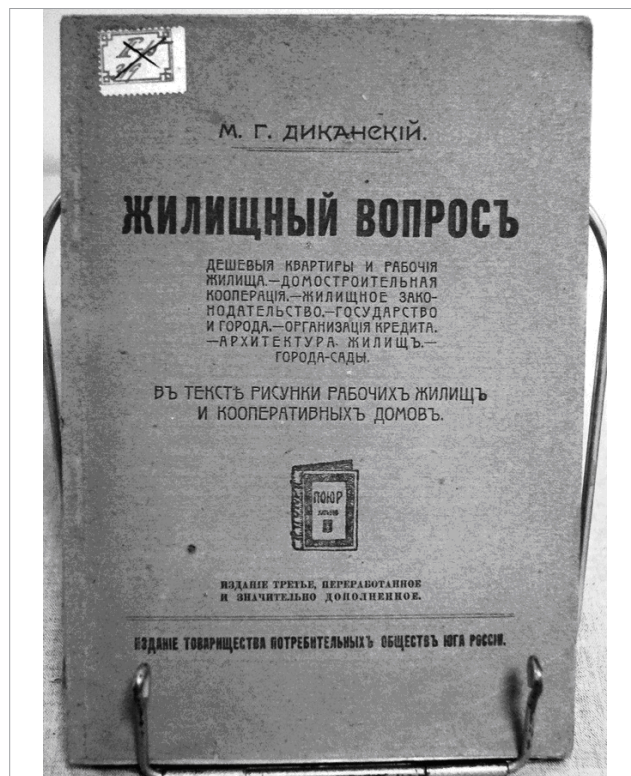

Рис. 11. Книга «Жилищный вопрос» (1919).

вызывает удивление. Так в резолюции харьковского съезда акционеров Московского Народного Банка Юга России (главный расчётный банк кооператоров) в октябре 1919 г. по «украинскому вопросу» отмечалось, что при Деникине «во многих местах Украины началась травля украинской национальности... преследование украинского языка», а в резолюции «по поводу еврейских погромов» было сказано, что «в последнее время на Юго-западе России прокатилась волна еврейских погромов, беспрецедентных даже в истории еврейского народа» [31]. Так или иначе, во второй половине 1919 г. Диканский находился в Харькове, издавал свою книгу, а затем, согласно достоверным источникам [11], в этом же году эмигрировал из России.

О его жизни в эмиграции в период с 1919 по 1924 гг. известно лишь, что в итоге он поселился в Париже. Однако, в 1925 г., вероятно, в связи с появлением и укреплением НЭП, и вызванным этой политикой быстрым ростом экономики, Диканский вновь приезжает в Россию, на этот раз в Москву, и в течение двух лет публикует ряд книг, в том числе одну в серии Жилищная кооперация, а также, совместно с Е.Л. Любинским, серию книг об истории потребительской кооперации:

- Диканский М.Г. Борьба за рабочее жилище; Центр. упр. печати ВСНХ СССР. - Москва: Мосполиграф, 1925 (10-я тип. «Заря коммунизма»). - 93 с.

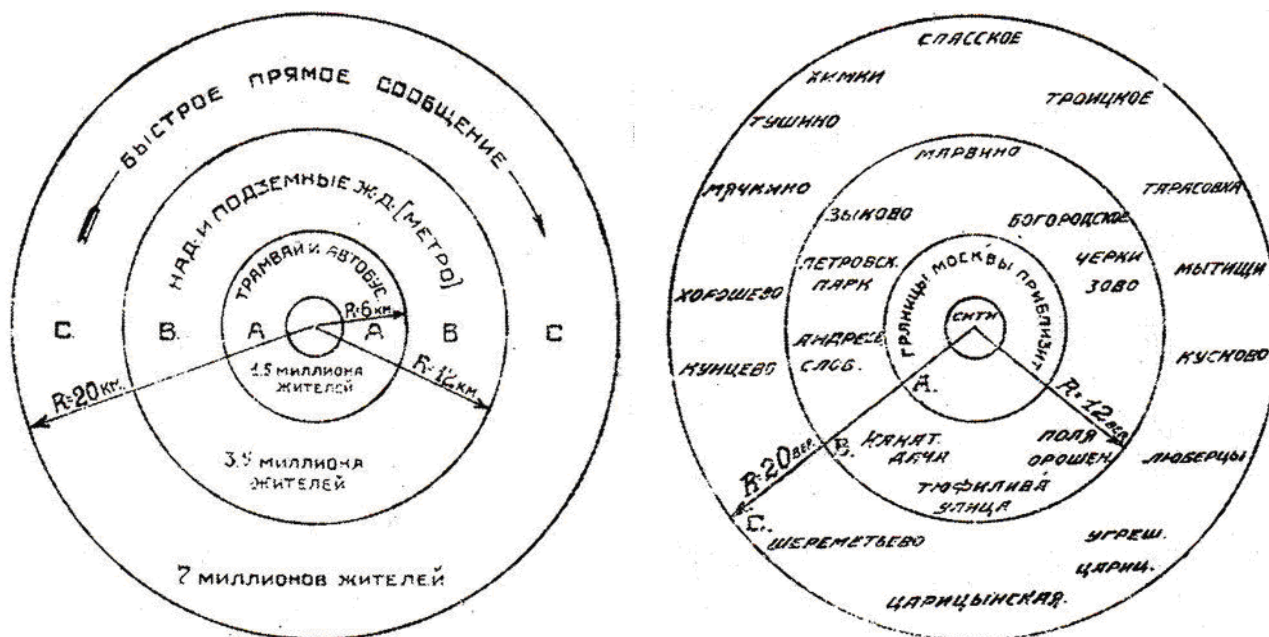

Рис. 12. М.Г. Диканский. Общая диаграмма радиусов транспортного планирования города и диаграмма Диканского применительно к Москве (1926) [9].

- Диканский М.Г. Проблемы современных городов: Движение в больших городах. Кризис жилища; С предисл. В.Я. Белоусова. (Библиотека «Жилищная кооперация»; № 7) - М.: Вопросы труда, 1926. - 91 с.

- История потребительской кооперации в Западной Европе / Е.Л. Любинский, М.Г. Диканский. - Москва: Центросоюз, 1925. - (Заочные кооперативные курсы Центросоюза. Отдел кооперативного просвещения; № 10). Вып. 1-6.

Трудно сказать с чем это было связано, возможно, он таким образом пытался вновь оказаться полезным Отечеству, и заодно вновь попытаться поселиться в Москве, чего он не смог в 1900 г. В книге «Проблемы современных городов» была изложена оригинальная концепция городского расселения, основанная на идее города-сада, однако прямо связанная со временем передвижения по городу:

«В те 30 минут, которые мы считаем нормальной продолжительностью поездки мы можем сделать в среднем пешком 2 километра, в трамвае - 6 км, на городской железной дороге или метро - 12 км, а вне городской черты - до 19 км» [9].

На основании этого Диканский разработал схему-диаграмму для крупного города, разделив его на три концентрические зоны вокруг нежильного общественно-делового центра.

«В зависимости от устройства тех или иных путей сообщения можно, не выходя из пределов

поездки в тридцать минут, обслуживать территории с населением в полтора миллиона человек при трамваях, три с половиною миллиона - при метро и семь миллионов - при быстром сообщении скоростью в 40 верст в час или около 20 верст (километров) в полчаса». Первый пояс имеет радиус 6, второй - 12, третий - 20 км, а общий диаметр города - 40 км». (рис. 12) [9].

Применительно к Москве он свою диаграмму прокомментировал так:

«Маленький кружок в центре обозначает сити, т.е. торговый, нежилой центр. Радиус в шесть километров охватывает приблизительно нынешние границы Москвы. Общее количество населения, которое может быть обслужено различного рода путями сообщения, соблюдая продолжительность поездки в 30 минут, составляет двенадцать миллионов человек... Радиус в 20 км, открывающий нам обширные площади на семь миллионов человек... Само собою разумеется, что в этих отдаленных районах, где есть еще много свободных земель, можно будет избежать обычных монотонных и банальных планировок наших предместий. Там будет возможность производить заселение по типу новейших городов-садов и стремиться к реализации художественных задач» (рис. 12) [9].

Предложения Диканского по развитию Большой Москвы обсуждались наряду с некоторыми другими [9], но ни одна из концепций, появившихся

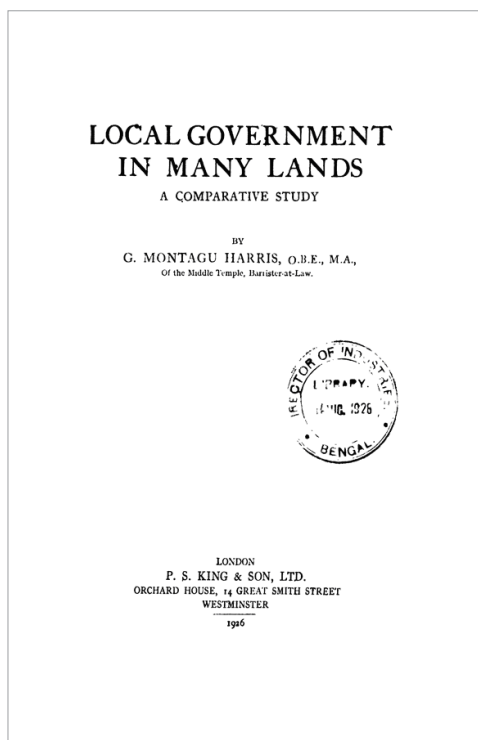

Рис. 13. «Местное самоуправление во многих странах. Сравнительное исследование», 1926.

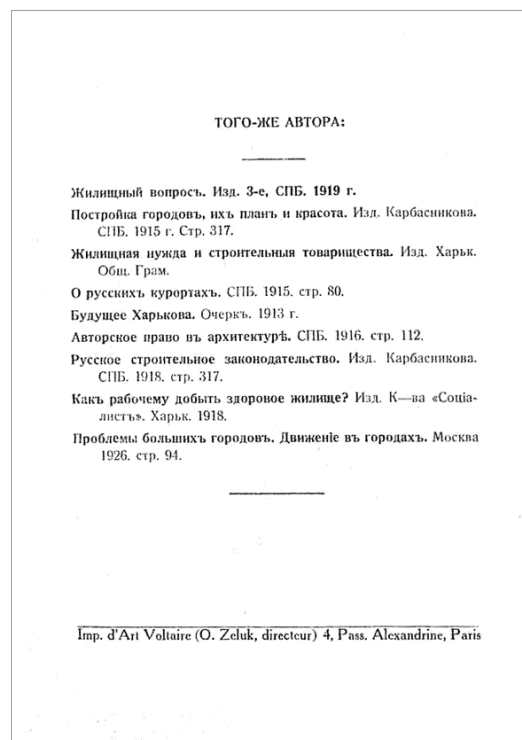

Рис. 14. Обратная сторона обложки книги «Мысли о застройке Палестины».

в это время, к исполнению принята не была. Вероятно, это и послужило одной из причин его возвращения в Париж.

По возвращению во Францию, в 1927 г. Диканский подготавливает и издаёт сразу две книги. Дата выпуска на одной из них не указана (поэтому в библиотеках она датирована приблизительно: 192-?), но внимательное изучение её текста позволяет вполне однозначно определить год её издания. Это книга «Мысли о застройке Палестины». В своём предисловии она представлена как «беглые очерки, воспроизведённые из парижского «Рассвета», где они были полностью напечатаны» [12] (журнал «Рассвет» был еженедельным органом Федерации русско-украинских сионистов (в эмиграции), а затем орган Всемирного союза сионистов-ревизионистов. Выходил в Берлине с апреля 1922 г. по май 1924 г., затем в Париже с декабря 1924 г. по декабрь 1934 г. Представлял собой журнал (24 страницы), хотя по традиции именовал себя «общественно-политической и литературной газетой» [32]). В основном тексте книги можно встретить следующее: «В своей только что вышедшей книге «Муниципальный режим в разных странах» бывший английский министр гигиены Монтэгю-Гаррис даёт по этому поводу ряд интересных данных» [12]. Речь, несомненно, идёт

о книге Монтегю Харриса «Местное самоуправление во многих странах. Сравнительное исследование», вышедшей в 1926 г. (рис. 13) [33].

Книга Харриса была напечатана в 1926 г. в Лондоне, затем должна была попасть во Францию, где Диканский должен был её прочесть, затем написать и опубликовать ряд своих статей в журнале «Рассвет», затем собрать их, подготовить для публикации в виде отдельной книги – при этом на её обратной обложке указана выходящая, но до автора ещё не дошедшая (потому название не совсем верное), в 1926 г. в Москве книга «Проблемы современных городов: Движение в больших городах. Кризис жилища» (рис. 14). Таким образом, «Мысли о застройке Палестины» могли выйти из печати только в 1927 г. – никак не раньше, но и не позже. Ряд характерных цитат из этой книги:

«Эти немногие существующие города, лежащие на территории Палестины – имеют ли они планы расширения, как хотя бы самые глухие города Германии, не говоря уже об Англии? Нам известно, что только Тель-Авив додумался до этого, но, к сожалению, надумал это, когда уже было поздно, то есть, когда город уже выстроился и когда план его был уже безнадежно испорчен! Тель-Авив экспонировал свой план в Grand Palais в Париже, в октябре 1925 года, на последнем Международном

Конгрессе городов. С болью в сердце надо сказать: он лучше сделал бы, если не экспонировал бы этот план перед мировой аудиторией...» [12].

Он приводит в пример историю района Сиди-Габер в соседней египетской Александрии:

«Обычно в этих случаях во всех городах Европы и Америки начинается вакханалия с земельными участками. Земля быстро раскупается спекулянтами и затем идет ажиотаж с перепродажей. Землю кромсают на случайные куски, и когда город начинает обстраиваться интенсивно, уже нет возможности вводить те или иные необходимые улучшения. В Сиди-Габер, однако, сидят люди, смотрящие далеко. Там всего этого не было. На эту новую территорию не был пущен ни один застройщик раньше, нежели был проделан целый ряд подготовительных работ. Тщательно были изучены местные условия, выработана обстоятельная программа и на составление плана будущего города был объявлен конкурс, широко для всех доступный» [12].

Диканский в 1927 г. делает выводы для Палестины:

«В первую очередь надо создать для всей Палестины центральное технико-художественное учреждение, ведающее делом градостроительства. Это учреждение должно иметь не столько инспекторский, сколько практический характер. Этот Национальный Институт для градостроения в Палестине должен взять в свои руки высшее руководство застройкой страны. Здесь должно быть отмечено, что самая застройка городской территории зданиями и домами, вообще, не входит в компетенцию Института градостроения. Однако, поскольку строения в своей массе являются элементами городского плана, Институт, не входя в оценку характера застройки и её сущности, тем не менее предугадывает её массовые формы. Так, он распределяет группы районов жилых домов с их сравнительно невысокой и слабой плотностью заселения, затем фабричные и торговые районы с более высокой и интенсивной застройкой и, наконец, общественные и муниципальные здания, площади, улицы, сады, парки, скверы, игровые площадки и проч. Таким образом, Институт Градостроения квалифицирован лишь для общего распределения на территории города строительных масс. Вопросы же постройки каждого здания разрешаются специальными местными организациями, Архитектурно-Художественными Комиссиями, учреждаемыми отдельно в каждом городе и имеющими такой же смешанный состав: тех-

ников и художников, городских деятелей и представителей заинтересованных и компетентных общественных групп. Обе описанные выше организации — центральный Институт Градостроения и местные Архитектурно-Художественные Комиссии облечены, разумеется, административными санкциями. Параллельно с этими учреждениями необходимо создать — и это особенно важно — во многих палестинских городах и поселениях цикл ассоциаций и кружков любительского типа, примерно носящих название: Общество друзей Тель-Авива... Тибери... и т.д. Эти общества пропагандируют идеи совершенного города, культивируют любовь к своему родному месту, и отсюда деятельность их заключается в том, что они содействуют оздоровлению и украшению своего города, стремятся к сохранению и насаждению всякой зелени и цветов, устраивают конкурсы фасадов домов, заботятся об охране пейзажей и памятников старины, а также борются со всем тем, что обезображивает город». [12].

Неизвестно, какова была реакция сионистов на эти предложения, известно лишь, что первый план города в Палестине, предложенный в 1925 г. и разработанный в 1927-1929 гг. для Тель-Авива шотландским социологом Патриком Геддесом (утверждён в 1932 г.), имел характер города-сада [34], который предлагал Диканский. Планирование городов для всей страны было осуществлено в СССР, однако, с одной стороны (в столичных городах) было подчинено идеологии («показ достижений социализма»), с другой (промышленные города) подчинялось исключительно интересам производства и принципу минимально допустимых затрат на всё остальное, при этом идея о каких-то обществах друзей родного города никому в голову не приходила — за полной в них ненужностью и даже неуместностью.

Также в 1927 г. была опубликована последняя книга Диканского по градостроительству (на французском языке) «Современный город: транспорт, жилье, работа» (La ville moderne: la circulation, l'habitation, le travail [15]) (рис. 1), как пишет современный историк градостроительства Герд Альберс, «на которую за границей, по-видимому, почти не обратили внимания»:

«Более половины книги было посвящено городскому транспорту — с многими примерами из разных стран; несколько случайно следовали главы о кризисе жилья, открытых пространствах, ежедневном пути на работу, жилище наших дней и росте стоимости земли. В заключительной

Рис. 15. Самара, 5-я Просека (фото В. Степанов) и СПб, ЖК «Сергей Есенин» (фото Б. Бочкарев).

главе Диканский, в основном, пропагандировал для большого города модель городов-спутников с относительно низкой плотностью – мысль, которая была примерно в это время на первом плане в разных странах» [28].

Эта книга явилась обобщением всех градостроительных работ Диканского. Определяющую роль в её появлении сыграл видный деятель французского кооперативного движения Шарль Жид, вначале написавший к ней предисловие и затем от своего имени публиковавший отрывки из неё в журналах [35]. Большая часть была посвящена изложению идей книги «Проблемы современных городов» (те же диаграммы с теми же радиусами), но, в отличие от Москвы, где частной собственности уже не было, для строительства путей транспорта его города в Париже предлагалось, ради предотвращения спекуляции землей в коммунах, ввести на 10-20 лет транспортный налог на всех,

для каждого пропорциональный количеству приобретённой им в районе земли. Так завершилась эволюция Диканского от купца и застройщика прогрессивных взглядов к убеждённому кооператору и социалисту.

Как пример одной из исходных точек этого пути, ниже, в качестве приложения, приведена статья 1914 г., где он, указывая на земельную спекуляцию как главное препятствие для доступного жилья, но, будучи купцом и застройщиком, отчасти её оправдывает, рассуждая о «спекуляции пассивной, бессознательной». Однако, главный вывод его статьи: «многоэтажный дом вызвал к жизни и питает спекуляцию, а она платит ему тем, что всюду его насаждает» для сегодняшних российских реалий оказался весьма актуален (рис. 15).

Приложение

ГОРОДСКОЙ ПЛАН И ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА («Зодчий», 1914, № 46, с. 509-516)

В ряде очерков на страницах «Зодчего» было выяснено то значение, какое имеет регулирование городского плана для правильного роста и расширения города. Благодаря уменьшению интенсивности застройки и дифференциации отдельных частей городской территории сообразно их назначению, города в значительной степени

улучшаются как в санитарно-гигиеническом, так и в художественном отношении. И, казалось бы, что все эти преимущества строительной регуляции представляют столь большую общественную ценность, что одного этого было бы достаточно для их законодательной регламентации. Но в наш капиталистический век, с его неумолимыми

Когда китайский император Канси увидел рисунки многоэтажных европейских домов, он сказал: «Европа, должно быть, очень маленькая, жалкая страна, если она не имеет достаточно земли для увеличения городов, и люди принуждены там жить в воздухе».
(Из письма миссионера Аттирета, 1772 г.).

Таблица 1

Усадьбы с числом квартир	Число усадеб	Относительное число в %
1-3	5615	35
4-10	4517	28
10-50	5270	34
50	464	3
		100%

экономическими законами, самый факт общественной необходимости – еще не достаточный аргумент для законодательной регламентации городской планировки: приходится считаться с экономической возможностью регуляции; другими словами — надо выяснить, не являются ли строительные ограничения фактором, удорожающим квартирные платы?

Тот факт, что жилищная проблема находится в связи с условиями развития города, с его планировкой и застройкой, уже теперь ни в ком не возбуждает сомнений, и планировка в настоящее время трактуется как часть жилищной проблемы. Вопрос о расширении городов был включён в программу работ международного жилищного конгресса 1913 г. «Нет сомнения, — читаем мы в трудах конгресса, — что жилищный вопрос находится в теснейшей связи со всем, что касается построения и развития городов»¹. А по заявлению проф. Фукса на том же конгрессе, вопрос о расширении городов является для Германии кардинальной проблемой, от которой зависит полное преобразование всех жилищных условий. Больше того: многие исследователи считают те или иные жилищные условия даже прямым результатом строительных правил. Современная жилищная нужда в Берлине, говорит проф. Эберштадт, произошла, главным образом, от того, что столетия тому назад был установлен неправильный строительный план, предопределивший на долгое время застройку Берлина многоэтажными домами с антигигиеническими жилищами и создавший благоприятную почву для земельной спекуляции. Если такой взгляд и является, может быть, преувеличенным, то во всяком случае несомненно, что система застройки городской территории в значительной степени определяет строительное развитие города и жилищный уклад населения. Так, если возьмём для примера две различные по типу жилищ

страны, как Бельгия и Германия, то увидим, что главная причина различия жилищных условий этих стран коренится в различных приёмах планировки городской территории. В Бельгии мы видим дома-особняки, узкие улицы и невысокие квартирные платы, а на северо-востоке Германии — широкие улицы, застроенные в виде сплошных стен многоэтажными домами, с надворными строениями и высокими квартирными платами. Этого различия в приёмах планировки было достаточно, чтобы в течение немногих десятилетий создать во всех отношениях противоположные условия жилья и формы поселений.

В Англии и Бельгии, где господствующий тип жилья — дом-особняк, общие жилищные условия, если и не являются вполне идеальными, то стоят несравненно выше, чем в странах с многоэтажным типом жилых домов. Вот почему в странах с низкой застройкой нет благоприятной почвы для возникновения вопроса о том, представляет ли многоэтажный дом в экономическом отношении более выгодную и дешёвую форму жилища — там этот вопрос не имеет практического значения. Наоборот, в Германии, особенно на северо-востоке, многоэтажный дом постепенно почти совершенно вытеснил прежний тип жилища — дом-особняк. В районах с небольшими квартирами получила распространение наихудшая форма многоэтажного дома — берлинская казарма с застройкой всего двора надворными корпусами². При этом гигиенические условия в таких домах оказались крайне неудовлетворительными, а квартирные цены, несмотря на интенсивную застройку, не только не проявили тенденции к понижению, а наоборот, непрерывно росли и растут до сих пор.

Такое систематическое ухудшение жилищных условий при высокой застройке естественно подвергло сомнению рациональность всей системы в самой её основе. Никто не сомневался, что

¹ Труды 10-го жилищного конгресса 1913 г., стр. 271.

² Такие дома, где число квартир достигает 50—70, представляют заурядное явление.

антигигиенические условия этих жилищ должны быть в значительной степени приписаны слишком интенсивной вертикальной и горизонтальной застройке, но совершенно естественно возник вопрос: не являются ли высокие квартирные платы также следствием многоэтажной казармы с надворными строениями?

Заметим здесь кстати, что наше русское городское строительство в настоящее время именно и напоминает этот момент расцвета казарменных построек в Германии последней четверти прошлого века. Нас не должно утешать то обстоятельство, что наши большие города еще не так интенсивно застроены, как немецкие. Полвека тому назад эти последние тоже не представляли таких густо застроенных масс, как сейчас. Важно то, что имеются определённые тенденции, и, кто может заглядывать в будущее, тот совершенно ясно видит, что не пройдет и нескольких десятилетий, как наши города превратятся в такие же компактные массы, как и современные города Германии. Достаточно указать, что в 1900 г. в Петрограде по данным проф. Г. Дубелира³ усадьбы распределялись по числу квартир следующим образом (Таблица 1):

Т. е. дома, интенсивно заселенные, составляли уже почти 2/3. За последние полтора десятилетия - это отношение еще больше возросло, так как малые дома систематически сносились и перестраивались⁴.

Это явление придаёт изучению городской жилищной проблемы практическое значение и для наших русских больших городов.

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос о влиянии регуляции на квартирную плату, нам необходимо его несколько расширить и, хотя бы в общих чертах, выяснить, какое влияние оказывает такая регуляция на городскую земельную ренту, составляющую значительную часть квартирных плат. В Германии, например, в среднем, около одной четверти квартирной платы идёт в уплату процентов на капитал, вложенный в землю⁵. Относительно русских городов у нас

3 «Городские улицы и мостовые», стр. 106.

4 Наряду с этим, за последние годы в наших больших городах в общем замечается некоторое замедление в росте числа квартир сравнительно с ростом населения. Так, напр., в Петрограде с 1900 по 1906 гг., население возросло на 17%, а число квартир на 15%; еще более заметно это явление в Москве, где население с 1907 по 1912 гг. возросло на 16%, а число квартир — на 8%. Это доказывает, что усиление интенсивности застройки не препятствует процессу затеснения жилищ.

5 Mangot — Die städtische Bodenfrage. Göttingen. 1904. Также Загряцков — «Земельная политика», Москва, 1913.

не имеется статистических данных, но мы вряд ли ошибемся, если скажем, что и квартиронаниматель большого русского города уплачивает за землю приблизительно такую же часть квартирной платы. При этом надо принять во внимание, что городская земля вместе с ростом города имеет тенденцию непрерывно повышаться в цене. По вычислениям Павла Фохта⁶, стоимость городского недвижимого имущества Шарлоттенбурга за период 1884-1897 гг. возросла на 250 миллионов марок. За то же время население его увеличилось на 100.000 человек. Таким образом, каждый вновь переселившийся в город, приносил с собой в среднем увеличение на 2.500 марок. И этот усиленный и непрерывный рост цен на землю, наблюдаемый во всех больших городах, имеет непосредственным результатом повышение квартирной платы. Параллельное повышение квартирной платы с ценою на землю становится очевидным, если сравнить в одном и том же городе, квартирные платы и цены на землю в различных районах. Мы увидим, что там, где земля дешева, квартирная плата также невысока, и наоборот, в районах с высокой ценою на землю плата за квартиру соответственно поднимается. По точным вычислениям Баумайстера, стоимость одной и той же квартиры в 20 кв. саж. в одноэтажном доме повысится с 484 до 1.202 марок, если цена земли возрастет с 1 до 100 марок за кв. метр. И точно такое же повышение квартирных плат происходит при росте цен на землю вследствие развития города.

Вот почему, когда в 1911 году на жилищном конгрессе в Лейпциге был поставлен на обсуждение вопрос об удешевлении жилищ, то лейтмотивом всех докладов было «создание дешевой земли, как необходимого условия дешёвых квартир». «Главнейшей проблемой для нас, — заявил па этом конгрессе такой авторитетный ученый, как профессор Баумайстер⁷, — являются земельный вопрос и вопрос о средствах для удешевления и регулирования земельных цен, и я утверждаю, что в отношении общественных мер жилищный вопрос является главным образом вопросом земельным»⁸.

Если считать это положение доказанным - а в этом едва ли можно сомневаться - то влияние

6 Paul Voigt. Grundrente und Wohnungsfrage in Berlin und Vororten. Jena, 1901, стр. 217.

7 «Bericht über den II Deutschen Wohnungskongress in Leipzig». Göttingen. 1912, стр. 139.

8 Интересно отметить, что вся литература последних лет по жилищному вопросу посвящена главным образом земельной проблеме.

городской регуляции совершенно очевидно. Стоимость городского земельного участка определяется прежде всего максимальным доходом предполагаемого к возведению здания. Поэтому, при прочих равных условиях, участок, вертикальная или горизонтальная застройка которого ограничена, будет стоить меньше, чем тот же участок при отсутствии ограничений. Следовательно, ограничивая высоту зданий и интенсивность застройки, городской план задерживает рост земельных цен.

Стало быть, если вопрос жилищный — это вопрос дешевой земли, а дешевая земля достигается строительной регуляцией, то дело, казалось бы, решается просто: надо только ограничить высоту городских домов. Однако, в действительности ограничение застройки, хотя и понижает цены на земли, еще не решает проблему о квартирных платах, так как это понижение может еще компенсироваться более высокой долей земельной ренты, которую уплачивает каждый квартиронаниматель. Другими словами, решающим моментом в известных случаях может явиться не абсолютная цена земли, а относительная, т. е. та часть её, которая падает на *Wohnraum* или *Wohnfläche* — на единицу жилого помещения⁹. Из этого видно, что дешевая земля сама по себе, непосредственно, еще не оказывает решающего влияния на высоту квартирной платы, — есть и другие приводящие факторы, которые, независимо от этих цен, при известных условиях держат квартирные платы на определённой высоте.

Не имея возможности подробно остановиться на анализе итого сложного политико-экономического вопроса, укажем только на главнейшие его тезисы и на их практические результаты.

Два противоположных течения, существующие в теории городской жилищной проблемы, выражаются в лозунгах: за и против многоквартирного дома (*Massenmiethaus*).

До последнего десятилетия господствовал взгляд так называемой школы земельных реформаторов с Мангольдтом и Эберштадтом во главе, утверждавших, что многоэтажный дом, давая возможность неограниченно эксплуатировать земельный участок, создаёт этим благоприятную почву для спекуляции. Захватывая в свои руки постепенно, по мере развития города, земельную площадь, преимущественно в районах его расширения, спекуляция приобретает монопольный характер, держит земли незастроенными в

ожидании дальнейшего роста и этим искусственно повышает земельные цены, которые при интенсивной системе вообще имеют тенденцию к постоянному росту. Высокие же земельные цены, в свою очередь, по необходимости вынуждают прибегать к многоэтажной системе. Взаимодействие этих двух факторов и способствует интенсивности застройки и повышению квартирных цен.

Помимо того, многоэтажная система концентрирует домовладение в немногих руках и тем укрепляет позицию домовладельцев по отношению к квартиронанимателям. Это обстоятельство, наряду с высокими земельными ценами, также повышает квартирную плату.

Многоэтажный дом, как утверждает Эберштадт, не явился следствием естественного развития города — это продукт неправильной строительной политики городских управлений. Ведь самый большой город мира — Лондон — не знает многоэтажных казарм, как нормального типа жилья для широких масс населения. Жилая казарма, в том виде, как она существует в настоящее время, появилась в Берлине во второй половине прошлого столетия и получила наибольшее распространение, главным образом, после издания городского плана 1861-63 года¹⁰. Этот план, с целью поощрения высоких зданий, разбил весь город на кварталы с широкими улицами и глубокими участками. Все требования строительного устава были составлены применительно к многоэтажным домам. Таким образом, как план, так и устав создали необходимость и являются виновниками развития больших жилых казарм с их теснотой и дороговизной. Отсюда вывод: борьба с многоэтажными домами, а вместе с тем и с квартирной нуждой, должна вестись главным образом в области строительного устава и планировки города, т. е. должна иметь чисто административный характер¹¹.

¹⁰ Сторонником наёмных казарм, немало содействовавшим их процветанию, был в свое время берлинский городской деятель Гобрехт. О нём с большой иронией говорит Евгений Йегер: «Гобрехт преследовал общественный принцип, он в один и тот же дом втокнул благородного тайного советника, именитого купца, затем на мансарду сапожника Вильгельма и на задний двор бедную фрау Шульд с дочкой; это было сделано с целью достигнуть общественного их сближения, и чтобы высшие круги морально влияли на низшие. Увы! Это был, однако один из многих самообманов доктринёрствующего либерализма, который бессознательно только ускорил процесс подчинения народных масс господству ростовщического капитализма».

¹¹ Само направление получило название «административной» школы.

⁹ Pohle. Die Wohnungsfrage. Leipzig. 1910, т. II, стр. 103.

Таблица 2

При числе этажей	1	2	3	4	5
Общие размеры земельного участка должны быть в кв. метр	352	420	450	520	688
На 1 кв. м. жилого помещения приходится земельной площади кв. м.	1,45	1,80	0,90	0,89	0,83

Иная точка зрения на этот вопрос была обоснована впервые А. Фохтом в книге, написанной им совместно с архитектором Гельднером «Kleinhaus und Mietkaserne». Основные её положения заключаются в следующем.

Высокие земельные цены – естественный результат роста города и его благосостояния. Увеличивающийся спрос на квартиры в наиболее выгодно расположенных районах повышает квартирные цены, что в свою очередь вызывает увеличение стоимости земли. Высокие же земельные цены создают необходимость строить многоэтажные дома, как наиболее выгодную форму эксплуатации земельных участков. Эта форма и наиболее дешевая, так как, при данных земельных ценах, в многоэтажном доме на каждую квартиру упадет меньшая часть земельной ренты, чем в одноэтажном. Ограничения застройки, таким образом, если и задерживают рост цен на землю, то во всяком случае способствуют повышению квартирных плат. Но и земельные цены могут быть задержаны в своём росте только временно, так как развитие города и увеличение его территории создают усиленный спрос на участки, лежащие ближе к центру, — их цены будут, следовательно, расти. Повышенную же земельную ренту будет уплачивать меньшее число квартиронанимателей, что также не может не отразиться на высоте квартирной платы. Такое же неблагоприятное влияние на квартирную плату должны оказать более высокая стоимость постройки мелкого дома сравнительно с большим, а также расходы по замощению улицы, по проводке канализации и т. д.

С другой стороны — утверждают сторонники этого взгляда — при ограничении застройки город должен будет так сильно разрастись вширь, что расстояния сделаются огромными, сношения с центром будут сильно затруднены, и потому увеличатся издержки на передвижение.

С точки зрения изложенной теории, земельная спекуляция не является фактором отрицательным. Наоборот, она совершенно необходима. Создавая заранее запас строительных участков, она в нужный момент, когда действительно в них есть

потребность, пускает их на рынок в пригодном для застройки виде. Спекуляция заботится таким образом о постоянном притоке новой земли для застройки. Монопольным характером она отнюдь не обладает, так как всегда есть запас земли, на которой могут быть возводимы строения в случае, если спекулянты потребовали бы чрезмерно высокие цены. Этим отрицается также возможность искусственного повышения цен.

Чтобы разобраться в этих противоположных теориях, прежде всего отметим, что в двух пунктах они обе сходятся. Сторонники многоэтажного дома не отрицают необходимости создания кварталов коттеджей, вилл и вообще, небольших домов. «Где земля дешева, говорит упомянутый выше А. Фохт¹², пусть и впредь строятся небольшие дома для собственных надобностей, а, чтобы цена на землю оставалась достаточно низкой, должны быть созданы для этих районов особые права с большими строительными ограничениями, так как в противном случае конкуренция казарменных домов повысит настолько цены на земли, что небольшие здания или совершенно будут невозможны, или возможны только для состоятельных». С другой стороны, противники многоэтажных домов не распространяют ограничения вертикальной застройки на центральные части города. Даже такой крайний представитель этого взгляда, как профессор Эберштадт, заявил: «никто не может серьезно возражать против интенсивной застройки на дорогой земле»¹³.

Следовательно, практически спор сводится к системе застройки жилых районов для широких масс городского населения.

¹² Цит. соч., стр. 9.

¹³ Handbuch etc., стр. 80. Нечего и говорить, что представители коллективистических взглядов, стоя на точке зрения уменьшения привилегий земельных собственников, и подавно настаивают на том, чтобы порядок заселения и, вообще, строительные законы не служили в руках домо- и землевладельцев орудиями эксплуатации. Известный Эдуард Бернштейн предостерегает: «нельзя забывать о воздухе, о свете, о природе. Если уже мириться с казарменным типом построек в центре города, то возведение этого типа в норму даже в окрестностях города, на наш взгляд, — величайшее безобразие».

Таблица 3

При количестве этажей:	Стоимость постройки одного кв. метра жилой площади в марках:
1	65,3
2	58,8
3	56,0
4	54,4
5	53,5

Таблица 4

При высоте дома в:	Стоимость в марках:
1 этаж	5977
2 этажа	5292
3 этажа	5040
4 этажа	4896
5 этажей	4815

Нет сомнения, что и здесь многоэтажный дом - результат развития города и возрастающего вместе с тем спроса на квартиры. Но центр тяжести вопроса заключается в том, *нельзя ли, несмотря на рост города, удержать тип небольшого дома, как нормальный тип жилища?*

Постараемся ответить на этот вопрос на основании опытных данных, независимо от тех или иных теоретических предпосылок.

Одно из положений, долгое время считавшееся бесспорным, заключается в том, что при низкой застройке, как было уже упомянуто, на единицу жилой площади падает большая доля земельной ренты, нежели при интенсивной. Следовательно, и стоимость квартиры при одной и той же цене на землю должна быть выше в одноэтажном доме, чем в многоэтажном.

Это положение было подвергнуто Баумайстером¹⁴ обстоятельному исследованию и оказалось, что разница в стоимости квартиры в зданиях различной высоты не так уж велика. Она совсем незначительна при низких ценах на землю и повышается лишь в том случае, когда цена земли очень высока. Это становится ясным путём следующих соображений.

Определим прежде всего, какое количество земли (включая и ту площадь, которая поглощается улицами) требуется под квартиры в домах разной высоты. Если, например, построить дом размерами около 45 кв. саженей, в каждом этаже по две квартиры в три комнаты с кухней, службами, верандой и проч., то для такого дома потребуется земли (Таблица 2):

В этом подсчёте, разумеется, принято во внимание, что с уменьшением высоты дома уменьшается ширина и величина двора. Получается экономия земли, которая идёт на увеличение отдельных усадеб. При таких условиях разница в требуемом количестве земельной площади для

одно и двухэтажного дома составляет около 30%, но уже начиная с третьего этажа эта разница, как видно из таблицы, становится маловажной.

Теперь проследим, насколько изменяются строительные издержки при той или иной высоте дома. Ведь, квартирная плата составляется, во-первых, из цены, заплаченной за землю, во-вторых, из стоимости постройки, т. е. строительных издержек, и, в-третьих, из расходов по содержанию имущества. Разницу в количество требуемой земли при домах разной величины мы уже установили, а теперь перейдём ко второму из этих элементов, — к строительным издержкам.

Защитники многоэтажного дома не без основания указывают, что стоимость постройки относительно возрастает с уменьшением числа этажей. Этому факту придают решающее значение, считая вообще всю жилищную проблему по преимуществу проблемой строительных издержек.

Так ли это?

Изучая изменение строительных издержек при увеличении высоты дома. Фабариус нашёл, что экономия получается только до третьего этажа; при постройке четвёртого и пятого этажей, наоборот, издержки даже относительно увеличиваются. Последнее обстоятельство отрицается Баумайстером и Фохтом, которые утверждают, что стоимость постройки уменьшается до пятого этажа включительно. Мы будем исходить из данных Фохта — одного из наиболее ревностных апологетов многоэтажного дома. Стоимость постройки одного квадратного метра жилой площади варьирует, согласно его вычислениям, следующим образом в домах различной высоты (Таблица 3):

Здесь, как и при подсчёте земли, значительная экономия получается только при возведении второго этажа. С дальнейшим увеличением высоты дома выгадывается очень мало. Так, разница между двух и трёхэтажными домами даёт всего 2,8 марки; между четырёх и пятиэтажным только

¹⁴ R. Baumeister. Bauordnung und Wohnungsfrage. Berlin. 1911.

Таблица 5

При числе этажей		1	2	3	4	5
И при цене за землю за 1 кв. метр:	0 марок	477	421	408	399	392
	1 марка	484	426	413	404	396
	5 марок	513	448	432	421	413
	10 марок	549	475	456	444	434
	20 марок	622	539	504	488	475
	50 марок	839	673	648	622	600
	100 марок	1202	961	893	844	807

1,1 марки экономии строительных издержек на 1 кв. метр жилой площади. Стоимость постройки целой квартиры в 90 кв. метр. (20 кв. саженей¹⁵) полезного пространства составит (Таблица 4):

Следовательно, постройка предположенной нами квартиры будет стоить в пятиэтажном доме дешевле, чем

в двухэтажном на 477 марок

в трёхэтажном на 225 марок

Полагая 6,5% на строительный капитал, мы найдём, что годовая арендная плата за нашу квартиру, поскольку она зависит непосредственно от изменения строительных расходов, будет в пятиэтажном доме меньше, чем

в двухэтажном на 31 марку

в трёхэтажном на 15 марок

Иными словами, за благо пользования всеми преимуществами двухэтажного дома приходится платить ежегодно 31 марку, а в трёхэтажном доме 15 марок, — плата даже для бедного обитателя вряд ли обременительная.

Что же касается более дорогих квартир, то, естественно, указанные цифры будут для них абсолютно выше, но, принимая во внимание большую состоятельность их жильцов, они будут относительно еще менее обременительны.

Результаты подсчета строительных издержек, таким образом, аналогичны с результатами

¹⁵ Надо заметить, что все расчёты — как требуемой земли, так и строительных издержек, и разницы в арендах сделаны на доме с двумя квартирами в каждом этаже. Застроенная площадь, как было указано, составляет около 45 кв. саж., при размерах дома 6 x 4,5 саж. Сюда включена общая на обе квартиры лестница. За вычетом стен, полезного пространства получится около 40 кв. саж., а на каждую квартиру — около 20 кв. саж. Эту площадь для трёхкомнатной квартиры надо признать вполне просторной: в массовых квартирах малоимущего населения площадь 3-комнатной квартиры доводится только до 10-12 кв. саж. Само собой разумеется, что если все излагаемые расчёты, сделанные на квартиру в 20 кв. саж., применить к квартире в 10-12 кв. саж., то разница в стоимости квартир будет еще менее значительная.

разницы стоимости земли в домах разной высоты. Посмотрим теперь, каким образом в общем итоге отражаются все эти разницы на наемной цене такой же трёхкомнатной квартиры при различной высоте дома, считая, что за покрытием всех расходов по содержанию дома, затраченный капитал должен принести 5,5% чистого дохода. Стоимость такой квартиры в зависимости от земельных цен составит в марках (Таблица 5):

Эта таблица даёт реальное основание для целого ряда интересных выводов. Прежде всего, при удорожании земли от 1 до 100 марок за кв. метр, жизнь в одноэтажном доме обходится втрое, а в высоких домах вдвое дороже. В процентном отношении такое возрастание арендной платы в зависимости от удорожания земли составляет даже в пятиэтажном доме около 70%. В то же время уменьшение той же арендной платы за квартиру в зависимости от увеличения интенсивности застройки составляет в лучшем случае, т. е. даже при стоимости кв. метра в 100 марок — только 33%.

Отсюда вывод: «Удорожание земли гораздо больше повышает квартирные платы, нежели увеличение интенсивности застройки их удешевляет. Следовательно, увеличение интенсивности застройки, уменьшая строительные расходы, но повышая ценность земли, имеет своим результатом не понижение, а повышение квартирных плат»¹⁶.

К этому надо добавить, что, как видно из той же таблицы, уменьшение квартирных плат при увеличении высоты дома более или менее значительно только при переходе от одноэтажного дома к двухэтажному.

¹⁶ Изв. М. Г. Д. 1912 г. № 6-7. А. Глебов. «Интенсивная и экстенсивная застройка». Автор этих интересных статей доказывает, что квартирные цены неуклонно имеют тенденцию достигать максимальных размеров независимо от характера застройки, и потому требует ограничения высоты домов, предназначенных для жилья, где бы они ни находились на окраине или в центре.

СТАРАЯ СИСТЕМА	НОВАЯ СИСТЕМА
Вся площадь застроена четырёхэтажными домами казарменного типа с боковыми поперечными надворными строениями, без сквозного проветривания, с видом на тесные дворы. Все улицы имеют одинаковую ширину. Зелень отсутствует. Типичная застройка центральной части большого города.	Все квартиры на тихих, жилых улицах с хорошим сквозным проветриванием, с садами во дворах. Половина обитателей живёт в двухэтажных домах с одной квартирой в каждом этаже. Широкие улицы проходят только посередине и по наружным очертаниям.

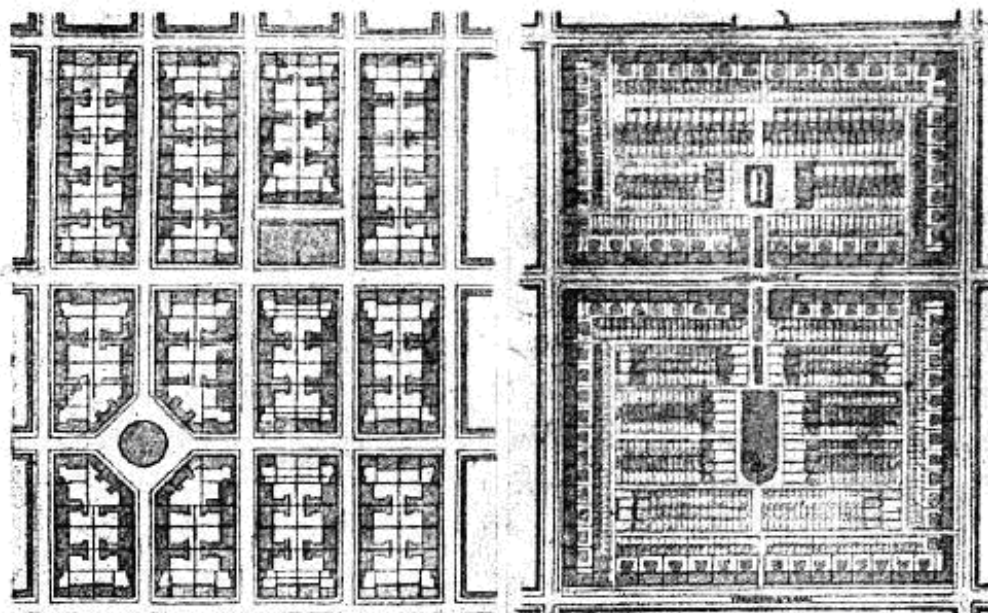

Рис. 16. Схема д-р Кучинского и арх. Левеса.

Но уже со второго этажа, даже при дорогой земле в 50 марок за 1 кв. метр, эта разница уменьшается, а с третьего этажа и выше разница почти сглаживается. Дальнейшей вывод напрашивается сам собой: экономическая выгодность малых домов с одной стороны, и гигиеническая и моральные их преимущества, с другой, дают основания для полного запрета больших казарм и ограничения высоты домов двумя или тремя этажами даже в наиболее населённых жилых кварталах.

Этот вывод приобретает еще более ценное практическое значение, благодаря труду архитектора Редлиха, который разработал вопрос с архитектурно-технической точки зрения, и на представленных им планах на дрезденской гигиенической выставке доказал, что путём удачной компоновки можно уничтожить почти всякую разницу в выгоде интенсивной стройки, то есть, при умелой планировке и индивидуализации площадей и улиц, площадь этажей даже при открытой и низкой стройке только незначительно уступает площади этажей при постройке многоэтажных домов. Ту же мысль точно обосновали д-р Кучинский и арх. Левес в оригинальном схематическом

чертеже с подробными расчётами. Приводим его ввиду особого практического значения (Рис. 16).

Белые пятна внутри кварталов обозначают свободные, незастроенные пространства, т. е. дворы. Деталь участков при обеих системах застройки показана на след. рисунках (Рис. 17).

Чтобы выяснить, какая из этих двух систем застройки наиболее выгодна, возьмём одну и ту же площадь в 207.808 квадр. метров и разобьём ее по таким двум различным системам: по старой системе — на широкие улицы и большие дома, а затем, по новой системе — частью на большие дома и широкие проезжие улицы и частью для жилья на узкие улицы и малые дома без надворных флигелей. Мы получим (Таблица 6).

При старой системе под улицы и площади отходит больше земли приблизительно на 9.000 кв. метров, но площадь застройки остается без всякого изменения. Доходность также остается неизменной, как видно из следующего расчёта (Таблица 7).

Иными словами, уменьшение ширины улицы даёт возможность без ущерба для доходности получить взамен квартирной казармы

СТАРАЯ СИСТЕМА	НОВАЯ СИСТЕМА
Деталь земельных участков, застроенных большими домами с надворными постройками.	Деталь земельных участков, застроенных малыми домами без надворных построек.

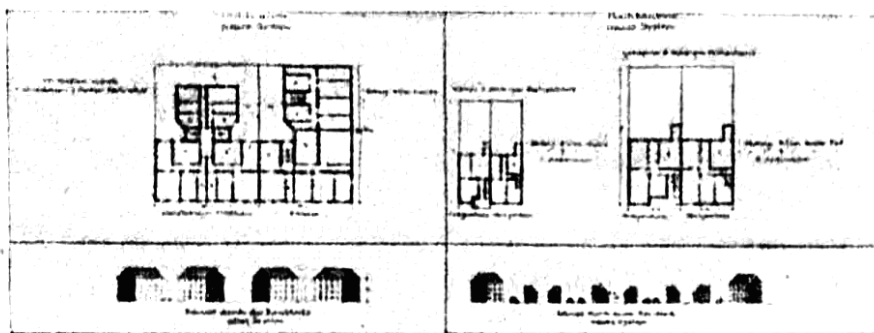

Рис. 17. Детали участков при старой и новой системах застройки.

гигиенический малый дом с садом¹⁷. Даже количество жилых помещений остается неизменным - в обоих случаях 290,283 кв. метр. площади этажей.

Таковы результаты сопоставления различных систем застроек, с полной очевидностью выясняющие то влияние, какое оказывают строительные ограничения на главные факторы, определяющие квартирные платы. Остается упомянуть еще и о второстепенных факторах, удешевляющих открытую и низкую стройку. Таковы, например, меньшая стоимость замощения, уменьшение полицейских строительных требований, льготные налоги и т.д.¹⁸ Путём таких постановлений могут быть устранены все остальные моменты, делающие небольшой дом дороже многоэтажного. Правильность всех данных расчётов находить блестящее подтверждение на практике.

Высокий интерес в этом отношении представляют работы: Henry Aldridge «The Cottage versus the Block» и Alderman Thompson «Housing Up-to-Date». Оба английские автора обследовали

жилищные условия за период времени с 1893 по 1907 гг. в целом ряде английских городов, и собрали цифровые данные о стоимости постройки больших многоквартирных домов (по английской терминологии Block) и малых односемейных (Cottage). Выводы, к которым они пришли, оказались совершенно неожиданными.

Средняя стоимость одной комнаты в «блоках» колеблется от 80 до 110 фунт, при стоимости земли по расчёту также на одну комнату от 52 до 136 фунт.

В то же время стоимость постройки одной комнаты в коттеджах (обследовано 2.160 таких домиков) обошлась от 30 до 55 фунт, при стоимости земли на 1 комнату от 7 до 70 фунт.

Таким образом, оказалось, что жизнь в коттедже при отличной санитарно-гигиенической и моральной обстановке обходится значительно дешевле, нежели в большом «блоке» с его теснотой, заразами и болезнями. Впрочем, у англичан «блоки» никогда не пользовались популярностью. Этот тип домов возник в больших городах Англии между 1850—1880 годами, и одно время считался образцовым, — его называли: «model dwelling»: однако, в настоящее время он уже не находит там сторонников. Даже рабочие считают, что «блоки» не совместимы с английским представлением о собственном home¹⁹, который должен дать известный домашний уют. Вот почему Лондон, самый

19 Home, sweet home – своеобразное, непередаваемое английское выражение, означающее особый уют, негу и поэзию домашнего очага. Исключительная привязанность англичан к своему дому, выражающаяся в известной поговорке: «my house is my castle» («мой дом — моя крепость»), имеет глубокие традиции. Это выражение относится еще к 16-му столетию: сэр Эдуард Кук (1551—1633) в одном из своих сочинений говорит: «Дом каждого - это его крепость, как для защиты от обид и насилия, так равно и для отдыха».

17 Едва ли надо доказывать, что все приведенные расчёты и выводы сохраняют полную силу и при наших русских условиях. Конечно, стоимость земли и построек варьирует в различных местностях, но отношение строительных издержек и квартирных плат при разных высотах домов в общем сохраняется и у нас с незначительными отклонениями.

18 Как много зависит стоимость постройки от тех или иных полицейских требований строительного устава, видно из следующего вычисления, сделанного Гелльвегом. Свободно стоящий парный дом (Doppel-haus), который по проекту и смете «Вестфальского ферейна для поощрения небольших домов» должен стоить 9.726 марок, обходится в Мюнстере 11.094 марок, в Миндене — 10.444 марок, а в Арнсберге—11.055 марок. Различие это обуславливается исключительно требованиями строительных уставов (IX. Internat. Wohnungcongress. Wien. 1910, т. I, стр. 299).

Таблица 6

РАЗБИВКА ПЛОЩАДИ				
Общая площадь 282 м. х 544 м. = 207808 кв. метр.				
	Старая система	Новая Система		
	Высокая застройка кв. м.	Высокая застройка кв. м.	Низкая застройка кв. м.	Всего кв. м.
Площади	5.692	520	5.172	5.602
Улицы	63.408	29.304	24.976	54.280
Площадь участков	138.708	55.224	92.616	147.836
Площадь застройки	76.637	40.908	47.494	88.402
Площадь этажей	290.540	163.632	126.621	290.283

большой город в мире, в то же время, как мы неоднократно указывали, - город малых домов.

Олридж указывает также на то обстоятельство, что в Берлине, где система «блоков» нашла широкое применение из боязни, что «не хватит земли для людей», - результат получился такой, что там построено только 36% всей площади, а 64% не построено и остается под дорогие улицы, малые дворы и свободные пространства.

Исследования Баумайстера, Олриджа и Томсона разрушают в корне важнейший довод защитников многоэтажного типа построек — их выгодность и неизбежность для нашего экономического строя.

Становится ясной квалификация, которую дал домам-казармам Евгений Йегер: наемная казарма не только худшая, но и наиболее дорогая форма жилья²⁰.

С такой же точки зрения надо признать преувеличенным опасение, будто при низкой застройке города должны раскинуться на чрезмерно большую площадь. По вычислениям проф. Баумайстера, «одноэтажный город» не займёт даже в два раза больше площади, чем «пятиэтажный». Это понятно, если принять во внимание меньшую ширину улиц, уменьшение площади двора и т. п.

Нам остается ещё хотя бы в общих чертах коснуться действительной роли спекуляции.

Спекуляция коренится в отмеченном нами постоянном росте земельных цен. Если стоимость

²⁰ Метко их характеризует Говард: доходные дома напоминают те почтовые дилижансы, которые были предметом общего восхищения как раз в тот момент, когда они были уже обречены на смерть введением железных дорог. В противоположность дому-казарме, этому «капиталистическому фаланстеру», особняк — это определённо выраженная индивидуальность, автопортрет. Когда строителю Сольнесу в драме Ибсена незнакомые ему люди заказали виллу, он отказался. И когда к нему стали приставать, Сольнес раздраженно ответил: «Я не могу им строить, я совсем не знаю этих людей».

земли повышается, то все землевладельцы соответствующего района превращаются в спекулянтов: им всем в одинаковой степени доступны «радости высоких цен». Они стараются использовать все перспективы и поднять цены до максимума. С такой точки зрения спекуляция есть необходимый придаток частного землевладения, и поэтому, поскольку она обусловливается только развитием и ростом города, она представляется явлением естественным и неизбежным. При нормальных условиях спекуляция не является самоцелью для владельца земли; владение землей служит прежде всего удовлетворению жилищных потребностей и вкладом для небольших капиталов. Повышение ценности земли является как бы дополнительной рентой, оно происходит как бы само собой. Это - спекуляция пассивная, бессознательная. Специфические формы она принимает в тех случаях, когда она делается главным стимулом городского домо- и землевладения. Такой характер она принимает в быстро растущих городах, именно с момента появления многоэтажного типа жилого дома. Интенсификация застройки, абсолютное повышение доходов и сильный рост земельных цен - все это способствует здесь, как и в других областях экономической жизни, привлечению спекулятивных капиталов. Домовладение и землевладение теряют свой мелкий, так сказать, кустарный характер, и приобретают капиталистические свойства. И если новейшая школа Фохта, как мы говорили, совершенно отрицает монопольный характер городского землевладения, то с этим едва ли можно согласиться. Ведь каждый участок, улица или квартал являются в отдельности единственными, обладают, так сказать, своей особой индивидуальностью; каждый участок либо совсем незамеченным, либо заменим очень ограниченным числом других. Монопольный характер землевладения

Таблица 7

ДОХОДНОСТЬ		
	Старая система, марки.	Новая система, марки.
Цена земли: кв. метр 30 марок	6.063.480	6.003.480
Стоимость замощения: кв. метр 18 марок	1.141.344	977.040
Стоимость канализации: метр 60 марок	327.132	526.560
Стоимость постройки: кв. метр площади этажа 75 марок	21.791.160	21.771.200
Общая стоимость	29.323.416	29.338.280
Квартирная плата: кв. метр площади этажа 6 марок. 50000 марок прибавление для магазинов	1.793.293	1.791.696
Доходность	6,1%	6,1%

выступает особенно ярко, если взять в данное время все годные для застройки участки не отдельно, а в совокупности. Число их будет ограничено и постоянно. То обстоятельство, что владельцем является не одно лицо, а известная группа, не меняет характера и существа владения. Ни умножить, ни сфабриковать такую же землю нельзя. Стало быть, владельцы земли в каждый данный момент по отношению именно к данной земле являются монополистами. Если даже на известном расстоянии всегда имеется количество земель, еще не захваченных спекулянтами и конкурирующих на рынке, то это обстоятельство вряд ли существенно. Город развивается более или менее равномерно, и застройка его происходит более или менее сплошными массами от центра к периферии. Следовательно, земля, находящаяся в отдалении, лишь в слабой степени конкурирует с городскими землями²¹.

Если, таким образом, в сфере городского землевладения и существует монополия, то надо тем не менее признать, что она не абсолютна. Известные обстоятельства и мероприятия могут ее усилить, другие ослабить. К числу главных моментов, укрепляющих монопольное положение землевладельцев, безусловно должна быть отнесена многоэтажная система построек. Именно, она, как мы видели, привлекает большие капиталы, сосредоточивает в немногих руках землевладение, превращая его в орудие спекуляции²². А чем более искусственно

укрепляется позиция монополистов-спекулянтов, тем больше они в силе диктовать цены на землю, заставляя покупателей компенсировать высокую цену земли усиленной застройкой. Между многоэтажным домом и спекуляцией существует, таким образом, тесное взаимодействие: многоэтажный дом вызвал к жизни и питает спекуляцию, а она платит ему тем, что всюду его насаждает и является его глашатаем и поборником²³.

Вот все то зло, какое несёт с собой казарменный многоэтажный жилой дом. Борьба с ним возможна главным образом, как мы выше выяснили, на почве рационального и своевременного урегулирования роста города посредством создания плана, предупреждающего в жилых районах появление чрезмерно глубоких земельных участков с высокой и сильной застройкой. Пусть строительная регуляция не является панацеей от всех жилищных бед, но она, во всяком случае, является фактором не только оздоравливающим, но и удешевляющим городскую жизнь. А потому влияние строительной регуляции на жилищные условия населения должно быть признано и с точки зрения экономической безусловно благотворным.

М. Диканский

21 Вопрос о степени конкуренции отдалённых от центра города земель находится, конечно, в связи с наличием удобных путей сообщения.

22 И. Фохт рассказывает, что известное предместье Берлина Целлендорф было куплено в свое время за бесценно известным спекулянтом Карстеном, этим «Наполеоном земельной

спекуляции», который впоследствии продавал эту землю с надбавкой в несколько тысяч процентов.

23 Наконец, если по отношению к квартирной плате абсолютная высота земельной ренты не является решающей, то в одном отношении понижение цен на землю крайне важно для городского благоустройства: в отношении площадей, скверов, парков и, вообще, свободных пространств. При высоких ценах на землю, выделение таких свободных пространств сопряжено с чрезмерными затратами, что не имеет места при дешевой земле.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Том 1 (2) Избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов в двух томах. Редакторы: Бархин М.Г., Иконников А.В., Мац И.Л., Орлов Г.М., Ступин В.И., Яралов Ю.С. - Москва: Искусство. 1975, 559 с.
2. Белоусов В.Н., Смирнова О.В. В. Н. Семенов. - М.: Стройиздат, 1980. - 144 с.
3. Шестернева Н.Н. Эпоха становления профессии «градостроитель» в России: неизвестные имена и забытые работы // Градостроительство. 2015. № 3 (37). С. 56 -61.
4. Старостенко Ю.Д. Вопросы планировки городов в 1910 г.: Конференция по планировке городов в Лондоне и Первый всероссийский съезд специалистов и деятелей по городскому благоустройству в Одессе // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. № 2 (7). с. 189-200.
5. Меерович М.Г. Градостроительная политика в СССР, 1917-1929: от города-сада к ведомственному рабочему поселку. - Москва: Новое литературное обозрение, 2017, 346 с.
6. Щербань Т.А. Григорий Дмитриевич Дубелир. 1874-1942. - М: Наука, 1995. - 110 с.
7. Енш Адам (Арнольд) Карлович (1866–1920), инженер, профессор Томского технологического института. Энциклопедия российских немцев. URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5532>
8. Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования; Российская акад. архитектуры и строит. наук (РААСН), Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства. - Москва: Прогресс-Традиция, 2009. - 462 с.
9. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн.2: Социальные проблемы. - М.: Стройиздат, 2001. - 712 с.
10. Вайтенс А.Г. Исторический опыт регулирования архитектурно-градостроительного развития Санкт-Петербурга - Ленинграда: 1870-е - конец 1950-х гг.: диссертация ... доктора архитектуры: 05.23.20 - Москва, 2014. - 396 с.
11. Российское зарубежье во Франции (1919 - 2000). Биографический словарь в трех томах; под общ. ред.: Л. Мухина, М. Авриль, В. Лосской. - Москва: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008-2010.
12. Диканский, Моисей. Мысли о застройке Палестины. - Paris: Rodstein, [192-?]. - 31 с.
13. Диканский, Михаил Григорьевич. Живая французская речь [Текст] = Le Francais parle / (Michel Dikansky); Предисл. А. Мазона. - Paris: Ed. Universitaires, 1938. - 176 с.
14. Амосова Светлана, Николаева Светлана Практики перемены имен у евреев Подолии и Буковины в советский период // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции: Сборник статей. Редколлегия: О. В. Белова (отв. ред.), В. В. Мочалова, В. Я. Петрухин, Т. А. Шелонина (Академическая серия. Вып. 29.) - М., 2010, 432 с.
15. Michel Dikansky (Préface de Charles Gide) "La ville moderne: la circulation, l'habitation, le travail". Paris: Aux éditions de «La Bonne Idée, 1927, 149 p.
16. Государственный архив Харьковской области. ф.45. о.13. д.27
17. Диканский, Матвей Григорьевич. Новейшая концентрация германской промышленности. - Москва; Ленинград: Московский рабочий, 1926. - 236 с.
18. Диканский, Матвей Григорьевич. Международные монополии: Возникновение и развитие важнейших междунар. картелей / М. Г. Диканский, В. А. Шильдкнут. - Москва: Мысль, 1966. - 271 с.
19. Диканский, М.Г. Авторское право в архитектуре: монография. - Петроград: Тип. Петроградского Градоначальства, 1916. - 79 с.
20. Диканский, М.Г. Русское строительное законодательство. Систематическое изложение строительных законов и обязательных постановлений с сенатскими решениями и комментариями: практическое руководство для архитекторов, юристов и городских деятелей. Пособие для изучения строительного законодательства. - Издание Т-ва Н.П. Карбасникова. - Петроград: Тип. Кюгельген, Глич и К. 1918. - 294 с.
21. L'Histoire du Juana. URL: <https://www.hotel-juana.com/fr/l-hotel-juana/l-histoire-du-juana/>
22. Лейбфрейд А.Ю., Реусов В.А., Тиц А.А. Харьков: Архитектура, памятники, новостройки: Путеводитель. - Харьков: Прапор, 1985, 151 с.
23. Государственный архив Харьковской области. ф.71. о.5. д.1106
24. Лейбфрейд, А.Ю. Архитекторы-евреи в Харькове: Очерк – Харьков: Каравелла, 2002. – 32 с.
25. Государственный архив Харьковской области. ф.52. о.4. д.1115
26. Государственный архив Харьковской области. ф.3 о.288. д.378
27. Высочайше утвержденное 13 апреля 1835 года Положение о Евреях. ХРОНОС – всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/dokum/ru_evr1835.html
28. Gerd Albers, Zur Entwicklung der Stadtplanung in Europa: Begegnungen, Einflüsse, Verflechtungen, Birkhäuser Verlag GmbH, 1997, 395 s.
29. Государственный архив Харьковской области. ф.4. о.187. д.55
30. М. Диканский, Жилищная нужда. Зодчий, 1907, № 22-36
31. Цветков В. Ж. Кооперация и сельское хозяйство на белом Юге России в 1919-1920 гг. // Экономический журнал. 2016. № 3 (43). с. 108-129.
32. «Рассвет». Краткая Еврейская Энциклопедия. Том 7. - Иерусалим, 1994, с. 85–90. URL: <https://eleven.co.il/jewish-literature/in-russian/13447/>
33. Harris, G. Montagu. Local Government in Many Lands. A comparative study. London: P.S. King & Son, 1926, 341 p.

34. Rachel Kallus (1997) Patrick Geddes and the evolution of a housing type in Tel-Aviv, *Planning Perspectives*, 12:3, 281-320, DOI: 10.1080/026654397364663
35. Gide, Charles. *L'extension de la ville modern*. Bulletin technique de la Suisse romande, 1927, Band: 53, Heft 10, s. 119-121

REFERENCES

1. Masters of Soviet architecture about architecture. Volume 1 (2) Selected excerpts from letters, articles, speeches and treatises in two volumes. Editors: Barkhin M.G., Ikonnikov A.V., Matz I.L., Orlov G.M., Stupin V.I., Yaralov Yu.S. - Moscow: Art, 1975, - 559 p.
2. Belousov V.N., Smirnova O.V. V.N. Semenov. - M.: Stroyizdat, 1980. - 144 p.
3. Shesterneva N.N. The era of the profession «urban planner» in Russia: unknown names and forgotten works // *Urban planning*. 2015. No 3 (37). pp. 56-61.
4. Starostenko Yu.D. Issues of city planning in 1910: Conference on city planning in London and the First All-Russian Congress of specialists and figures on urban improvement in Odessa // *Questions of the general history of architecture*. 2016. No. 2 (7). pp. 189-200.
5. Meerovich M.G. Urban planning policy in the USSR, 1917-1929: from the garden city to the departmental workers' village. - Moscow: New Literary Review, 2017, 346 p.
6. Shcherban T.A. Grigory Dmitrievich Dubelir. 1874-1942. - M.: Nauka, 1995. - 110 p.
7. Jensch Adam (Arnold) Karlovich (1866–1920), engineer, professor at Tomsk Institute of Technology. *Encyclopedia of Russian Germans*. URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5532>
8. Kazus I.A. Soviet architecture of the 1920s: design organization; Russian Acad. architecture and builds. Sciences (RAASN), Scientific. Institute of Architecture and Urban Planning. - Moscow: Progress-Tradition, 2009. - 462 p.
9. Khan-Magomedov S.O. The architecture of the Soviet avant-garde: In 2 books: Book 2: Social problems. - M.: Stroyizdat, 2001. - 712 p.
10. Vaitens A.G. Historical experience of regulation of the architectural and urban development of St. Petersburg - Leningrad: 1870s - late 1950s: dissertation ... Doctors of architecture: 05.23.20 - Moscow, 2014. - 396 p.
11. Russian abroad in France (1919 - 2000). Biographical Dictionary in three volumes; under the general. Ed.: L. Mukhina, M. Avril, V. Lossky. - Moscow: Science: House-Museum of Marina Tsvetaeva, 2008-2010.
12. Dikansky, Moses. Thoughts on the development of Palestine. - Paris: Rodstein, [192-?]. - 31 p.
13. Dikansky, Mikhail Grigoryevich. Live French Speech [Text] = Le Français parle / (Michel Dikansky); Foreword A. Mason. - Paris: Ed. Universitaires, 1938. - 176 p.
14. Amosova Svetlana, Nikolaev Svetlana. Practices of name change among the Jews of Podolia and Bukovina in the Soviet period // *Dialogue of generations in the Slavic and Jewish cultural traditions: Collection of articles*. Editorial board: O. V. Belova (ed.), V.V. Mochalova, V. Ya. Petruchin, T. A. Shelonina (Academic series. Vol. 29.) - M., 2010, 432 p.
15. Michel Dikansky (Préface de Charles Gide) "La ville moderne: la circulation, l'habitation, le travail". Paris: Aux éditions de «La Bonne Idée, 1927, 149 p.
16. Kharkiv Region State Archive. f.45. o.13. d.27
17. Dikansky, Matvey Grigorievich. The latest concentration of German industry. - Moscow; Leningrad: Moscow Worker, 1926. - 236 p.
18. Dikansky, Matvey Grigorievich. International monopolies: The emergence and development of major international cartels / M. G. Dikansky, V. A. Schildkrut. - Moscow: Thought, 1966. - 271 p.
19. Dikansky, M.G. Copyright in Architecture: Monograph. - Petrograd: Printing House of the Petrograd Town Administration, 1916. - 79 p.
20. Dikansky, M.G. Russian construction legislation. A systematic presentation of building laws and binding decrees with Senate decisions and comments: a practical guide for architects, lawyers, and city leaders. An allowance for the study of building law. - Edition of T-va N.P. Karbasnikov. - Petrograd: Type. Kugelgen, Glich and K., 1918. - 294 p.
21. L'Histoire du Juana. URL: <https://www.hotel-juana.com/fr/l-hotel-juana/l-histoire-du-juana/>
22. Leibfrejd A.Yu., Reusov V.A., Tits A.A. Kharkov: Architecture, monuments, new buildings: Guidebook, - Kharkov: Prapor, 1985, 151 p.
23. Kharkiv Region State Archive f. 71. o.5. d.1106
24. Leibfrejd, A.Yu. Jewish Architects in Kharkov: Essay - Kharkov: Caravel, 2002. - 32 p.
25. Kharkiv Region State Archive f. 52. o.4. d.1115
26. Kharkiv Region State Archive f.3 o.288. d.378
27. The highest regulations of the Jews on April 13, 1835. CHRONOS - world history on the Internet. URL: http://www.hrono.ru/dokum/ru_evr1835.html
28. Gerd Albers, Zur Entwicklung der Stadtplanung in Europa: Begegnungen, Einflüsse, Verflechtungen, Birkhäuser Verlag GmbH, 1997, 395 p.
29. Kharkiv Region State Archive f.4. o.187. d.55
30. M. Dikansky, Housing need. Architect, 1907, No. 22-36
31. Tsvetkov V. Zh. Cooperation and agriculture in the white South of Russia in 1919-1920 // *Economic journal*. 2016. No. 3 (43). pp. 108-129.
32. «Rassvet». Brief Jewish Encyclopedia. Volume 7. Jerusalem, 1994, pp. 85–90. URL: <https://eleven.co.il/jewish-literature/in-russian/13447/>
33. Harris, G. Montagu. Local Government in Many Lands. A comparative study. London: P.S. King & Son, 1926, 341 p.
34. Rachel Kallus (1997) Patrick Geddes and the evolution of a housing type in Tel-Aviv, *Planning Perspectives*, 12:3, 281-320, DOI: 10.1080/026654397364663

35. Gide, Charles. L'extension de la ville modern. Bulletin technique de la Suisse romande, 1927, Band: 53, Heft 10, pp. 119-121

Для ссылок: *Бондарев А.Г., Филиппов В.Д. М.Г. Диканский – попытка биографии* // Innovative project. 2018. T.3, №9. С.6-30. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.1

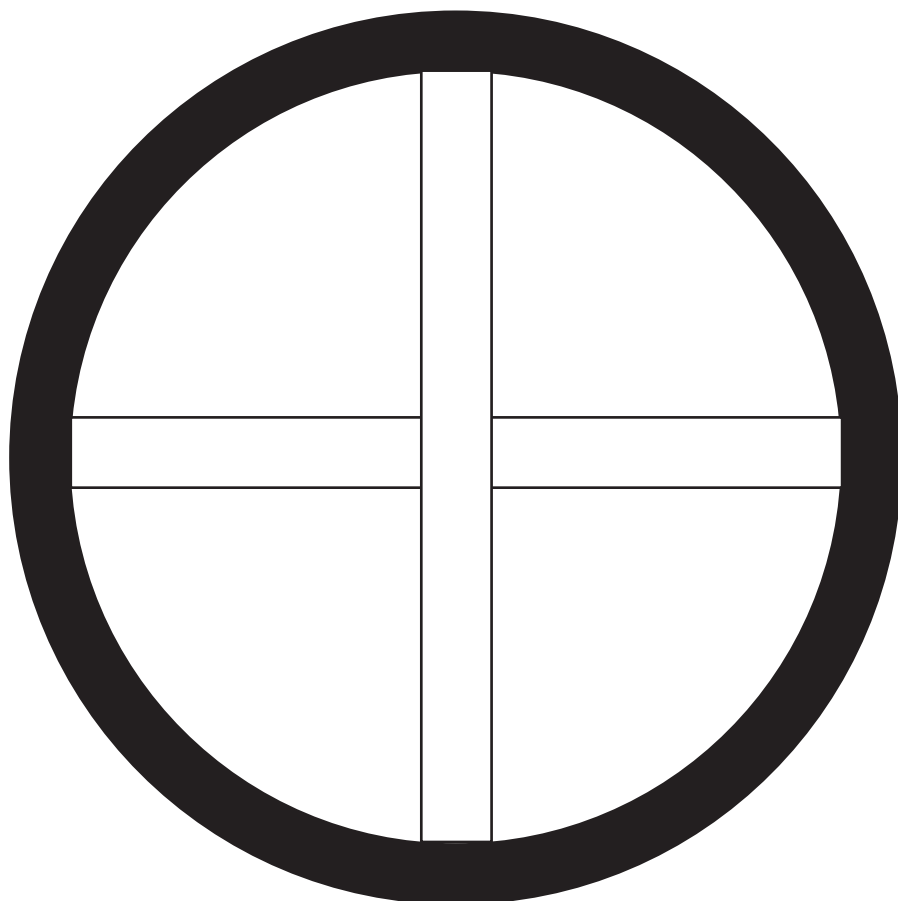
For references: *Bondarev A.G., Filippov V.D. M.G. Dikansky – an attempt at biography*. Innovative project, 2018, Vol. 3, No. 9, pp. 6-30. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.1

2

31–40

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА

URBAN SPACE

Жоголева Анна Владимировна, Полукеева Татьяна Сергеевна

Самарский государственный технический университет

Zhogoleva Anna, Polukeeva Tatyana

Samara State Technical University

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ
ГОРОДСКИХ РАЙОНОВ САМАРЫ
RATIONAL NATURE MANAGEMENT AND URBAN DEVELOPMENT OF THE PERIPHERAL URBAN AREAS
OF SAMARA

Мировая градостроительная практика все больше внимания уделяет проблеме рационального использования земель с точки зрения максимального сохранения их естественной природной уникальности. Особую актуальность данная проблема приобретает в урбанизированной среде. С интенсивным ростом городов растет степень деградации имеющихся рядом природных ресурсов. Территории со сложным природным рельефом (овраги, горы, пещеры, склоны), природные водные объекты (реки, озера), лесные земли в условиях интенсивной урбанизации имеют высокое экологическое, рекреационное, оздоровительное значение. Для современного города это ценнейший градостроительный ресурс, задачи сохранения, устойчивого развития, использования которого – актуальные задачи районной планировки, градорегулирования и проектирования. На примере Красноглинского района города Самары предпринимается попытка проанализировать особенности освоения территорий района, выявить его градостроительные ресурсы, сформулировать предпосылки их грамотного освоения и рационального природопользования.

World urban development practice pays more and more attention to the problem of rational use of land from the point of view of maximally preserving their natural uniqueness. This issue is particularly relevant in an urbanized environment. As cities rapidly grow, the degree of degradation of existing natural resources is increasing. Territories with a complex natural topography (ravines, mountains, caves, slopes), natural water bodies (rivers, lakes), forest lands in conditions of intensive urbanization are of high ecological, recreational, and health-related importance. It is a valuable urban development resource for the modern city. The tasks of its conservation, sustainable development, and use are urgent for the district planning, urban regulation and design. The author dwells upon the Krasnoglinsky district in Samara to make an attempt to analyze the features of the development of the regional territory, identify its urban resources, formulate the prerequisites for their competent development and rational nature management.

Ключевые слова: городской район, анклав, агломерация, пригородные территории, туристическая привлекательность, рекреационные территории, жилые поселки.

Keywords: urban area, enclave, metropolitan area, suburban areas, tourist attraction, recreational areas, residential villages.

Введение

Характер и особенности роста городских территорий отличаются в зависимости от исторических, социально-экономических, политических условий и этапов урбанизации. Равномерно-сплошные и дискретно-рассредоточенные, центробежные и центростремительные, интенсивные и экстенсивные модели городского развития имеют свои градостроительные особенности (плотность населения, функциональное зонирование территорий, характер застройки, транспортная и инженерная инфраструктура), в том числе и характер воздействия на окружающие город территории. Окружающие городскую застройку

территории со сложным рельефом, природные территории в разные периоды урбанизации испытывают различную по характеру и степени воздействия антропогенную и техногенную нагрузку.

Исторические особенности освоения территорий Красноглинского района города Самары

Урбанизация Самарского региона начала XX века сформировала первую стадию агломерирования урбанизированных территорий – рост крупного города Самары, столицы губернии, центра агломерации с относительно сплошной и равномерной по плотности исторической застройкой. Севернее разрастание застройки на пригородных

территориях происходило фрагментарно - слободы, сады, казармы, поселки, крупные промышленные предприятия, усадьбы, дачи, медицинские учреждения, чередуясь с природными участками, формировали агломерационный пояс города.

К 1940 году застройка Куйбышева была ограничена с северо-запада и юга - берега рек Волги и Самары, а с востока и юго-востока - улицы Полевая и Вокзальная (совр. Агibalова). За городской чертой располагались посёлки: посёлок Железнодорожный (ранее - Мещанская слобода), посёлок Солдатская слобода (территория современного Мичуринского микрорайона), посёлок имени Шмидта (посёлок Запанской). Большие площади пригородных территорий вдоль линии железной дороги и берега р. Самары от поселка Железнодорожный на восток были освоены слабо и почти не заселены [1].

Поступательное городское развитие осуществлялось в северном направлении. В 30-е гг. за границами городских земель (на границе со Сталинским районом) появились два важных для горожан крупных объекта - парк культуры и отдыха им. Горького и Клиники медицинского института, автором проекта которых стал известный самарский архитектор П. А. Щербачев. Терапевтический корпус, хирургические корпуса, парниковое и оранжерейное хозяйства в 1938 году заработали на полную мощность [2].

Но задачи территориального и индустриального роста, которые были поставлены в 40-х гг. перед городом Куйбышевом, имели совсем другой градостроительный масштаб.

В условиях дефицита энергетических ресурсов, необходимых для индустриализации страны, признавалось необходимым строительство гидроэлектростанций на крупнейших реках страны, в том числе на Волге. В предвоенные годы самым крупным энергетическим объектом не только Самарской губернии, но и всей страны предполагалось сделать Волгострой - громадную гидроэлектростанцию, которая должна была встать в створе Жигулевских ворот севернее Самары. Подготовительный этап строительства уже был запущен, севернее Куйбышева строились поселки для строителей ГЭС - Красная Глинка, Управленческий, Горный. Но геологические условия сделали невозможным реализацию проекта: громадное число трещин, пустот и полостей в Жигулевских горах привели бы к утечкам воды из водохранилища в обход гидроузла. Поэтому было принято решение о консервации строительства Куйбышевского

гидроузла, а обеспечение промышленности энергией было возложено на построенную в 1941 году Безымянскую теплоэлектростанцию.

Эвакуация оборонных предприятий осуществлялась не только в район станции Безымянка. Важное оборонное предприятие - центральный механический завод, изготавливающий корпуса самолетов Ил-2, был размещен на Семейкинском шоссе (современное Московское шоссе). Здесь в 1942 году вырос рабочий поселок, впоследствии получивший название «Мехзавод». В поселок Управленческий из Москвы эвакуировали завод № 145 им. Кирова, на базе которого впоследствии был образован секретный опытный завод № 2. После начала войны трестам ВОВ Особстрой и Безымянлаг были поручены закладка в Сокольных горах, близ поселков Горный и Красная Глинка гравийных карьеров. Локация этих объектов вызвала необходимость экстренно в годы войны проложить до них линии электропередач, магистральный газопровод и связь от Безымянской ТЭЦ [3].

В 1942 году было принято важное для Куйбышева решение - новые промышленные и селитебные территории были присоединены к городским землям Куйбышева в составе весьма значительного по площади городского Кировского района, а затем в составе двух городских районов - Кировского и Красноглинского. Этим решением в состав областного центра территориально вошли участки размещения заводов, жилые поселки при них, поселки Безымянка, Зубчаниновка, Красная Глинка и Управленческий, а также другие территории (застроенные, свободные, природные), которые ранее составляли агломерационный пояс дореволюционной Самары [4]. Административное объединение новых территорий с городом предопределило главную проблему изолированности новых удаленных промышленных территорий от исторического города и общегородского центра.

Таким образом, исторически Красноглинский район города Самары - это пригород, который постепенно вошел в административные границы города. Район имеет невысокую по сравнению с остальными городскими районами плотность населения, дискретный характер застройки, большие по площади природные территории, в том числе и лесные массивы, красивейший горный рельеф, протяженную береговую линию реки Волги в своих границах, уникальные памятники природы. Обладая транспортной связностью с другими городскими районами, он является ценнейшим эколого-рекреационным ресурсом в черте одного

из крупнейших индустриальных городов России. Очагами урбанизации в районе являются небольшие поселки городского типа, находящиеся на удалении от центрального ядра города: пос. Управленческий (центральный), пос. Мехзавод (в состав поселка входят мкр. Крутые Ключи, пос. Козелки, село Ясная Поляна), пос. Красная Глинка, пос. Береза, пос. Прибрежный. В поселках сосредоточены основные объекты социального и культурно-бытового обслуживания населения [5].

Современный этап урбанизации Самары - агломерирование городских территорий - вовлекает в процессы урбанизации все большие площади пригородных, в том числе и природных территорий. Центроостремительные процессы урбанизации - рост плотности населения в центральных районах города, джентрификация городских центров сопровождаются центробежными процессами градостроительной активности - освоение периферийных и пригородных городских территорий под новую селитьбу, промышленные зоны, крупные торгово-развлекательные молы, торгово-логистические объекты и пр. Формирующаяся Самарско-Тольяттинская агломерация занимает лидирующие позиции в Поволжье по площади вновь построенного многоквартирного жилья, на ее территории создаются и работают особые экономические зоны, индустриальные парки и пр. Красноглинский район города Самары, расположенный между крупными центрами Самарско-Тольяттинской агломерации - Тольятти и Самарой, является территорией первого пояса агломерирования и территориальным ресурсом формирования СТА. Агломерационное развитие существенно повышает градостроительную нагрузку на природные комплексы Красноглинского района, что требует применения особых градостроительных подходов и решений к их подключению к жизнедеятельности современного города.

Функциональное использование территории Красноглинского района города Самары

На территории Красноглинского района расположены жилые поселки со среднеэтажной и многоэтажной жилой и общественной застройки, а также поселки и комплексы с индивидуальной жилой застройкой.

Площадь жилой застройки в районе составляет: 117,58 га.

Площадь индивидуальной жилой застройки - 386 га.

Площадь промышленных предприятий - 2449,87 га.

На территории района расположено 84 гаражных кооператива и 58 садоводческих товариществ. Площадь, занимаемая ГСК, составляет 73,29 га, площадь, занимаемая СТ, составляет 829,23 га, причем площади эти стабильно увеличиваются в балансе района, причем за счет сокращения озелененных территорий [6].

Поселок городского типа Управленческий - административный центр Красноглинского района города Самары с населением около 40 тысяч человек, - расположен на пересечении Волжского и Красноглинского шоссе, с южной стороны примыкает к Коптеву оврагу, с северной - к отрогам оврагов [6]. Имеет четкую планировочную структуру и сложившуюся систему общественных центров, нанизанных на ось главной улицы - улицы Сергея Лазо. Улица Сергея Лазо замыкается смотровой площадкой на высоком берегу реки Волги, с которой открывается широкая панорама на реку, Жигулевские ворота и Заволжье.

Поселок городского типа Красная Глинка расположен в низовьях Сокольных гор, близ места впадения р. Сок в Волгу. Население поселка 17 тыс. человек, поселение имеет компактную планировочную структуру, со всех сторон окружен природными объектами - берег Волги, Соколы горы, гора Тип-Тяв. Основное градообразующее предприятие - крупный завод «Электроцит». В поселке есть дом культуры «Искра», построенный еще в 1953 году, также стадион «Энергия», построенный в эти же годы [6].

Дорожно-транспортная инфраструктура Красноглинского района города Самары

Территорию Красноглинского района пересекают магистрали общегородского и районного значения: Московское шоссе (связь городских территорий с пригородами, регионом и выход на федеральную трассу М5), Красноглинское шоссе, Волжское шоссе (связь города с пригородами, регионом и международным аэропортом Курумоч). Общая протяженность автодорог - 154,4 км.

Также по южной части района проходит железная дорога с регулярным движением пригородных электропоездов. По Волге в период навигации ходит регулярный пассажирский водный транспорт, связывая речной вокзал и пристани Самары с населенными пунктами правобережья Волги - с. Гаврилова Поляна, с. Ширяево и пр.

Между поселками Красноглинского района и центральными районами города организовано движение пассажирского общественного автобусного транспорта, автобусные станции и транспортно-пересадочные узлы расположены в пос. Красная Глинка и пос. Мехзавод.

Основные автомобильные трассы района перегружены, в часы «пик» (утренние и вечерние часы в будние и выходные дни) появляются многокилометровые заторы, в которых затруднено движение личного и общественного автотранспорта.

Система общественного транспорта развита недостаточно. Большие проблемы с обслуживанием населения района общественным транспортом – существующих маршрутов не хватает, большие временные интервалы между рейсами приводят к долгому ожиданию транспорта. Жители района, особенно пос. Красная Глинка и пос. Крутые Ключи не получают качественного транспортного обслуживания. В выходные дни летнего сезона речной транспорт также испытывает повышенную нагрузку и не справляется с потоками пассажиров.

Транспортная сеть района недостаточно развита, отдельные поселения труднодоступны, связи между ними не налажены.

Также в районе, обладающем уникальными рекреационными ресурсами, отсутствуют объекты основного туристического транспорта – велосипедного транспорта. На велосипедах перемещаются жители внутри поселков, есть несколько прогулочных маршрутов по проселочным дорогам в структуре природных территорий, но единой системы, связывающей центральные районы города с поселками и объектами рекреации пока нет.

Озелененные и рекреационные территории Красноглинского района города Самары

Несмотря на количество крупных промышленных предприятий, на большей части территории района складывается благоприятная экологическая обстановка. Это связано с большим количеством природных территорий в структуре района.

На территории района большую площадь 863 га занимает территория 500-метровой водоохранной зоны р. Волга, с охраняемыми градостроительными регламентами, в том числе левого берега р. Волга – 625 га, правого берега – 238 га. Площадь земель Гослесфонда, на которой запрещено новое строительство, – 67505 га.

Берег реки Волги имеет холмистый, выразительный рельеф. Рельеф местности пересеченный.

Отметки высот колеблются в пределах от 30 до 250 метров. Здесь расположены уникальные памятники природы: пещера братьев Грехе, гора Барсук. Благодаря этому на берегу расположены видовые площадки, открывающие широкие панорамы с видами на реку Волгу, национальный парк Самарская Лука, Жигулевские горы.

Рекреационный потенциал территорий весьма востребован – на территории района располагается большое количество рекреационных объектов: лечебных, спортивных, туристических, развлекательных. В окрестностях поселка Красная Глинка располагается горнолыжный комплекс «СОК» с трассами для горнолыжного спуска, оборудованными подъемниками, близ пос. Управленческий есть спортивная база «Чайка» с круглогодичным режимом использования. В структуре поселков площадь скверов и бульваров составляет всего 60,8 га, что говорит о недостатке благоустроенных рекреационных территорий в структуре поселений. Площадь лечебно-профилактических учреждений района – 12,2 га [6].

Специфика расположения Красноглинского района и уникальность его природных условий, наличие минеральных вод позволяет в перспективе расширить сеть имеющихся оздоровительных учреждений, спортивных баз отдыха, специализирующихся на горнолыжном и лыжном спорте, развить туристическое направление.

Объекты культурно-бытового и социального обслуживания Красноглинского района Самары

Красноглинский район в силу дискретности освоенности недостаточно оснащен объектами социального обслуживания (рис. 1-3). Многие поселки не обеспечены в достаточной мере школами, поликлиниками и детскими садами. Также не всегда обеспечивается пешеходная доступность – особенно проблемными участками с этой точки зрения являются пос. Мехзавод и Красная Глинка.

Комплексный градостроительный анализ территорий Красноглинского района Самары

На территории Красноглинского района помимо компактных исторических поселков, вырастают поселки с малоэтажной индивидуальной застройкой, жилые комплексы, дачные массивы. Для анклавов с малоэтажной индивидуальной застройкой градостроительными преимуществами являются высокое качество жизни, расположение

Рис. 1. Учреждения дошкольного образования (радиус доступности 250м).

Рис. 2. Учреждения среднего образования (радиус доступности 500м).

Рис. 1. Учреждения дошкольного образования (радиус доступности 250м).

в рекреационной зоне или близ нее, низкая плотность населения, для некоторых – выгодное местоположение близко к Волге, причалам, лодочным станциям. При этом градостроительными проблемами таких поселков является изолированность поселков, анклавный, хаотичный характер застройки, недостаточное обслуживание жителей общественным транспортом, отсутствие элементов обслуживания и общественных зон.

Продолжающееся строительство малоэтажных поселков в структуре района несет общегородскую негативную тенденцию: территории поселений становятся закрытыми анклавными образованиями для проживания небольшого количества людей, лишаящими горожан доступа к ценным территориям природного ландшафта и как следствие ведущим к потере природной территории для города и отсутствию общественной жизни и рекреаций [7].

Для таких территорий существует различные способы развития: решение внутренних транспортных проблем, создание прямых, сквозных проездов в стихийно сложившейся сети улиц и дорог, создание центров притяжения для жителей, способных сделать анклавы более открытыми,

возможность развития туристических центров, создание мелкой промышленности и объектов занятости населения, улучшение транспортной доступности, создание остановок регулярного водного транспорта в малодоступных местах, создание безопасных надземных пешеходных переходов через основные транспортные магистрали.

В книге О'Салливана «Экономика города» с помощью экономического анализа делается попытка объяснить, почему существуют города, где они появляются, как растут и каким образом в городах организуются различные виды деятельности [8]. Автор вводит понятие «системы городских деревень» – это современный город с его пригородными субцентрами, каждый из которых является самостоятельной единицей, но, тем не менее, все они связаны единой структурой. Субцентры появляются в быстрорастущих городах. Принципы формирования городских деревень можно положить в основу перспектив развития Красноглинского района как пригорода города Самара.

Существует потребность комплексного развития четырех поселков и формирования на их основе четырех подрайонов в структуре Красноглинского муниципального района:

- создание дополнительной транспортной связи между Волжским, Красноглинским и Московским шоссе. При создании транспортных связей появится возможность развивать территории между ними, создавать общую инфраструктуру, и как итог – комплексное развитие района;
- создание системы непрерывных благоустроенных и безопасных пешеходных и велосипедных (в зимнее время лыжных) туристических маршрутов вдоль живописных мест, в структуре природных объектов района (лесных, горных, водных) создающих каркас для рекреационного пояса Самары;
- развитие системы регулярного водного транспорта. Это будет способствовать развитию туристической инфраструктуры, улучшит транспортную доступность некоторых участков берега и береговых жилых анклавов, труднодоступных по причине сложного рельефа. Возможно устройство водно-велосипедно-пеших туристических маршрутов рекреационного значения;
- развитие градообразующей базы района. Серьезной угрозой социального развития района становится деградация промышленных градообразующих функций и как следствие – деградация поселений.

Выводы

На основании проведенного исследования территории Красноглинского района города Самары можно сделать следующие выводы:

1. Исторически городской район развивался в течение XX века отдельными поселками индустриального типа при промышленных предприятиях. Сельскохозяйственная функция исторически не развивалась, благодаря чему на территории района сохранились лесные земли, природные территории, памятники природы.
2. На данный момент отсутствует единая стратегия развития данной территории. Строительство ведется хаотично, зачастую без соблюдения норм и правил, самозахватом, возникает множество проблем с инженерными и транспортными коммуникациями района. Рекреационный потенциал таких территорий общегородского назначения утрачивается.
3. Территории дачных массивов, не имеющие объектов социального обслуживания и мест приложения труда, становятся местами постоянного проживания людей, что делает транспортную доступность этих территорий недостаточной. Система общественного транспорта развита слабо,

автомобильный транспорт, в том числе транзитный, создает дополнительную нагрузку на транспортную сеть.

4. Необходимо создание дополнительной транспортной связи между Волжским, Красноглинским и Московским шоссе, а также возможности транзитного проезда через дачный поселок между ними. При создании новых транспортных связей есть возможность создавать общую транспортную инфраструктуру, обеспечивающую связность территорий района и увеличивающую их доступность.

5. Из-за большого количества лесных зон, сложного рельефа, гидрогеологии и наличия промышленных зон невозможно создание единообразной городской ткани. Необходимо формирование самостоятельных субцентров и связей между ними в структуре района (рис. 4).

6. Наиболее перспективное направление развития территории – туристическое и рекреационное. Возможно создание непрерывных благоустроенных и безопасных водных, пешеходных, велосипедных, смешанных маршрутов, создающих каркас для рекреационного пояса Самарско-Тольяттинской агломерации.

7. Пос. Красная Глина формирует периферийный многофункциональный субцентр в структуре городских земель, представляет собой историческое поселение с общественным центром и объектами обслуживания. Расположен неподалеку от аэропорта, имеет предпосылки к развитию туристической функции на прилегающих территориях, в том числе горнолыжного комплекса. Пос. Управленческий занимает важную роль в формировании системы субцентров Красноглинского района, имеет общественные центры и объекты обслуживания, а также обладает большим количеством резервных территорий. Есть возможность комплексного освоения больших территорий с возможностью создания многофункционального рекреационного комплекса регионального значения.

Заключение

В ходе планирования агломерационного развития урбанизированных территорий необходимо вырабатывать особые методы и приемы градостроительной деятельности по развитию городских и пригородных районов, имеющих в своем составе большое количество природных территорий. Сформированная грамотная градостроительная политика их освоения позволит

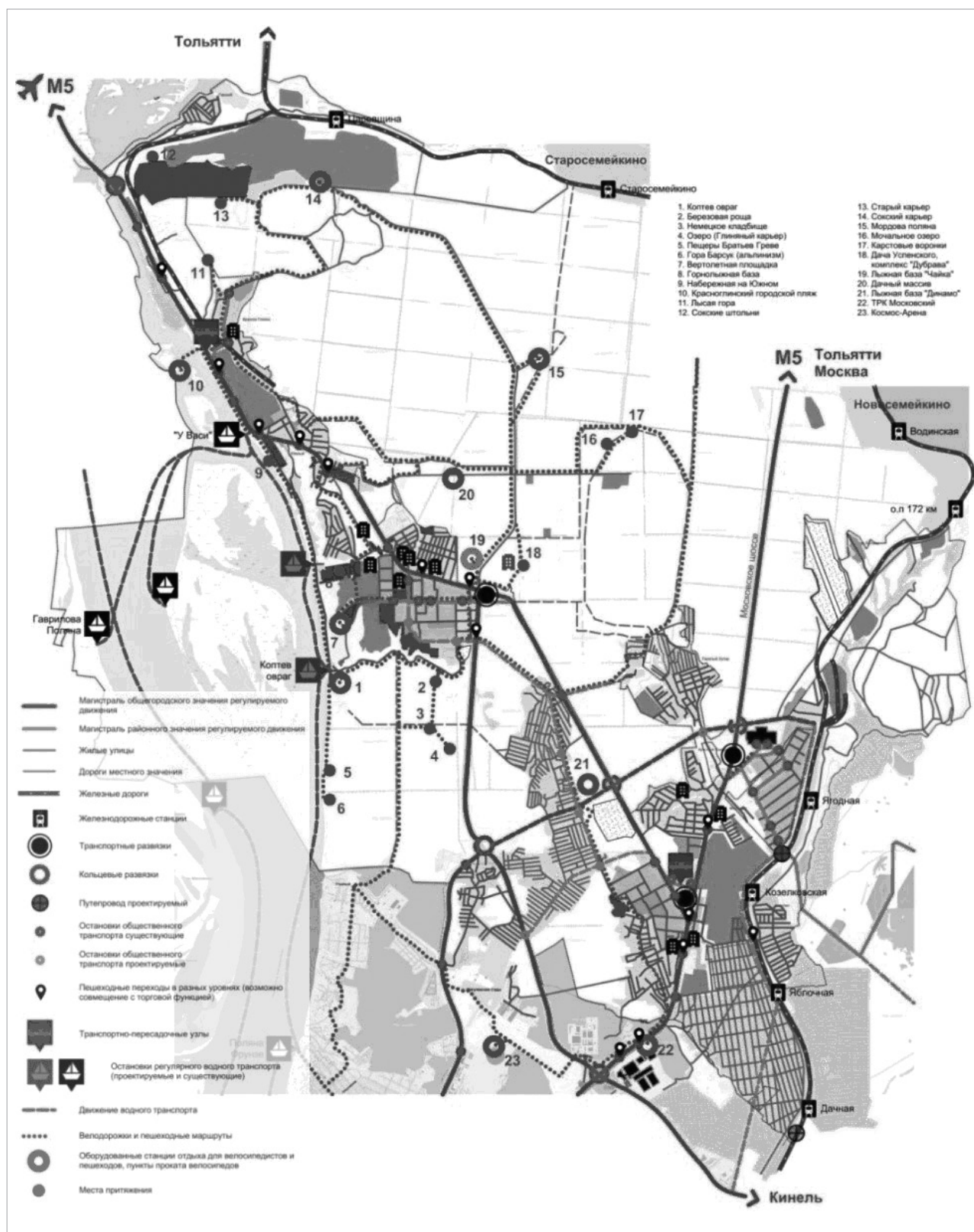

Рис. 4. Концепция формирования системы субцентров Красноглинского района.

соблюсти баланс между природными и урбанизированными территориями, задачами развития рекреации в структуре агломерации и внутренними задачами повышения качества жилой среды поселков, между охраняемыми и стимулирующими градостроительными условиями

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Самогоров В.А., Пастушенко В.Л., Синельник А.К. Архитектурный путеводитель по Самаре 1920–1940 - Екатеринбург: Tatlin, 2018. - 287 с.
2. Синельник А.К., Самогоров В.А. Архитектура и градостроительство Самары 1920-х - начала 1940-х годов. - Самара: ООО «Книга», 2010. - 480 с.
3. Ахмедова Е.А., Гниломедов А.С. Рабочие посёлки советской индустриализации и их роль в развитии архитектурно-планировочной системы г. Куйбышева (Самара) // Архитектура и строительство России. 2014. № 7. С. 20-27.
4. Ильинский С. А. История поселка Управленческий – [2-е изд., испр. и доп.]. – Самара: Офорт, 2012. - 463 с.
5. Генеральный план города Самары. [Электронный ресурс]. -- Режим доступа: <http://samadm.ru/docs/urban-planning/genplan/> (дата обращения: 05.02.2018).
6. Сайт Администрации городского округа Самара – история Красноглинского района [Электронный ресурс]. -- Режим доступа: http://www.samadm.ru/authority/more_district/the-history-of-the-area-krasnoglinsky/ (дата обращения: 05.02.2018).
7. Лекарева Н.А. Использование территориально-пространственных резервов крупнейшего города // Устойчивое развитие городской среды Сборник статей. АСИ СамГТУ. Самара, 2016. С. 203-206.
8. О’Салливан А. Экономика города. — 4-е изд.: Пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 2002. — XXVI, 706 с.. 2002.

REFERENCES

1. Samogorov V.A., Pastushenko V.L., Sinelnik A.K. Architectural Guide to Samara 1920-1940 - Yekaterinburg: Tatlin, 2018. - 287 p.
2. Sinelnik A.K., Samogorov V.A. Architecture and urban planning of Samara in the 1920s - early 1940s. - Samara: LLC «Book», 2010. - 480 p.
3. Akhmedova EA, Gnilomedov A.S. Workers' villages of Soviet industrialization and their role in the development of the architectural-planning system of the city of Kuibyshev (Samara) // Architecture and Construction of Russia. 2014. No. 7. S. 20-27.

4. Ilyinsky S. A. The history of the village of Management - [2nd ed., Rev. and add.]. - Samara: Etching, 2012. -- 463 p.
5. The general plan of the city of Samara. [Electronic resource]. -- Access mode: <http://samadm.ru/docs/urban-planning/genplan/> (accessed: 02/05/2018).
6. The site of the Administration of the Samara city district - the history of the Krasnoglinsky district [Electronic resource]. -- Access mode: http://www.samadm.ru/authority/more_district/the-history-of-the-area-krasnoglinsky/ (address: February 5, 2018).
7. Lekareva N.A. The use of spatial reserves of the largest city // Sustainable development of the urban environment Collection of articles. ASI SamSTU. Samara, 2016.S. 203-206.
8. O’Sullivan A. City Economics. - 4th ed.: Per. from English - M.: INFRA-M, 2002. - XXVI, 706 p. 2002.

Для ссылок: Жоголева А.В., Полукеева Т.С. Рациональное природопользование и градостроительное освоение периферийных городских районов Самары // Innovative project. 2017. T.3, №9. С. 32-40. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.2
 For references: : Zhogoleva A.V., Polukeeva T.S. Rational nature management and urban development of the peripheral urban areas of Samara. Innovative project. 2017. Vol.3, No 9. pp. 32-40. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.2

3

41 – 50

ЧЕЛОВЕК И ГОРОД
THE CITY & PEOPLE

Орлов Дмитрий Николаевич, Орлова Наталья Александровна
Самарский государственный технический университет
Orlov Dmitry, Orlova Natalia
Samara State Technical University

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ INTERPRETATION OF ARCHITECTURAL WORKS

Работа посвящена проблеме архитектурной формы как способа коммуникации. Особая роль в этом процессе отводится контексту как источнику и основе смыслового поля, формирующего содержание и способ прочтения знаков, содержащихся в архитектурной форме. Показана роль интерпретации в процессе трансляции впечатлений от непосредственного, индексного восприятия архитектуры. Выводом из предложенных рассуждений является необходимость существования внешнего, по отношению к локальному контексту, поля значений. Сложность процесса коммуникации в современной ситуации состоит в утрате этого обобщающего макроязыка.

The work is devoted to the problem of architectural form as a method of communication. A special role in this process is given to the context as the source and basis of the semantic field that forms the content and way of reading the signs contained in the architectural form. The role of interpretation in the process of translating impressions from the direct, index perception of architecture is shown. The conclusion from the proposed arguments is the need for an external field of values in relation to the local context. The complexity of the communication process in the current situation consists in the loss of this generalizing macro-language.

Ключевые слова: архитектура, интерпретация, семиотика, знак, содержание, трансляция, стиль, контекст.
Keywords: architecture, interpretation, semiotics, sign, content, translation, style, context.

Поскольку человек – существо коллективное, необходимость в передаче друг другу своих знаний и впечатлений является необходимостью. Человечеству доступно множество вариантов такого общения, множество языков, в том числе и язык архитектуры. Непосредственно на этом языке общаться довольно затруднительно. Для этого нужно, по-видимому, увидеть эту архитектуру непосредственно, посетить город, войти в здание. Это будет то, что Чарльз Дженкс называл индексным высказыванием – прямым считыванием сообщения без посредства знаковой системы, не требующим для расшифровки формирования семантического поля [1]. По всей видимости для более устойчивой коммуникации нам придется это семантическое поле сформировать и общение на тему архитектуры придется вести с помощью слов, т.е. осуществить перевод с языка архитектуры на один из литературных языков. Точную, без предпосылок, версию такого перевода мы называем повествованием. Но обычно повествование дополняется или заменяется интерпретацией [2].

Интерпретация – процесс превращения информации, считываемой из разрозненных фактов или набора знаков в целостное высказывание. Необходимый шаг в процессе понимания, наделения смыслом, в значительной степени создание смысла,

поскольку один и тот же набор фактов или знаков может привести к различным интерпретациям. Интерпретация подразумевает соавторство интерпретирующего субъекта, поскольку может не совпадать по своему результату как с версией автора, так и с версиями других интерпретаторов. Один и тот же набор знаков может породить множество неравных интерпретаций.

Делясь своим впечатлением о каком-нибудь явлении, практически невозможно не переступить границу между повествованием и интерпретацией, т.е. не пуститься в рассуждения, истолкование и домысливание, не вынести оценочных суждений. Обнаруживая закономерности формы или описывая наши ощущения, мы находимся непосредственно на границе между точной передачей информацией и передачей своего мнения по этому поводу. Если мы повествуем об объекте, не интерпретируя его, значит, мы сохраняем эту возможность для того, кто воспринимает наше повествование. Интерпретируя, мы добавляем к описанию объекта свой опыт, свои знания и свои чувства.

Если говорить максимально просто, то повествование означает «вот этот объект, и вот такие у него свойства». Интерпретируя, мы говорим следующее: «Вот что я думаю по поводу этого объекта и его свойствах».

Рис. 1. Жилой дом по адресу: г. Самара, пр. Ленина, 14 А (архитектор А.Н. Белоконь).

В реальной жизни граница между повествованием и интерпретацией практически неуловима. Очень трудно найти пример сообщения, в котором его автор не оценивает объект своего описания. Поэтому можно признать, как данность, что основная часть архитектурного дискурса – это интерпретация формы, а прямое повествование – это только желаемая цель.

Напомним, что мы рассматривали ситуацию, при которой нам важна точная передача впечатления от непосредственного восприятия архитектурного произведения, «перевод с архитектурного». Особенно важна точность и объективность передачи информации при историко-архитектурных обследованиях, фиксации исторических памятников, поскольку интерпретация – это возможная причина искажения исходной информации.

Интерпретируя, наблюдатель оценивает элементы исходя из своего опыта и начальных установок, т.е. он предвзят. Предвзятость может быть вызвана разными причинами, самая невинная из которых – недостаточность знаний.

Например, здание на проспекте Ленина в Самаре архитектора А.Н. Белоконя (рис. 1) воспринималось абсолютным большинством населения как безобразное и требующее немедленного ремонта, который и был в результате произведен.

Причина состоит в том, что ни городские власти, ни жители не знали об эстетических ценностях стиля брутализм. И интерпретировали форму здания исходя из своей системы эстетической ценности, в которой «ровное, чистое и новое» есть, а «подлинность, мощь и грубость» отсутствуют полностью. Оценочное суждение, основанное на предвзятом восприятии, привело к утрате аутентичности потенциального памятника архитектуры.

Но хотелось бы обратить внимание, что прочтение 20-тиэтажного здания на проспекте Ленина в контексте эстетики брутализма – это, безусловно, тоже интерпретация, основанная на другом принципе. Если в первом случае мы говорили о недостаточности знаний, то во втором стоит говорить о присутствии концепции.

Интерпретируя актуальные тенденции в формотворчестве определенной эпохи и локации, сам автор или критик обнаруживает в готовой форме или предвосхищает комплекс новых свойств формы или новый концепт. Концепт формулируется особым образом. Описание концепта отрывается от конкретного здания, т.е. абстрагируется. Можно описать довольно подробно стиль брутализм,

не упоминая ни одно конкретное здание. Мы будем говорить о признаках, которые могут и не быть воплощенными в зданиях, но они создают некое смысловое и образное поле, которое дает нам ясное представление о системе ценностей концепта, об его эстетике и морфологических правилах.

Таким образом, можно говорить о появлении особой формы существования архитектурного явления. Этот архитектурный феномен будет присутствовать только в текстах и сознании авторов, критиков и зрителей (иначе говоря – субъектов восприятия). Может не быть реализовано ни одно здание в рамках концепции, но концепция, рожденная интерпретацией, будет существовать и влиять на новые произведения ничуть не меньше, чем реальное здание. Интересно, что для точной передачи описания концепции также потребуется повествование без интерпретации. Любое сообщение с интерпретацией будет искажением или развитием передаваемого сообщения. Вы заметили интерпретацию в предыдущем предложении? В данном случае слова «развитие» и «искажение» означают примерно одно и то же, но в слове «искажение» есть осуждение, а в слове «развитие» – одобрение. Это интерпретация и оценка. Более нейтральным словом было бы не «развитие», не «искажение», а корректировка. Любое сообщение с интерпретацией будет «корректировкой» исходного сообщения.

Для логической чистоты рассуждений обычно применяется прием мышления «пределами». Т.е. берется чистая, «стерильная» ситуация, иллюстрирующая крайнее проявление какого-то явления. Мышление пределами – это свойство теоретизирования и философии.

Предел – граница чего-либо, за которой оно перестает быть самим собой, включая явления и процессы. Мышление пределами – это аналитический метод, при котором все процессы явления и объекты принимаются в своей конечной, высшей или предельной форме. Приняв такой подход, мы получаем очищенные и концентрированные состояния исследуемого явления. Это позволяет наиболее определенно судить о нём. Например, расчет строительных конструкций производится путем вычисления их предельного состояния, т.е. точки разрушения. Таким образом, мы можем сделать вывод, что все возможные состояния объекта до обнаруженной точки разрушения будут приемлемы.

Повествование без интерпретации вряд ли возможно. Нет, конечно, ничего фантастического

в точном, педантичном повествовании. Мы можем его себе представить, мы можем к нему стремиться. Но, скорее всего, повествование останется недостижимым. Уместнее говорить о степени повествовательности и о степени интерпретации.

Наиболее очищенным от корректировки изначального впечатления в случае описания архитектурного произведения будет обмерочный чертеж. Фотографии объекта будут обладать той же степенью достоверности и непредвзятости, если они будут выполнены в жанре фотофиксации, т.е. максимально дегуманизированы.

Художественная фотография уже содержит элементы интерпретации. Корректировка образа производится фотографом при помощи композиционной компоновки кадра, выбором ракурса и ожиданием удачного освещения и ключевого момента.

При всей документальности фотографирования, диапазон авторского высказывания фотографа чрезвычайно широк. В других, менее технически обусловленных видах изобразительного искусства роль авторского участия ещё выше.

График или живописец в первую очередь производит фильтрацию – выбирает главное и второстепенное, опускает ненужные детали, акцентирует внимание на существенном. Другими, не столь очевидными, но тоже очень мощными корректирующими инструментами изобразительного искусства можно назвать такие элементы изображения, как: линии, пятна, масштаб, ритм, колорит, контрапункт и т.д., их набор безграничен, и многие из них трудно уловимы и работают на уровне подсознания. Даже быстрый набросок-скетч может содержать в себе огромный объем информации, которую также трудно перевести в язык описания, как и архитектуру.

Таким образом, в графическом исполнении, будь то фотография, рисунок или живописное полотно, мы получаем полностью интерпретированное впечатление, которое можно признать удостоверяющим документом только косвенно. Так, использовать картины при исследовании исторических памятников можно только после подтверждения их подлинности в сравнении с другими источниками, и, безусловно, никакое из этих изображений не может претендовать на передачу всей полноты впечатлений, которые мы получаем непосредственно при общении с архитектурным объектом: это всегда будет сокращенный перевод с «архитектурного языка», причем с очень активным участием «переводчиков».

Еще более высокую степень интерпретации имеют вербальные способы коммуникаций. Слова сами по себе являются интерпретирующими знаками – объектами переноса смысла. Когда мы говорим, например, «**кир-пич**» – в этих двух слогах нет ничего, кроме коротких звуков. В написанном слове – шесть букв. Сами по себе ни буквы, ни звуки не значат ничего, в них нет даже звукоподражания. Это знак, который становится наполненным смыслом в контексте языка. Его значение – это результат исторически сложившейся договоренности, достигнутой в процессе культурного развития общества. Иногда бывает интересным почти детективное расследование этимологии слова, истории изменения его значений, и почти никогда у этой истории нет начала.

Речь состоит из слов – знаков с неопределенным, меняющимся с течением времени смыслом. Понимание речи возможно только в контексте, т.е. в неких рамках конкретики времени, места, жанра и цели высказывания. Поэтому самое объективное повествование, переданное посредством текста, будет таковым при определенных условиях. Назовем эти условия присутствием ключа дешифрации. Раз уж мы чуть выше упомянули детективы, продолжим эту метафору.

Прислушайтесь к только что прочитанной вами фразе: «Назовем эти условия присутствием ключа дешифрации». Чтобы понять, о чем идет речь, вам придется представить ситуацию, немного похожую на шпионский роман. То, что мы хотели сказать, спрятано за метафорой о секретном шифре, т.е. отсылает к сюжетам, которые были вам известны ранее. Вспомнив какие-то истории из фильмов и книг, вы представите себе секретное сообщение, его дешифровку и сможете представить, что мы имели в виду. Проще говоря, чтобы понять это предложение, вы должны откуда-то знать, что это такое – ключ к шифровке. Это знание в данном случае является тем самым контекстом, который необходим для понимания этого высказывания. Если вы не смотрели ни один фильм про шпионов и ничего про это не читали и не слышали, то скорее всего и не поймете смысла этой фразы. Интересно, что в то же самое время вы прекрасно понимаете, что ни о каких шпионах и секретных сообщениях речь не идет на самом деле. И это вы понимаете благодаря другому контексту – контексту нашего с вами рассуждения. Итак, в одной простой фразе мы использовали сразу две контекстуальные отсылки. Ключ к пониманию прячется в самой метафоре. И те два

контекста, которые мы только что назвали, скорее всего, не исчерпывают список всего необходимо-го для понимания такой, казалось бы, несложной мысли.

Чтобы с уверенностью понять, что говорит автор текста, вы должны понять или почувствовать – говорит он серьезно или шутит, документирует он свои впечатления или фантазирует, спокоен он или взволнован, внимателен он или поверхностен. Кроме того, вы должны быть знакомы с нюансами языка, на котором написан текст, и мы говорим не только о национально-географической принадлежности языка, но и об эпохе, в которой текст появился. Все это вместе и будет ключом к шифру для понимания текстов. Этот ключ вы получите из косвенных источников. Из того, что вызовет из кладовки вашей памяти прежний опыт и ранее полученные знания об объекте описания и времени, в котором был написан текст. Именно это и называется контекстом.

Для всякого ли языка свойственна ситуация, когда высказывания невозможно прочесть вне контекста? Так ли важен контекст для архитектурного языка? Все-таки архитектура – это прежде всего здания, и мы понимаем, что «язык архитектуры» – это все-таки метафора, и нам нужно быть осторожными, чтобы метафора оставалась когерентной тому явлению, к описанию которого мы её применили. Метафора остается когерентной, пока ее содержание соответствует сопоставленному явлению. Здания и сооружения построены прежде всего для выполнения своей функциональной роли. Они всегда в значительной степени утилитарны. И далеко не каждое из них создавалось с целью передать хоть какое-то сообщение. Вообще, строительство зданий далеко не самый удобный, быстрый и дешевый способ передачи сообщений.

Значительная часть архитектурных произведений, безусловно, обладает огромным культурным контекстом. В таких памятниках знаковая, информационная, а значит – языковая, составляющая достаточно явственна. Для большей убедительности интереснее порассуждать о самом сложном случае, когда погруженность в контекст не очевидна. О чем-то совсем утилитарном. Ну, например, о жилом доме в поселке «Крутые Ключи» («Кошелев-проект») на окраине г. Самары. Давайте посмотрим внимательнее на эти домики. Сможем ли мы их прочесть, есть ли в них сообщение? Для этого нам понадобится небольшое отступление.

А о чём вообще говорит архитектура, когда она ни о чем не хочет сказать? Представьте себе самого

обычного человека, крестьянина, который решил построить на своем участке дом и пару сараев. Задумавшись, какой ему нужен дом, человек будет вынужден ответить на вопрос: стоит ли потратить на этот дом десятую часть всех своих денег или, может быть, всё, что есть, а может быть, и занять ещё столько же – что поможет ему сделать этот выбор? По всей видимости, то значение, которое он придаёт этому дому и сараям. Какие он выберет материалы для строительства? По всей видимости, самые лучшие из тех, на которые ему хватит той суммы, которую он решит потратить.

Глядя на построенный дом и сравнивая его с домами соседей, мы многое можем узнать о том, кто его построил. Был ли он богат или беден, что значил для него дом, большая ли у него была семья, как он вел хозяйство, любил ли он принимать гостей, хотелось ли ему произвести на гостей впечатление? И это не ещё не все. Сравнив его дом с его же сараями, мы сможем понять, какая была разница между утилитарным и репрезентативным, т.е. между объектами, предназначенными только для работы и хозяйства, и объектами, с которыми связывается социальная роль человека – его семья, гости, соседи, т.е. то, что человек хочет продемонстрировать миру, каким он хочет быть для других. Это отношение человека к миру и людям, это философия его жизни. Но и это не все. Когда мы внимательно рассмотрим дом и приглядимся к деталям, мы поймем, чем именно и как человек демонстрировал свое отношение к миру, какой он выбрал язык для своего сообщения.

Проиллюстрируем сказанное выше примерами. Вспомните, как выглядел сельский дом в России XIX в., изба. Крестьянину, несомненно, было чем заняться. И все-таки он тратил свои ресурсы – может быть, труд, а может быть, деньги – и покрывал свой дом сложной резьбой – на карнизах, наличниках и т.д. (рис. 2). Второй пример – такой же крестьянский дом, но где-нибудь в протестантской Скандинавии (рис. 3). Очевидно, что его хозяин никак не менее трудолюбив и уж никак не менее обеспечен, чем русский крестьянин, но на этом доме вы не видите резьбы, он предельно прост и добротен. В этом тоже есть своя красота, но совсем другого рода. Оба дома демонстрируют отношение их хозяев к жизни, то, что принято называть «картиной мира». Выражается это архитектурным языком, размерами помещений, способом их взаимосвязи, выбором конструктивных и отделочных материалов, точностью или небрежностью линий, количеством деталей, цветом и текстурой.

Рис. 2. Русские крестьяне Сергинской волости Пермского уезда. Конец XIX - начало XX в. Фотограф Теплоухов Ф.А. (Пермский краеведческий музей).

Рис. 3. Ферма в Западной Норвегии, около 1890-1910 (фото: Andreas Mathias Anderssen).

Рис. 4. Поселок «Крутые Ключи».

Задумывались ли хозяева этих домов о каком-то «послании»? Разве что о том, что надо сделать дом «не хуже, чем у людей». Чаще всего такие дома – это результат следования традиции. Обычно ответ на вопрос: «Как строить?» – очевиден. Это трудно назвать намеренным и осмысленным посланием. Но, как вы могли увидеть, даже в такой простой ситуации содержится огромное количество транслируемой информации.

Вернемся к нашим домикам из «Крутых Ключей» (рис. 4). Мы знаем, что те, кто живут в этих домах, их не строили, они купили квартиру в готовом доме. Значит, автор послания, заложенного в этой архитектуре, – это автор проекта этого дома. Для нас не очень важно, был ли автор архитектором, застройщиком, прорабом или стечением обстоятельств. Наверняка это всё названное вместе, дружный коллектив. И мы будем всё это вместе называть просто «Автором», или, как принято в философии, субъектом послания, т.е. тем, кто послание «написал». Адресовался «Автор» к будущим покупателям. Чтобы дом купили, он должен покупателю понравиться. Должна произойти коммуникация между «Автором» и читателем – зрителем – покупателем – «Потребителем». Они должны обмениваться информацией, используя язык, понятный им обоим. В этом обмене сообщениями должны быть какие-то знаки, указывающие на то, что, по мнению «Автора», должно заинтересовать покупателя. И это послание явно покажет нам, что же «Автор» думает о своих покупателях, как оценивает их потребности.

Строительство «Крутых Ключей» происходило в наше время, поэтому нам не приходится гадать

об историческом контексте сделки. Мы знаем, что эти дома строились настолько дешево, насколько это было возможно, не оскорбив будущего покупателя слишком уж откровенной нищетой, поэтому значащих элементов будет немного, но тем заметнее они будут для нас.

В первую очередь мы обратим внимание на треугольные фронтоны, над которыми нет скатной кровли. Крыша у дома плоская, но при всей экономии «Автор» пошёл на затраты – на кубометры потраченного кирпича, утеплителя, краску, чтобы «нарисовать» фронтоны и несуществующую скатную крышу. Это самое яркое высказывание в структуре образа дома. Примерно о том же нам скажут «французские» окна, которые трудно назвать балконами, рустованные пенопластом первые этажи и даже несколько карнизных поясков. Всё это вместе (и ещё – пропорции фасадов, конечно) говорит нам о том, что «Автор» считает, что «Потребитель», вероятно, хочет жить в доме времен ампира, неважно – сталинского, римского или наполеоновского, в Империи вообще. Но даже у самого неискушенного зрителя, ничего не знающего об архитектуре, ни на секунду не появится ощущение подлинности этих деталей, особенно если помножить их на сотни точно таких же, всюду расставленных по сетке домов. Судя по всему, «Автор» считает, что его покупатель хочет в Империю скорее поиграть, что ему не так уж и важно действительно поверить в «историчность» и «имперскость» этого дома. Покупатель, видимо, готов вступить в игру условностей и совсем не против выбрать в качестве своего жилья «фейк-ампир». Напомним, что вся застройка велась предельно

экономно, и что эти детали: карнизы, фронтоны, русты, – помноженные на массовость тиража, стоили некоторых сумм.

И покупатель, и «Автор» готовы общаться на этом языке фейка и косплея. И вряд ли речь идет о пародии или иронии. Очевидно, что и покупателю, и «Автору» совершенно не смешно. Представьте себе, что рядом стоит дом без этих деталей, покупатель смотрит на тот и другой и думает, какой же выбрать. Учтем, что дом с деталями чуть дороже. И он выбирает тот, что дороже, потому что он «поприличнее», и совершенно при этом не смеется. «Автор» идет на эти затраты, чтобы избавиться от молвы, что в этом поселке сэкономили на всём. Избавиться ровно настолько, насколько это нужно, чтобы поддержать продажи. Как видим, архитектура способна говорить о довольно сложных представлениях, связанных с мечтами, самоидентификацией и другими отвлеченными понятиями. «Здания во многих отношениях связаны с тем, что никак не может быть физически или концептуально воспринято как то, что находится здесь: космос, коммунистическая утопия, идеальная нуклеарная¹ семья, «примитивная хижина», дом героя/предка, совокупность предков и потомков» [3].

Дом в «Крутых Ключах» точным, скупым и хорошо артикулированным архитектурным языком ясно сообщает нам, что на нём сэкономили не всё, что можно, что кое-что мы можем себе и позволить, и что в душе он в общем-то аристократ, хотя и не лучшие времена переживает. Это содержательное сообщение на языке архитектуры. Расшифровать его нам позволил контекст.

Мы хорошо знаем экономическую ситуацию нашего времени, мы неплохо знаем современный рынок недвижимости. А еще мы хорошо знаем, какие фильмы смотрит покупатель этого дома, какую музыку слушает, какие книжки читает и какие не читает. Нам хорошо понятен культурный контекст нашего времени, понятна тоска по имперскому прошлому, понятен ненавязчивый романтизм и понятен одновременный с романтизмом, вполне взрослый, рационализм и даже цинизм. Всё это вместе делает понятными высказывания, считываемые в знаках архитектуры этого дома. Если бы этот дом относился к неведомой нам цивилизации неведомого периода, так легко и точно мы уже не могли бы его «прочитать»: у нас бы не было ключа для шифра – знания контекста.

¹ Семья, состоящая из супружеской четы с детьми или без детей или одного из родителей со своими детьми.

Таким образом можно сделать вывод, что повидимому архитектура является хорошим способом коммуникации для представителей некой культурной общности – культурно-временного континуума. Речь идет о ситуации, когда общепринятые договоренности и умолчания, вызванные общностью повседневного опыта, складываются в смысловое поле, создающее возможность успешного обмена невербальной информацией. Этим невербальным языком становится общий для всех участников диалога метод интерпретации знаков. Таким образом, для существования смыслового поля необходима определенная степень знакомства интерпретирующего субъекта с неким языком более высокого уровня, внешним к субкультурному вернакуляру. Для того, чтобы понимать жаргон нужно воспользоваться каркасом литературного языка. Для того, чтобы прочесть ампирную аллюзию в приведенном выше примере необходимо иметь хотя бы самое общее представление об ампире. Вообще архитектурные стили выполняли функцию такого макроязыка по отношению к различным региональным, этническим или временным субкультурам. Стиль как глобальное умолчание и договоренность позволял считать нюансы локальной специфики, делая таким образом существующим и читаемым смысловое поле – контекст. Архитектура последних десятилетий утратившая такой способ коммуникации посредством теоретических знаний и регламентов испытывает острую проблему затруднения общей, совпадающей у разных индивидуумов, интерпретации [4]. Отсутствие общего эквивалента – стиля – подобно легенде о разрушении вавилонской башни. Причиной этой катастрофы была потеря единого языка. Сейчас эту функцию выполняет непрочная конструкция из ассоциаций и мимолётных образов массовой культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дженкс, Ч. Новая парадигма в архитектуре (Перевод с английского Александр Ложкин, Сергей Ситар) // Проект international 5 – 2003 – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cih.ru/ae/ad37.html>
2. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. И.Сергеевой. – М.: Медиум, 1995. – 414 с.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. — М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – 704 с.
4. Орлов Д.Н., Орлова Н.А. Стиль как утраченный метод коммуникации архитектора и общества // Innovative Project. 2017. Т. 2. № 2 (6). С. 78-82.

REFERENCES

1. Jenks, Ch. A new paradigm in architecture (Translated from English by Alexander Lozhkin, Sergey Sitar) // Project international 5 - 2003 - No. 5 [Electronic resource]. - Access mode: <http://cih.ru/ae/ad37.html>
2. Ricoeur, P. Conflict of Interpretations. Essays on hermeneutics / Per. I. Sergeeva. - M.: Medium, 1995. - 414 p.
3. Ortega y Gasset, X. Selected Works: Trans. with Spanish / Comp., Foreword. and commonly. ed. A.M. Rutkevich. - M.: Publishing house «All World», 1997. - 704 p.
4. Orlov D.N., Orlova N.A. Style as a lost method of communication between architect and society // Innovative Project. 2017. Vol. 2. No. 2 (6). pp. 78-82.

Для ссылок: Орлов Д.Н., Орлова Н.А. Интерпретация архитектурного произведения // Innovative project. 2018. Т.3, №9. С.42-50. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.3

For references: Orlov D.N., Orlova N.A. Interpretation of architectural works. Innovative project. 2018. Vol.3, No 9. P. 42-50. DOI: 10.17673/IP.2019.3.09.3

4

51–68

ГОРОД В ДВИЖЕНИИ
CITY IN MOTION

Лашченко Снежана Владимировна, Репина Евгения Александровна, Грозовский Борис Владимирович
Самарский государственный технический университет
Lashchenko Snezhana, Repina Evgenia, Grozovsky Boris
Samara State Technical University

КАК РЕГЕНЕРОВАТЬ ИСТОРИЧЕСКУЮ СРЕДУ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ИНСТРУМЕНТЫ СОУЧАСТИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ

HOW TO REGENERATE THE HISTORICAL ENVIRONMENT OF RUSSIAN CITIES: PARTICIPATION AND REGULATION TOOLS

Историческая среда российских городов находится в упадке. Здания регулярно сносятся, территории старых центров уменьшаются. Ни у экспертов, ни у властей нет представления о том, как можно сохранить и развивать исторические части городов. Между тем зарубежная и отчасти российская практика позволяет выделить инструменты регенерации исторической среды. Они обсуждались на 9-м Международном форуме «Рост городов и сохранение наследия вдоль евразийского коридора (шелкового пути)» в Самаре (октябрь 2017 г.) российскими экспертами в области архитектуры, градостроительства и урбанистики. Это, во-первых, инструменты соучастия (соучаствующее проектирование и партиципаторное бюджетирование), и, во-вторых, инструменты регулирования (мастер-план, зонирование, достопримечательное место, историческое поселение). Также статья рассматривает вопросы влияния социального капитала на развитие городской среды и обсуждает, какие принципы исторического квартала могут применяться в современном проектировании.

The historical environment of Russian cities is in decline. Buildings are regularly demolished; the territory of old centers is reduced. Neither experts nor the authorities have an idea of how to preserve and develop the historical parts of cities. Meanwhile, foreign and partly Russian practice allows us to highlight the tools for the regeneration of the historical environment. They were discussed at the 9th International Forum "Urban Growth and Preservation of Heritage along the Eurasian Corridor (Silk Road)" in Samara (October 2017) by Russian experts in the field of architecture, urban planning and urban studies. These are, firstly, instruments of participation (participatory design and participatory budgeting), and secondly, regulatory instruments (master plan, zoning, an instrument that protects groups of environmental objects, and a historical settlement that allows you to comprehensively regulate the entire historical center with its environmental objects, not just monuments). The article also considers the impact of social capital on the development of the urban environment and discusses which principles of the historical quarter can be applied in modern design.

Ключевые слова: историческая среда, механизмы регенерации, соучаствующее проектирование, исторический квартал, мастер-план, зонирование, достопримечательное место, историческое поселение, социальный капитал, партиципаторное бюджетирование.

Keywords: historical environment, regeneration mechanisms, participatory design, historical quarter, master plan, zoning, sights, historical settlement, social capital, participatory budgeting.

В постсоветской России не произошло переосмысления роли старых городов в контексте современности: до сих пор непонятно, что с ними делать. Почти полностью отсутствует практика регенерации исторических центров. Как максимум, в них охраняются отдельные памятники архитектуры (объекты культурного наследия) и иногда «ценные градоформирующие объекты», если город обладает статусом исторического поселения. В то время как рядом возникают новые объекты, зачастую разрушающие сложившуюся среду, несоразмерные ей и не вписанные в контекст. Существующие механизмы управления исторической средой основаны на устаревших градостроительных нормативах и способах регулирования, принципах

модернистской парадигмы архитектуры и коммерциализации жизни как главной современной ценности. Это приводит к массовой утрате исторической среды старых городов.

Существуют методы, позволяющие регенерировать историческую среду – сохранять ее посредством развития. Важную роль в этом выполняют архитектурные стратегии, применяемые в работе с исторической средой. В зависимости от выбранной стратегии, архитектор учитывает городской контекст или его игнорирует. Предельный случай внимания к контексту – соучаствующее проектирование, когда при наличии в городе достаточного социального капитала архитектор вовлекает в проектирование различных городских акторов

с их видением города и ищет устраивающее всех решение. Чтобы люди участвовали в разработке городских проектов и принимали решения по поводу пространства, в котором обитают, используется партиципаторное бюджетирование.

Названные выше инструменты соучастия нужно дополнять инструментами регулирования. Мастер-план позволяет комплексно увидеть, как будет развиваться город, и какие шаги нужно предпринимать. Зонирование позволяет выделить зоны исторической среды и установить для них параметры исходя из контекста и морфологии локальности. Благодаря статусу достопримечательного места можно сохранять и развивать средовые объекты (а не только памятники). А статус исторического поселения позволяет сохранять и комплексно регулировать целостную историческую среду в границах поселения. Принципы формирования и функционирования исторического квартала могут использоваться не только в регенерации старых центров, но и при проектировании новых кварталов.

Охрана памятников vs сохранение исторической среды через развитие

В России предметом охраны в исторических центрах городов становятся только объекты, получившие статус памятника архитектуры. Кроме того, есть «ценные градоформирующие объекты», но они утверждаются только в городах, имеющих статус исторических поселений, и защищены слабо. Отсутствуют механизмы сохранения и развития старых зданий, не включенных в число памятников. В итоге они постепенно ветшают и сносятся либо сгорают, а историческая среда разрушается. Ведь она состоит не только из отдельных памятников, но и из остальной исторической застройки, уничтожительно именуемой «фоновой».

Получается, что сохраняемый архитектурный памятник (с которым, казалось бы, ничего не происходит), перемещается в чуждую ему среду и обесценивается, превращается в вырванный из контекста объект. Правила землепользования и застройки (ПЗЗ) регулируют лишь новое строительство в исторической среде. Они ограничивают, например, высотность, чтобы новые здания не нарушали гармоничность исторической среды. Однако эти режимы при желании легко нарушаемы: чтобы повысить допустимую высотность новой застройки в историческом центре, достаточно

изменить вид разрешенного использования земельного участка.

При таком подходе декларируется охрана памятников, но и они плохо защищены: объекты культурного наследия решением городских администраций в массовом порядке выводятся из охранного статуса. Статус памятника имеет «фантомный» характер: он не гарантирует, что объект будет сохранен. Выведение зданий из статуса памятника и изменение вида разрешенного использования земли под бывшими памятниками позволяет использовать дорогой и ограниченный ресурс – землю в центре города – для нового строительства. В результате сохранить старые дома не удастся.

Новое строительство в старых центрах регулируется нормами, пригодными для микрорайонной застройки, но не подходящими для развития исторических кварталов. Существующие подходы к управлению старыми городами игнорируют право собственности, историческую преемственность, сформировавшиеся культурные и пространственные коды. Происходит вторжение в историческую ткань, разрушение «фоновой застройки» (а на деле – всей исторической среды), и последующее проектирование начинается с нуля, как будто на этом месте ничего и не было.

В результате историческая среда обречена либо на разрушение (что происходит в большинстве российских городов), либо на консервацию (ее отдельные фрагменты сохраняются ценой их музеефикации – исключения из естественной городской жизни). Но возможен и третий путь, соединяющий сохранение и развитие. Для этого необходимы новые регулирующие механизмы (регламенты, зонирование, мастер-план), механизмы соучастия (создают горизонтальные связи и способствуют участию горожан в жизни городов), и использование в новых проектах архитектурных кодов исторической среды.

В мировой практике существует множество примеров уважительного отношения к старому городу. Например, блокировка шведским судом строительства нобелевского центра в Стокгольме по проекту Дэвида Чипперфилда [1]. Суд принял такое решение, поскольку при строительстве центра пришлось бы снести культурный памятник – таможню 1876 года, против чего была развернута общественная компания. Суд постановил, что архитектурный план не учитывает исторический контекст, уничтожает городскую среду и наносит «значительный ущерб национальным интересам в области культуры и окружающей среды».

Рис. 1. Жилой комплекс Spittelau Viaducts в Вене Захи Хадид.

В российской градостроительной практике подобных судебных решений, насколько нам известно, не было. Уважительное отношение к старому городу не слишком распространено даже в профессиональном сообществе. Принципы эволюционного развития городов слабо проработаны и редко применяются на практике. Их обзор и является целью настоящей статьи. Она подготовлена по материалам прошедшего в октябре 2017 года в Самаре и Москве 9-го Международного форума «Рост городов и сохранение наследия вдоль евразийского коридора (шелкового пути)», инициированного Архитектурным Институтом Японии (АИЯ). Организаторами с российской стороны были кафедра Инновационного проектирования Самарского технического университета и Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ.

На форуме рассматривались проблемы, характерные для большинства исторических городов России. Обсуждалось, как можно интегрировать наследие в современный контекст; как активизировать культурные, архитектурные и экономические ресурсы городов; с помощью каких градостроительных, правовых и экономических механизмов можно остановить разрушение исторических центров, начать их регенерацию и восстановить процессы эволюционного развития.

На форум были приглашены ведущие российские эксперты – архитекторы, урбанисты, градостроители, социологи, экономисты.

Социальный аспект архитектурного проектирования

Архитектор может придерживаться различных стратегий работы с городом. Эти стратегии учитывают или не учитывают городской контекст, включающий в себя разные аспекты: физический (архитектурное окружение, существующую планировку, панорамы), исторический (архитектурные памятники), социальный (уровень социального капитала, вовлеченность жителей в проекты), культурный (образ жизни, ритуалы, повседневные практики). Можно выделить три возможные стратегии работы архитектора с городом, полагает Константин Кияненко, профессор кафедры архитектуры и градостроительства Вологодского государственного технического университета [2].

Первая из них удовлетворяет потребность архитектора-творца в самовыражении и воплощении композиционных идей: на городскую среду он внимания не обращает.

Вторая стратегия тоже не предусматривает учета архитектором городского контекста, но по

другой причине: он просто решает заданную ему задачу, находясь в рамках жестких внешних ограничений (регламентов, желаний заказчика, финансовых требований).

Третья стратегия предполагает, что архитектор не выдумывает городское пространство или объект «с нуля», как демиург, но и не является рабом заданных ему условий, внешних по отношению к городской среде. В этом случае архитектурная интервенция подчинена задаче стать органичной частью сложившейся городской среды, улучшить ее, решив проблемы городских акторов, и привнести новые функции и смыслы в городское пространство, не ломая его.

Первая из описанных стратегий – художническая, личностно-ориентированная. Архитектор – творец, для которого важнее всего найти гармоничную форму, композицию, транслировать эмоцию и мысль. «Архитекторы-звёзды», часто применяющие эту стратегию, не замечают проблем городской среды, не исследуют потребностей людей и не предлагают решения, улучшающие их жизнь. Оригинальная форма для такого архитектора самоценна. Его произведения могут не вписываться в историческую среду, противоречить ей и даже разрушать ее.

Примеры такой стратегии – публичная библиотека в Сиэтле Рэма Колхаса, центр дизайна и искусств Aronoff в Цинциннати Питера Айзенмана, жилой комплекс Spittelau Viaducts в Вене Захи Хадид (рис. 1). Публичная библиотека, вопреки замыслу автора, получилась не связанной с окружающей ее городской средой и не стала центром, притягивающим людей. Ее внутренние пространства неудобны в использовании. Похожие проблемы и у центра дизайна и искусств Aronoff: неудобный вход, освещение, слабая визуальная связь с окружением. Главным для этого композиционного упражнения, не основанного на социальных потребностях, было применение идеи деконструктивизма. Проект получил высокую оценку профессионального сообщества, но у пользователей поддержки не получил. При проектировании жилого комплекса Spittelau Viaducts не была разработана социальная программа, и желающих жить в этом доме нашлось немного, в том числе из-за высоких цен на аренду. Такие здания скорее напоминают интересные аттракционы, чем архитектуру для комфортной жизни людей.

Вторая, наиболее распространенная в России стратегия, – когда архитектор получает прагматичное техническое задание, а его работа

регулируется жестким набором регламентов, ограничений и нормативов. При составлении технического задания заказчик ориентируется на коммерческую выгоду (которая зависит от площади застройки, высотности зданий, архитектурных решений, местоположения, затрат на строительство) и на существующие нормативы и правила. Получая такое задание, архитектор вынужден действовать в строгих рамках или отказаться от выполнения проекта.

В такой ситуации архитектору сложно учитывать контекст и находить оригинальные решения; он воспроизводит типовые формы. Возникают жилые ячейки, «соты», городская среда становится предсказуемой и банальной, однотипной и монотонной. Как правило, эти проекты ориентированы на массовое жилье низкого качества.

В качестве примера Кияненко приводит широко известный «Кошелев-проект» (жилой район «Крутые ключи») в Самаре (рис. 2) [3]. Застройщик хотел построить самое дешевое жилье в городе. Получилось удаленное от города гетто, жители которого тратят до двух часов, чтобы добраться до центра. Это район с монотонной застройкой и унифицированной средой: одинаковые трехэтажные дома, напоминающие бараки, сделаны из дешевых строительных материалов, нет дворовых пространств. Такая среда насилует человеческую природу, стремящуюся к разнообразию, но дешевое жилье хорошо раскупается.

Для третьей стратегии проектирования прежде всего важен городской контекст (социальный, исторический, физический, культурный). Эта стратегия ориентирована на решение человеческих проблем, на сохранение исторических центров, гармоничное сосуществование новой застройки и сложившейся городской среды. Самовыражение архитектора и запросы заказчика находятся в подчиненном положении. Такая стратегия предполагает полноценное предпроектное исследование городского контекста и социальной среды, из этого рождаются предлагаемые архитектором решения.

Пример такой стратегии – проект ревитализации квартала Вудвордс (Woodward's) в Ванкувере, разработанный архитектурным бюро Henriques Partners Architects в 2010 г. (рис. 3) [4]. Квартал был посещаемым почти столетие, его прославил построенный в 1903 г. универсальный магазин Woodward's. К 1993 г. он обветшал и закрылся, квартал деградировал. Его покинули обеспеченные жители, остались бедные семьи, проблемные группы (безработные,

Рис. 2. Жилой район «Крутые ключи» («Кошелев-проект»), Самара.

бездомные, наркоманы), была брошена недвижимость. Муниципальная власть пыталась создать программу ревитализации, основанную на приоритете социального жилья: ее поддерживали местные жители, но не нашлось инвестора. Попытки властей сделать этот район престижным и увеличить стоимость недвижимости привели к сопротивлению бедных семей. Последним вызовом для властей стало образовавшееся в квартале сообщество сквоттеров.

Тогда в объявленном муниципалитетом конкурсе архитекторы бюро Henriques Partners Architects предложили идею социально-имущественного смешивания домохозяйств с разными доходами и многофункционального использования зданий (Mixed Use). Например, в одном здании присутствует семейное жилье, 75 единиц социального жилья, офисы и рыночная торговля. В другом – коммерческий центр детского развития и некоммерческий центр местного сообщества. В третьем здании – 330 квартир семейного жилья и 36 для инвалидов. Проект осуществляется на принципах частно-общественного партнерства с участием муниципалитета, двух инвесторов и местного университета.

Условием сотрудничества была бесплатная муниципальная земля для частных застройщиков, в обмен на которую они обязались профинансировать снос, благоустройство, создать общественный атриум внутри квартала, построить муниципальные офисы. Программа включала сохранение исторического наследия: здание бывшего универмага было перепрофилировано при сохранении его формы. Учить в проекте интересы каждого стейкхолдера позволила высокая плотность застройки. Кооперация стейкхолдеров сделала проект успешным, архитектор был координатором и лидером проектной команды. Люди остались жить в перепроектированном квартале.

Итак, третья стратегия основана на идее перемещения в будущее того ценного, что уже создано, и без чего эволюционное развитие было бы невозможным. С уважением относясь к прошлому, архитектор соблюдает права и интересы «коренных жителей», сохраняет историческое наследие, учитывает культурные особенности территорий.

Из трех описанных Кияненко стратегий проектирования в России превалирует вторая, основанная на внешних ограничениях (желаниях заказчика и регламентах), а стратегия, учитывающая

Рис. 3. Проект ревитализации квартала Вудвордс (Woodward's), Ванкувер.

городской контекст, едва начинает применяться. А ведь именно она очень нужна для работы с исторической средой. Физическое и социальное пространство города требует преемственности и эволюционного развития.

Соучаствующее проектирование

Инструмент реализации стратегии, позволяющей городам развиваться эволюционно – соучаствующее проектирование. Люди объединяются с экспертами для создания и реконструкции средовых объектов, территорий, инфраструктуры: кварталов, улиц, дворов, жилых домов, образовательных и культурных центров, общественных пространств, центров для пожилых и инвалидов. В процессе соучастия повышается уровень доверия людей друг к

другу и к другим участникам городских процессов; увеличивается эффективность принимаемых решений; люди вовлекаются в анализ проблем, поиск решений и реализацию проектов [5].

Уже с 1960-х годов жители в разных городах США участвовали в федеральных программах реконструкции, но ключевые решения в них принимали эксперты: контролировали бюджет, несли ответственность за проект и его реализацию. Сегодня жителям отводится более весомая роль в проектировании и реализации проектов. Если управление проектом осуществляет администрация, а проектировщики лишь информируют жителей о своих замыслах, то пространства для настоящего участия людей в проекте не остается: возможна лишь его имитация, говорит Кияненко.

Рис. 4. Проект реконструкции исторических кварталов «Культурный коридор», Рио де Жанейро.

В развитых странах принцип соучастия с середины 1980-х годов даже зафиксирован законом как проектный механизм реконструкции жилых территорий и элементов инфраструктуры. В мире распространены центры проектирования территориальных сообществ (Community Design Centers). Они организованы университетами, государственными и общественными организациями, проектными бюро и другими частными организациями, и работают с экономически неблагополучными территориями.

Соучаствующее проектирование помогает перераспределять власть в пользу жителей, наделять их ответственностью. Выделяют несколько уровней соучастия [6]. Для минимального уровня характерна презентация жителям готовых идей и решений, от них ждут согласия или несогласия. Жители не участвуют в дальнейшей реализации проекта: не коммуницируют с другими участниками процесса (бизнесом, властью, НКО, экспертами), не принимают решений, не несут ответственность за проект. Скорее всего, в этом случае они и после реализации проекта не будут чувствовать сопричастность к нему и участвовать в его дальнейшей жизни.

Следующая степень соучастия предполагает, что жители более активно вовлекаются в обсуждение, но по-прежнему не имеют власти: проектировщики не обязаны учитывать их мнение. Скорее, они информируют жителей и консультируются с ними. Настоящее соучастие предполагает, что жители получают большинство голосов при принятии решений и участвуют в реализации проектов. Это делегирование жителям власти, на основе которого возможно партнерство.

Пример «высокого уровня» соучастия – проект реконструкции исторических кварталов «Культурный коридор» в Рио де Жанейро (Рис. 4), разработанный Институтом муниципального планирования и Институтом искусства и культуры в 1989 г. Исторические кварталы расположены в четырех районах города, в них находится 1600 старых домов и общественные пространства. На протяжении четырех лет эксперты и власти детально исследовали эти кварталы, разговаривали со всеми проживающими в них семьями, изучали историю старых кварталов, культурные особенности и обычаи их обитателей. Выяснилось, что жители готовы участвовать в восстановлении своих домов.

На основе исследований и общения с людьми были разработаны предложения по «хирургическому вмешательству» в историческую среду. Они были изданы в виде руководства по восстановлению старых домов [7]. В нем описаны типологии домов, их характеристики, истории, предложены варианты эффективного использования. В руководстве объясняются законы городского планирования, детально показывается, как сделать проект реставрации дома (какими могут быть элементы, фактура, цвет), как решить проблемы с коммунальными услугами (водой, канализацией, электричеством, газом, телефоном) и как проектировать новые дома в районе реновации.

Для нового строительства руководство предлагает интерпретацию архитектурных элементов старой застройки, чтобы новые здания были гармоничны исторической среде. Кроме сохранения старых домов, проект направлен на восстановление улиц и площадей города. Этот документ стал востребованным среди собственников старых домов, арендаторов. Местные жители активно участвовали в разработке проекта и его реализации.

Как развивается практика соучастия в России? Полноценного соучаствующего проектирования почти нигде нет. Когда выделение федеральных средств на региональные и муниципальные программы благоустройства обусловлено требованием вовлечь местных жителей в проект, чиновники, не имея навыков организации соучастия, имитируют участие жителей в подготовке проектов. У людей спросили, где поставить скамейки, значит, они должны быть довольны, ведь их голос услышан, – так рассуждают многие чиновники. В итоге программы благоустройства реализуются не на принципах соучастия и редко ведут к росту доверия к власти, констатируют социологи Виктор Вахштайн и Павел Степанцов в лекции «Какие территории России могут стать драйверами развития и почему» [8].

В мировой практике соучаствующее проектирование применяется для решения болезненных городских проблем, связанных с малоимущими, преступностью, деградацией городской среды, горящими историческими памятниками. В России этот механизм используют в основном для городского благоустройства. Поэтому пока российские партиципаторные проекты – скорее манипулятивная стратегия, преследующая конъюнктурные цели и решающая лишь мелкие городские проблемы, отмечает Кияненко.

В мире ведущие профессиональные и академические объединения подчеркивают свою приверженность принципам соучастия. Например, Американский институт архитекторов в 2009 году ввел понятие «citizen architect» (архитектор-гражданин), согласно которому архитектор – это профессионал, использующий свои навыки, таланты и опыт для улучшения условий жизни горожан [9]. Он имеет представление о проблемах местного, регионального и федерального уровня, понимает, как они отражаются в жизни территориальных сообществ и пытается решать их в своих проектах.

Роль архитектора в эпоху постмодерна значительно расширилась. Теперь он отвечает не только за форму и функцию, но и за качество и гармонию городского пространства. Архитектор становится медиатором между акторами с разными интересами. В будущем эта модель постепенно заменится «сетевой». Роль архитектора в ней не центральная: люди сами объединяются друг с другом и решают проектные задачи без посредника. Это делает проект более эффективным и повышает шанс на совместные действия людей в будущем. Но сетевая модель возможна только в странах с высоким качеством госуправления и уровнем социального капитала.

Российская практика городских проектов пока далека не только от сетевой модели, но и от модели, где архитектор занимается модерацией. Архитекторов не учат навыкам координации проектов, социальному посредничеству; мало кто умеет проводить предпроектные исследования, изучать городские контексты. Архитекторы вынуждены искать баланс между реализацией художественных замыслов и удовлетворением потребностей людей. Переориентация архитекторов на работу в интересах общества, а не только власти и частных заказчиков, если и происходит, то крайне медленно.

Влияние социального капитала на развитие городской среды

Историческая среда не может развиваться без коммуникации и социальных связей между различными стейкхолдерами. Чтобы осуществлять эффективное управление городом силами не только власти, но и горожан, важно наличие достаточного уровня социального капитала. Он отражает способность людей к совместному действию, отмечает Леонид Полищук, профессор

Рис. 5. Благоустройство площади Славы в Самаре, монумент «гордости, чести и славы Самарской области».

факультета экономических наук НИУ ВШЭ [10]: помогает гражданам объединять усилия и увеличивать общественные блага. К ним относятся и городская среда, отмечает директор Центра прикладных исследований Европейского университета Санкт-Петербурга Олег Паченков [11].

Социальный капитал способствует образованию сообществ и росту гражданственности. Городское общественное пространство – инструмент, инфраструктура, способствующая росту социального капитала: повышению качества связей, уровня доверия между людьми. «Если горожане хотят научиться непростоному навыку цивилизованности (civility) – прежде всего, «цивилизованным» должно стать городское пространство», пишет Зигмунт Бауман [12].

Сегодня в России при проектировании общественных пространств основное внимание уделяется не социальному капиталу и соучастию, а эстетике. Какой именно она должна быть, определяют архитекторы и власти. Проектировщики создают «идеальные», «благоустроенные» пространства «для людей». Но гораздо важнее, чтобы общественные пространства придумывались и реализовывались самими людьми, а в процессе

возникали конфликты, которые ведут к новым решениям. Тогда общественное пространство может стать инструментом образования социальных связей.

«Вопрос на перспективу состоит не в том, какого рода окружающую среду мы хотим иметь, а какого человека мы хотим получить», пишет Роберт Соммер, профессор Калифорнийского университета Дэвиса [13]. Сообщества людей, которые будут в дальнейшем этими пространствами пользоваться, возникают в процессе их создания. В дальнейшем они продолжают участвовать в жизни обустроенных территорий (следить за ними, ремонтировать, создавать новые объекты). Напротив, когда общественные пространства проектируются сугубо исходя из требований эстетики (без учета реальных потребностей пользователей, не вовлеченных в проектирование), они становятся отчужденными.

Наглядный пример – благоустройство площади Славы в Самаре, которое превратило пространство, бывшее одним из самых обжитых в городе, в пустующее. Оттуда ушли скейтеры, роллеры, семьи с детьми, молодые и пожилые пары, молодежные компании. К такому результату привели

выбранные архитектурно-планировочные решения, принятые архитектором и властью без обсуждения с жителями и экспертами. Одним из них стала перекрывшая вид на Волгу «стена плача» (монумент «гордости, чести и славы Самарской области») (рис. 5). Это бетонная стена высотой шесть метров и шириной более 100. Ради ее строительства уничтожен всеми любимый зеленый склон с видом на реку, на котором люди отдыхали в теплое время и катались зимой. Неправильно подобранные строительные материалы (мелкая брусчатка) стали препятствием для роллеров и скейтеров. Отчуждение усилили стенды с патристическими выставками. Такое благоустройство (а на самом деле разрушение одного из любимых горожанами мест), вызвало недовольство у жителей и экспертов.

Чтобы городская среда была разнообразной и сохраняла местные культурные коды, обычаи, привычки, необходимо принимать решения, важные для жизни города, организуя взаимодействие жителей друг с другом, с проектировщиками, властями и бизнесом. Только тогда город перестанет быть полигоном для тиражирования стандартных готовых решений.

Чтобы при реализации городских проектов возникали горизонтальные связи, необходимы механизмы сетевого взаимодействия, говорит социолог города Петр Иванов [14]. Именно на них основано устойчивое развитие городов, описанное в Европейской хартии городов (Манифест новой урбанистики). Возникает территориальное общественное самоуправление: сеть, объединяющая жителей, продюсеров, исследователей, НКО, госслужащих, художников, бизнесменов, дизайнеров, IT-специалистов. Эта сеть может включать учреждения культуры, бизнес, научные центры, образовательные программы, мастерские. Городские сетевые проекты основаны на идее, что люди не просто «потребляют город», но участвуют в его создании, инвестируя свои компетенции и ресурсы, меняя свое окружение и отвечая за то, что они приносят в городскую среду.

Финансовые механизмы развития исторической среды

Для вовлечения людей в принятие решений о жизни города необходимы партиципаторные механизмы. Кроме соучаствующего проектирования, это партиципаторное бюджетирование. Этот финансовый механизм придумали в 1980-х годах в

Бразилии для развития территорий фавел, в Россию он пришел в 2010-х [15]. Граждане участвуют в определении проектов, на которые расходуется часть муниципальных средств (как правило 1-10%, в России – 1-5% годового бюджета). Несколько программ партиципаторного бюджетирования реализуют в регионах ЕУ СПб и КГИ; есть программа поддержки местных инициатив, ее ведет Минфин при поддержке Всемирного банка.

Привлечение граждан к принятию решений ведет к повышению эффективности бюджетных расходов. Региональная власть делегирует обществу частичный контроль над расходами местного уровня. Люди могут более эффективно распоряжаться средствами: они знакомы с местными проблемами и могут точнее определить, на что надо тратить деньги, отмечает Лев Шилов, научный сотрудник Центра Res Publica Европейского университета в Петербурге [16]. В ходе партиципаторного бюджетирования власть делегирует горожанам ответственность. Участвуя в принятии решений, люди затем могут контролировать их реализацию, а по завершении проекта – следить за территорией и ремонтировать расположенные на ней объекты. Партиципация позволяет установить диалог между властью и жителями, дает им опыт разрешения конфликтов, снижает уровень социальной напряженности.

В последнее время партиципаторное бюджетирование развивается в стране довольно активно [17], но в рамках таких проектов можно работать лишь с муниципальными объектами и территориями. Однако регенерацию исторической среды нужно осуществлять и на частных территориях. Проекты партиципаторного бюджетирования концентрированы на благоустройстве, а социальная проблематика и проблемы реконструкции исторической среды затрагиваются редко.

Практики совместного управления городами появились у нас совсем недавно и постепенно развиваются (хотя очень медленно), привлекают все больше людей и начинают обсуждаться экспертным сообществом. У людей есть потребность участвовать в жизни городов, а власти и эксперты начинают понимать, что работа вместе с ними может принести лучшие результаты.

Регулирование, направленное на сохранение и развитие

Рассмотрев инструменты соучастия, позволяющие регенерировать историческую среду старых

городов, перейдем теперь к инструментам регулирования. В городских практиках инструменты этих двух видов необходимо использовать совместно. Инструменты соучастия нужны, чтобы все городские акторы могли участвовать в управлении городом и его развитии. Инструменты регулирования позволяют закрепить нормы и правила, о которых договорились городские акторы, и контролировать их соблюдение всеми участниками городской жизни. Поэтому нормативно-регулятивная база совершенно по-разному «работает» в ситуациях авторитарного и демократического управления жизнью города.

Важнейший предмет городского регулирования – параметры новой застройки. Застройщикам намного выгоднее в исторических центрах возводить многоэтажные здания, а не строить средне- и малоэтажные дома и создавать вокруг них удобную среду. Именно поэтому необходимы зонирование, регламенты для сохранения исторической среды и нового строительства в ней. Необходим и мастер-план, описывающий комплексное видение развития города.

Историческая среда в российских городах разрушается во многом из-за того, что ее регулирование фрагментарно: предметом охраны становится физическая оболочка архитектурных памятников, а их окружение («фоновая застройка») никого не интересует, подчеркивает Татьяна Гудзь, доцент кафедры архитектуры и урбанистики Пермского государственного политехнического университета [18]. В мире начиная с 1980-х годов регулировать пытаются не отдельные сооружения, а качество исторической среды в целом (ее разнообразие, сомасштабность и т.д.).

Первый в России опыт гибкого и контекстно-го регулирования городской среды появился в 2010 году в Перми. Местное «Бюро городских проектов» и голландское бюро KСАР Architects & Planners разработали мастер-план Перми, в котором описывается комплексное видение развития города [19]. Это инструмент планирования и коммуникации между субъектами города. Мировая практика создания мастер-планов предполагает учет мнения территориальных сообществ, их жизненных укладов и культурных особенностей. В мастер-плане Перми, в частности, фиксируются городские виды; новое строительство ограничивается с целью их сохранить. Эти ограничения прописываются в правилах землепользования и застройки. В отличие от генплана развития города, детальность мастер-плана позволяет делать

его гибким и при необходимости менять в ответ на изменение запросов социальных групп, отмечает Гудзь.

Зонирование дает возможность варьировать параметры регулирования для отдельных территорий. Эти параметры определяются исходя из контекста: планировочной структуры места, характера застройки, физических параметров зданий, транспортной доступности. Зонирование делит весь город (или его части) на крупные зоны и мелкие локации, в которых регламентируются правила новой застройки, реконструкции, благоустройства и т.д. Поэтому зонирование – один из самых гибких инструментов регулирования. Каждый город вправе самостоятельно формировать удобные для себя принципы зонирования и регламенты зон. В российской практике зонирование не учитывает элементы контекста, зоны выделяются лишь по видам разрешенного использования участков и объектов (по функциям). Еще выделяются охранные зоны, защищающие памятники архитектуры.

Почему мастер-планирование и зонирование слабо используются в российских городах? Городским властям удобнее принимать документы, регулирующие развитие города, не обсуждая их с экспертами, бизнесом, застройщиками и жителями (либо лишь имитируя обсуждение). Диалог о городских проблемах редко оказывается конструктивным из-за неумения договариваться и желания городских властей провести его «для галочки», чтобы легитимировать уже принятые решения. Но публичная власть должна выступать в роли партнера, а не контролера и манипулятора, отмечает Гудзь. Сейчас городские власти сотрудничают лишь с крупными застройщиками, которым выгодно негласное принятие решений о будущем земельных участков.

Чтобы в городском планировании произошел переход к современным методам регулирования, гибким и учитывающим локальные особенности, необходимо, в частности, изменить стимулы городской администрации, регламентировав процедуры городского управления, считает Гудзь. Так, надо ввести систему бонусов и льгот, поощряющих скоординированные с бизнесом и городскими жителями действия по развитию территории. Также условием смены устаревших проектных подходов на современные является проведение исследований в сфере экономики землепользования, регулирования на основе зонирования, мастер-планирования.

Инструменты управления развитием исторической среды

Главная задача работы с исторической средой состоит не в том, чтобы остановить развитие и законсервировать город. Сохраняя его идентичность, нужно запустить механизмы развития. Для этого необходимы современные инструменты регулирования, позволяющие придавать старым зданиям новые функции, работать с нематериальным наследием. Есть несколько стратегий включения исторической застройки в современное развитие города, отмечает Александр Ложкин, профессор Международной архитектурной академии [20]: 1) музеефикация – исторический район сохраняется, современные функции выносятся за его пределы; 2) контраст – фрагментарное включение современных зданий в историческую застройку; 3) модернизация – строительство новых зданий в границах исторического района, подчиняющее новую застройку исторической.

Наиболее распространенный на данный момент инструмент сохранения исторической застройки – проект зон охраны (ПЗО), а инструмент регулирования новой застройки – правила землепользования и застройки (ПЗЗ). ПЗО защищает только архитектурные памятники, а не остальные старые здания, входящие в охранную зону. Ограничивается лишь новое строительство в границах зон регулирования застройки объекта культурного наследия. Без защиты остается и огромный пласт средовой застройки за пределами охранных зон. В результате на ее месте возникает новая застройка и начинает благодаря своему масштабу доминировать, разрушая целостную ткань исторической среды.

В Перми с 2010 г. стали пытаться предотвращать такое развитие событий. Экспертам и властям удалось сохранить старую застройку, признав 7 фрагментов города достопримечательными местами. В этом случае предметом охраны становятся не только памятники, но и средовые объекты. Этот режим разрешает ограниченное строительство с соблюдением специально установленных для данного места регламентов, отраженных в ПЗЗ [21]. Для каждого места четко определяется предмет охраны, в который входят градостроительные, планировочные, объемно-пространственные, архитектурно-стилистические характеристики, ценные элементы застройки и благоустройства, материалы. Разрабатываются градостроительные регламенты (предельные

параметры, виды разрешенного использования, ограничения использования земельных участков и объектов), которые фиксируются в ПЗЗ и в правилах благоустройства. Достопримечательное место регистрируется в едином реестре памятников, куда вносятся сведения о нем, в частности предмет охраны и границы территории.

Важное условие успешной работы такого механизма регулирования исторической среды, как достопримечательное место – добросовестное выполнение властями, девелоперами, застройщиками и экспертами правил и регламентов, о которых они договорились, принимая мастер-план и ПЗЗ. Но в российских городах эти правила в лучшем случае навязываются «сверху». В результате у множества городских акторов, включая власть, есть стимулы их нарушать. В этом случае статус достопримечательного места работает не на сохранение, а на разрушение городской среды, считает Рустам Рахматуллин, один из основателей общественного движения «Архнадзор» [22].

Так происходит, например, в Москве. В достопримечательном месте разрешено ограниченное строительство, и застройщики сносят исторические здания, застраивая территорию объектами, разрушающими их идентичность. Это происходит из-за того, что градостроительные регламенты для достопримечательного места позволяют снос исторических зданий и новое, не соответствующее историческому контексту строительство, а предмет охраны не включает важные для сохранения элементы (например, конструкции объекта и материалы) и характеристики.

В Москве территория достопримечательного места разбита на участки, для каждого из которых произвольно прописаны режимы и регламенты в диапазоне от сохранения до сноса. Поэтому если нужно снести здания на территории охранной зоны или средовой застройки, ее можно перевести в статус достопримечательного места с более мягким регулированием. Этот финт позволяет девелоперу вывести нужный ему земельный участок из-под установленных регламентов (ПЗО и ПЗЗ) и прописать собственные, разрешающие снос и новое строительство.

Проблема статуса достопримечательного места в отсутствии обязательных регламентов, гарантирующих сохранение памятников и средовой застройки. Еще одна проблема – отсутствие в предмете охраны обязательных элементов и характеристик, без которых невозможно сохранение. Это очень свободный механизм, которым

можно манипулировать, подчеркивает Рахматуллин. Этот статус дает много возможностей для регулирования городской среды, но при недобросовестном использовании ставит под угрозу сохранение памятников и средовой застройки.

Эффективность статуса достопримечательно-го места может быть значительно повышена. Для этого надо установить обязательные регламенты, защищающие от сноса исторические здания. В предмет охраны должны автоматически входить элементы и характеристики, без которых невозможно сохранение исторических объектов. Регулирование новой и старой застройки должно быть гибким, но не давать возможность уничтожать исторические дома и строить внесмаштабные старому городу объекты. Тогда разрушение среды будет предотвращено.

Более жесткий инструмент сохранения исторической застройки – статус исторического поселения. Его дают городу (его части), поселку или селу, в границах которого есть объекты культурного наследия или другие предметы охраны. Ими могут быть здания, планировочная структура, объемно-пространственная структура, композиция и силуэт застройки, панорамы, соотношение между городскими пространствами (свободными, застроенными, озелененными). Историческое поселение может иметь региональный или федеральный статус.

В 1990 г. был принят список из 536 исторических поселений. В 2010 г. он сократился до 41: сейчас большинство российских исторических городов не имеют соответствующего статуса. При наличии такого статуса все документы планирования и застройки в границах исторического поселения нужно было согласовывать с Москвой, но центр снял с себя эту обязанность и уменьшил список. Между тем именно этот статус мог бы стать наиболее эффективным для сохранения и развития старых центров: он направлен на комплексное регулирование исторической среды. Предполагается защита не только зданий, но и других элементов города, например, планировки, видов. При этом статусе старые центры могут быть защищены от разрушительного строительства: проекты новых объектов согласовываются с ведомством, отвечающим за охрану наследия (на федеральном или региональном уровне в зависимости от статуса).

Однако и статус исторического поселения не гарантирует сохранения старых городов: у этого механизма есть существенные недостатки. У

большинства исторических поселений нет утвержденных охранных документов (предмета охраны, зон охраны объектов культурного наследия) – без них защита исторической среды невозможна [23]. Муниципальные администрации могут годами не утверждать проекты этих документов, в то время как города разрушаются.

Далее, историческое поселение плохо связано с градостроительным регулированием – проектами охранных зон, правилами землепользования и застройки, генпланом. Все эти документы дезинтегрированы между собой [24]. Например, в обязательном списке карт, обосновывающих генплан, нет опорного плана исторического поселения. Границы исторического поселения не отражены в кадастре (в отличие от границ охранных зон памятников архитектуры и достопримечательных мест). Застройка в границах исторических поселений регулируется охранными зонами, однако четкий механизм трансляции параметров из них в ПЗЗ отсутствует. Поэтому охранные зоны зачастую могут не влиять на новую застройку.

Даже получив статус исторического поселения, город может (но не обязан!) корректировать ПЗЗ, чтобы ограничить в его границах новое строительство. Но в этом случае механизм останется лишь красивым названием, не оказывая влияния на сохранение исторической среды. Механизм исторического поселения может заработать, если связать его с градостроительным регулированием (ПЗО, ПЗЗ, генплан, кадастр) и контролировать утверждение охранных документов и соблюдение прописанных в них правил.

Исторический квартал как ресурс для современного проектирования

Ориентация на местный контекст, коды, культуру, социальные связи между людьми при проектировании в исторической среде необходима для сохранения того уникального, что имеется у каждого города, квартала. Эти коды можно переносить и в современную архитектуру, делая их смыслообразующим ресурсом для новых идей, форм и решений.

Вместо того, чтобы придумывать новые планировочные принципы, иногда эффективнее посмотреть, как планировали городскую среду раньше, и адаптировать эти решения, подчеркивает доцент кафедры Архитектуры и урбанистики ПНИПУ Андрей Головин [25]. Мы можем заимствовать у исторического квартала типы

планировочной структуры, человеческий масштаб архитектуры (низкую этажность, небольшую длину фасадов, ширину улиц, дворовые пространства), архитектурные коды, типологии зданий и общественных пространств, их многофункциональное использование, сложившиеся типы соседства.

В России слово «квартал» применяется к микрорайонному типу застройки, который продолжает советскую традицию строительства. В действующем градостроительном СНИПе понятие «микрорайон» приравнено к понятию «квартал». Российские застройщики и архитекторы часто используют слово «квартал», говоря о застройке, где здания расположены по периметру, но остальные параметры не отличаются от микрорайонов: огромная площадь застройки, гигантские неуютные дворы, заполненные парковками, высокая этажность, большие разрывы между зданиями.

В мировой практике подходы к проектированию и форма застройки у микрорайона и квартала существенно отличаются. Микрорайон имеет большую площадь (5-60 га), высокую этажность домов, большие расстояния между ними (пустые пространства), типовой характер архитектуры, свободное расположение зданий. Понятие «квартал» относится к застройке, не превышающей девяти этажей, имеющей четкое разделение приватного/полупrivатного и общественного пространства, площадь до 4-5 га, разнообразную архитектуру, многофункциональные здания, множество общественных пространств. Благодаря этим принципам квартал физически и визуально комфортен для людей, в нем естественно возникают социальные связи, соседство. В микрорайонах этого не происходит.

Чему может современный проектировщик научиться у исторического квартала? Квартал – это бесконечно разнообразная единица, отмечает Головин. Он может иметь вариативные размеры, формы планировки и организации пространства, что дает большую свободу для проектирования и поиска удобных форм. Разнообразие способствует компактности застройки. Квартал делится на дворы/парцеллы: чем меньше размер земельного участка и чем больше таких участков в пределах квартала, тем выше разнообразие форм, функций, социальных связей. Активный фронт, соединяющий земельный участок с уличной сетью по красной линии, позволяет развиваться торговле, делает территории доступными и связанными, создает широкий выбор маршрутов.

В компактной квартальной структуре возможно четкое разделение публичного и частного, что помогает распределить зоны ответственности между собственниками и муниципалитетом. Если этого не сделано, территории остаются «ничейными», постепенно запустевают, превращаются в заброшенные. Установление границ между публичным и частным пространством способствует более эффективному использованию городской среды.

Компактный квартал более безопасен для жизни, чем микрорайонная застройка: для него характерна низкая этажность, открывающая обзор на улицу/двор и высокая плотность. Благодаря этому люди видят, что вокруг них происходит и могут помочь, если что-то случится. Квартальная планировка позволяет развивать новые архитектурные типологии. Небольшие земельные участки располагают к экспериментам с плотностью и высотностью застройки, к созданию компактных дворовых микропространств с разной степенью приватности, к внедрению общественных пространств в ткань жилой застройки. Разнообразие форм застройки повышает ее экономичность и эффективность: здания, дворы, улицы могут одновременно совмещать общественные и жилые функции, коммерческие и социальные. Квартальная планировка прекрасно подойдет и для кохаузинга, поскольку позволяет жителям создавать адаптированные под их потребности здания и дворовые пространства.

Для проектирования на новых территориях и гармоничного развития исторической среды за основу могут быть взяты планировочные принципы исторических кварталов. Квартальная планировка делает архитектурные пространства проницаемыми, связанными, позволяет создавать разнообразные внутренние и внешние пространства, выстраивать в микромасштабной среде горизонтальные связи. Как показывает мировой опыт, в результате возникает интересная и удобная для жизни городская среда.

Заключение

Чтобы сохранить и развивать историческую среду российских городов, необходимо совместное использование инструментов соучастия и инструментов регулирования. Соучаствующее проектирование и партиципаторное бюджетирование позволят привлечь к управлению городом всех городских акторов: архитекторов, застройщиков, бизнес, жителей. В области городского

регулирования необходимо перейти от подхода, при котором сохраняются отдельные памятники, к сохранению и развитию всей исторической среды. Мастер-план позволит совместно выработать и согласовать решения, которые помогут развитию старого центра. Зонирование сохранит уникальность каждого фрагмента среды. Механизмы исторического поселения и достопримечательного места могут быть полезны для сохранения старого города, но для того, чтобы они начали работать, их нужно интегрировать в градостроительное регулирование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шведский суд заблокировал строительство Нобелевского центра по проекту Дэвида Чипперфилда // Strelka Magazin, 30.05.2018 // <https://beta.strelkamag.com/ru/news/shvedskii-sud-zablokiroval-stroitelstvo-nobelevskogo-centra-po-proektu-devida-chipperfilda-iz-za-ugrozy-istoricheskomu-obliku-naberezhnoi>
2. Константин Кияненко. «Архитектурная программа как социальный инструмент городского проектирования». // Лекция на 9-м Международном форуме «Рост городов и сохранение наследия вдоль евразийского коридора (шелкового пути)», 3 октября 2017 г. // https://www.youtube.com/watch?v=CW7S8Gv6_i0
3. Константин Кияненко. Социальные стратегии архитектурного программирования // Innovative project. 2017. Т.2, №1. С.54-68
4. Urban Land Institute: ULI Case Studies // <https://casestudies.uli.org/woodwards/>. Цит. по: Константин Кияненко. Социальные стратегии архитектурного программирования // Innovative project. 2017. Т.2, №1. С.54-68.
5. Константин Кияненко. Генри Санофф – к архитектуре, озабоченной человеком. О проектировании людей, с людьми и для людей // http://www.intelros.ru/pdf/arc/01_2010/12.pdf
6. Sherry R. Arnstein. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Planning Association. 1969. № 4 // <http://www.participatorymethods.org/sites/participatorymethods.org/files/Arnstein%20ladder%201969.pdf>
7. Instituto Municipal de Arte e Cultura (Rio de Janeiro, RJ). Corredor cultural: como recuperar, reformar ou construir seu imóvel. 1989 // <https://www.travessa.com.br/corredor-cultural-como-recuperar-reformar-ou-construir-seu-imovel/artigo/4950084b-24be-4678-b6e6-d2c21aacd3c8>
8. Виктор Вахштайн, Павел Степанцов. «Какие территории России могут стать драйверами развития и почему». Лекция в SSL, 26 мая 2018 г. // <https://www.facebook.com/ssl.lab/videos/178529416169180/>
9. Citizen architect handbook. American Institute of Architects, 2018 // http://aiad8.prod.acquia-sites.com/sites/default/files/2018-07/Citizen_Architect_Handbook.pdf
10. Леонид Полищук. Ждать начальства или скинуться самим. Социальный капитал в жизни города. // Город глазами экономистов. Strelka Press. 2017.
11. Олег Паченков. «Социальный капитал и городские проекты». Лекция на 9-м Международном форуме «Рост городов и сохранение наследия вдоль евразийского коридора (шелкового пути)», 2 октября 2017 г. // https://www.youtube.com/watch?time_continue=1174&v=AlxK5NcGxOU
12. Зигмунт Бауман. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер. 2008.
13. Robert Sommer. Personal Space: The Behavioral Basis of Design / Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1969. P. 173. Цит. по: Олег Паченков. «Социальный капитал и городские проекты»
14. Петр Иванов. «Творческая среда: Кроссекторальное взаимодействие как принцип устойчивого развития города». Лекция на 9-м Международном форуме «Рост городов и сохранение наследия вдоль евразийского коридора (шелкового пути)», 2 октября 2017 г. // <https://www.youtube.com/watch?v=jC8L8bRIYsI>
15. Ксения Михайлова. Инфраструктура свободы: Лев Шилов о шансах республиканского принципа в городах России // Theory&Practice, 13 мая 2014 // <https://theoryandpractice.ru/posts/8823-lev-shilov>
16. Лев Шилов. Расчет на участие: зачем авторитарные режимы привлекают граждан к принятию решений? // Republic, 21.08.2018 // <https://republic.ru/posts/91868>
17. Лев Шилов. «Партисипаторное бюджетирование и другие финансовые механизмы реализации проектов по реконструкции исторической среды». Лекция на 9-м Международном форуме «Рост городов и сохранение наследия вдоль евразийского коридора (шелкового пути)», 4 октября 2017 г. // https://www.youtube.com/watch?time_continue=13&v=zXIX9S2hLfQ
18. Татьяна Гудзь. «Параметры регулирования исторической среды: что и как регулировать, чтобы сохранить идентичность». Лекция на 9-м Международном форуме «Рост городов и сохранение наследия вдоль евразийского коридора (шелкового пути)», 6 октября 2017 г. // https://www.youtube.com/watch?v=ckyZ_FCClbo
19. Преобразование города. Стратегический мастер-план Перми // <http://permngenplan.ru/preobrazovanie-goroda/>
20. Александр Ложкин. «Управление развитием исторической среды: организационные механизмы». Лекция на 9-м Международном форуме «Рост городов и сохранение наследия вдоль евразийского коридора (шелкового пути)», 3 октября 2017 г. // https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=aRSTgk2CITU
21. Александр Ложкин. Градостроительный регламент и предмет охраны объектов культурного наследия // Региональные архитектурно-художественные школы. Новосибирск, 2013. № 1. С. 38-41
22. Рустам Рахматуллин. «Наследие как развитие». Лекция на 9-м Международном форуме «Рост городов

и сохранение наследия вдоль евразийского коридора (шелкового пути)», 5 октября 2017 г. // <https://www.youtube.com/watch?v=7f8Ql9t7Q9w>

23. Евгений Соседов. Сохранить историю // Архнадзор, 1 февраля 2018 г. // <http://www.archnadzor.ru/2018/02/01/sohranit-istoriyu/>

24. Екатерина Гончарова. Регулирование предельных параметров застройки в исторической городской среде: интеграция подхода Form Based Code в российскую систему регулирования застройки. Дис. магистра градостроительства. Москва. Высшая школа экономики (Высшая школа урбанистики), Москва, 2015 // <https://www.hse.ru/edu/vkr/153011865>

25. Андрей Головин. «Квартал – назад в будущее». Лекция на 9-м Международном форуме «Рост городов и сохранение наследия вдоль евразийского коридора (шелкового пути)», 6 октября 2017 г. // <https://www.youtube.com/embed/xEYAoa7RcJE>.

REFERENCES

1. A Swedish court blocked the construction of the Nobel Center under the design of David Chipperfield // Strelka Magazin, 30.05.2018 // <https://beta.strelkamag.com/ru/news/shvedskii-sud-zablokiroval-stroitelstvo-nobelevskogo-centra-po-proektu-devida-chipperfilda-iz-za-ugrozy-istoricheskomu-obliku-naberezhnoi>
2. Konstantin Kiyanenko. «The architectural program as a social tool for urban design.» // Lecture at the 9th International Forum “Urban Growth and Preservation of Heritage along the Eurasian Corridor (Silk Road)”, October 3, 2017 // https://www.youtube.com/watch?v=CW7S8Gv6_i0
3. Konstantin Kiyanenko. Social Strategies for Architectural Programming // Innovative project. 2017. Vol. 2, №1, 54-68
4. Urban Land Institute: ULI Case Studies // <https://casestudies.uli.org/woodwards/>. Cit. by: Konstantin Kiyanenko. Social Strategies for Architectural Programming // Innovative project. 2017. Vol. 2, №1, 54-68.
5. Konstantin Kiyanenko. Henry Sanoff - Towards Architecture Concerned by Man. About designing people, with people and for people // http://www.intelros.ru/pdf/arc/01_2010/12.pdf
6. Sherry R. Arnstein. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Planning Association. 1969. № 4 // <http://www.participatorymethods.org/sites/participatorymethods.org/files/Arnstein%20ladder%201969.pdf>
7. Instituto Municipal de Arte e Cultura (Rio de Janeiro, RJ). Corredor cultural: como recuperar, reformar ou construir seu imóvel. 1989 // <https://www.travessa.com.br/corredor-cultural-como-recuperar-reformar-ou-construir-seu-imovel/artigo/4950084b-24be-4678-b6e6-d2c21aadc3c8>
8. Victor Vakhstein, Pavel Stepanov. «What territories of Russia can become drivers of development and why.» SSL Lecture, May 26, 2018 // <https://www.facebook.com/ssl.lab/videos/178529416169180/>
9. Citizen architect handbook. American Institute of Architects, 2018 // http://aiad8.prod.acquia-sites.com/sites/default/files/2018-07/Citizen_Architect_Handbook.pdf
10. Leonid Polishchuk. To wait for the authorities or to chip themselves. Social capital in the life of the city. // City through the eyes of economists. Strelka Press. 2017.
11. Oleg Pachnikov. «Social capital and urban projects.» Lecture at the 9th International Forum “Urban Growth and Preservation of Heritage along the Eurasian Corridor (Silk Road)”, October 2, 2017 // https://www.youtube.com/watch?time_continue=1174&v=AlxK5NcGxOU
12. Zygmunt Bauman. Liquid Modernity / Translation from English under the editorship of Yu. Asochakova. SPb.: Peter. 2008.
13. Robert Sommer. Personal Space: The Behavioral Basis of Design / Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1969. P. 173. Cit. by: Oleg Pachnikov. “Social capital and urban projects”
14. Peter Ivanov. “Creative environment: Cross-sector interaction as a principle of sustainable development of the city”. Lecture at the 9th International Forum “Urban Growth and Preservation of Heritage along the Eurasian Corridor (Silk Road)”, October 2, 2017 // <https://www.youtube.com/watch?v=jC8L8bR1YsI>
15. Ksenia Mikhailova. Freedom infrastructure: Lev Shilov about the chances of the republican principle in Russian cities // Theory & Practice, May 13, 2014 // <https://theoryandpractice.ru/posts/8823-lev-shilov>
16. Lev Shilov. Counting on participation: why do authoritarian regimes involve citizens in decision-making? // Republic, 08/21/2018 // <https://republic.ru/posts/91868>
17. Leo Shilov. «Participatory budgeting and other financial mechanisms for the implementation of projects for the reconstruction of the historical environment.» Lecture at the 9th International Forum “Urban Growth and Preservation of Heritage along the Eurasian Corridor (Silk Road)”, October 4, 2017 // https://www.youtube.com/watch?time_continue=13&v=zXIX9S2hLfQ
18. Tatyana Gudzh. «Parameters for regulating the historical environment: what and how to regulate in order to preserve identity.» Lecture at the 9th International Forum “Urban Growth and Preservation of Heritage along the Eurasian Corridor (Silk Road)”, October 6, 2017 // https://www.youtube.com/watch?v=ckyZ_FCcLbo
19. Transformation of the city. Perm Strategic Master Plan <http://permgenplan.ru/preobrazovanie-goroda/>
20. Alexander Lozhkin. «Management of the development of the historical environment: organizational mechanisms.» Lecture at the 9th International Forum “Urban Growth and Preservation of Heritage along the Eurasian Corridor (Silk Road)”, October 3, 2017 // https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=aRSTgk2CITU
21. Alexander Lozhkin. Town-planning regulations and the subject of protection of cultural heritage // Regional architectural and art schools. Novosibirsk, 2013. № 1. P. 38-41
22. Rustam Rakhmatullin. «Historical heritage as development.» Lecture at the 9th International Forum

“Urban Growth and Preservation of Heritage along the Eurasian Corridor (Silk Road)”, October 5, 2017. // <https://www.youtube.com/watch?v=7f8Ql9t7Q9w>

23. Evgeny Sosodov. Save History // Archnadzor, February 1, 2018 // <http://www.archnadzor.ru/2018/02/01/sohranit-istoriyu/>

24. Ekaterina Goncharova. Regulation of building limit parameters in a historical urban environment: integration of the Form Based Code approach into the Russian building regulation system. Master of Urban Planning. Moscow. Higher School of Economics (Higher School of Urban Studies), Moscow, 2015 // <https://www.hse.ru/edu/vkr/153011865>

25. Andrey Golovin. «Quarter - back to the future.» Lecture at the 9th International Forum “Urban Growth and Preservation of Heritage along the Eurasian Corridor (Silk Road)”, October 6, 2017 // <https://www.youtube.com/embed/xeYAoa7RcJE>.

Для ссылок: Лащенко С.В., Репина Е.А., Грозовский Б.В. Как регенеровать историческую среду российских городов: инструменты соучастия и регулирования // Innovative project. 2018. Т.3, №9. С. 52-68. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.4

For references: Lashchenko S.V., Repina E.A., Grozovsky B.V. How to regenerate the historical environment of Russian cities: participation and regulation tools. Innovative project. 2018. Vol.3, No.9. P. 52-68. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.4

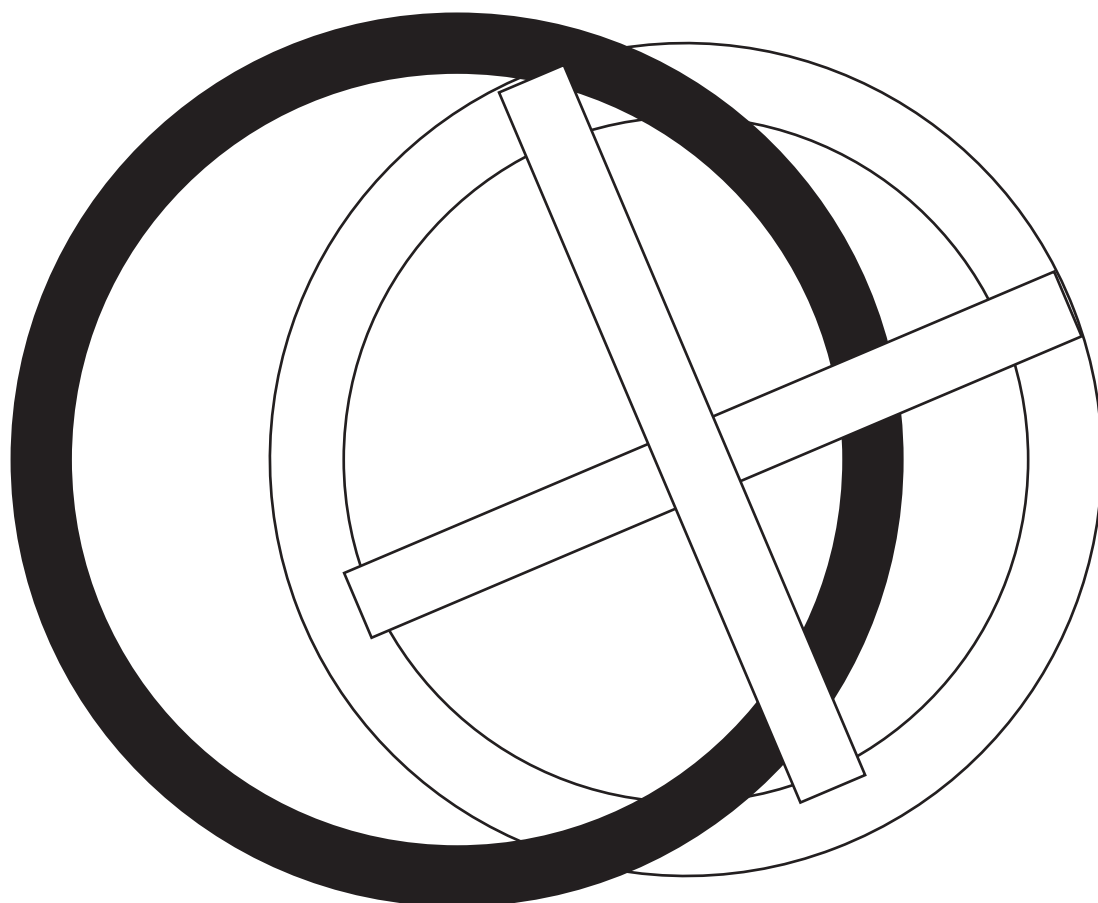

5

69–82

ГОРОД ВНЕ ГОРОДА

CITY WITHOUT THE CITY

Mannisi Alban

Royal Melbourne Institute of Technology (RMIT University), Australia

Манниси Албан

Королевский технологический институт Мельбурна (Университет RMIT), Австралия

SPECULATIVE GROWTH OF CONSERVATION NARRATIVES УМОЗРИТЕЛЬНЫЙ РОСТ НАРРАТИВОВ СОХРАНЕНИЯ

As culture appears in governmental policy when its disappearance starts, heritage becomes a concern when its local meaning vanishes. Moreover, globalization usually reveals the ignorance on the cultural legacy accelerated by its instrumentalised branding. Moreover, this vision of economic trade fails to resolve these issues of intangible heritage. Above all, since there is no future without past, like the sustainability of environment, and that cities and territories of the Silk Road territories are defined by a good cohesion of these entities, the current critical issues are the establishment of good balances between the global world and the local heritage. Thus, the transverse degeneration of these geographical roots, territorial strategies, social management, and economic exchanges of the various globalizations seems exceptionally fragile in the 21st century. To the point that these counterexamples are now refused by responsible citizen movements considering such models of urban expansions that capitalistic corruption reigns over as the figures of ontological aberrations. To illustrate these phenomena in the Asian region, the following study takes three cases directly investigated on site: Japan as the symbol and symptom of the introduction of exogenous philosophy and practice which have altered its nature / culture relations of the 19th century to the point to entirely return to its indigenous environmental ethics; now stabilized, exports and reproduces the same errors in the heart of countries undergoing the similar drifts as rural Australasia. The state Island of Singapore, rich of a multi-ethnic community evolving in a neoliberal socialism, combines the ontologies that move each society to develop its territory from culturally appropriate practices to the pressures of a standardized educational system. This paradoxically leads its experts towards a universality of cultural landscapes posing the problem of urban and landscape alienation to unique market aims. The rowdy reinvention of the traditions devoted to the western hegemonic submission has profoundly damaged the cultural identity of South Korea's urban, natural, and social environment. Example of exogenous diktats on fragile autochthonous practices by a corporate malpractice, South Korea raises the question of political governance and ecosophical resistances always ignored in globalization aims. From these three cases of territorial governance, we will consider what can be the sustainable growth and preservation policies within the vast Silk Road spaces.

Поскольку культура, когда начинается ее исчезновение, появляется в правительственной политике, наследие становится проблемой, когда исчезает его локальный смысл. Кроме того, глобализация обычно выявляет незнание культурного наследия, ускоренное её инструментальным брендингом. Более того, это видение торговой экономики не может решить вопросы нематериального наследия. Прежде всего, поскольку нет будущего без прошлого, такого как устойчивость окружающей среды, и что города и территории Шелкового пути определяются сплоченностью этих образований, текущие критические вопросы - это установление адекватного баланса между глобальным миром и местным наследием. Таким образом, этот баланс, вырожденный от пересечения этих географических корней, территориальных стратегий, социального управления и экономических обменов различных глобализаций в XXI веке кажется исключительно хрупким. До такой степени, что ответственные движения граждан в настоящее время отказываются от этих контрпримеров, рассматривая такие модели городской экспансии, в которых господствует капиталистическая коррупция как фигуры онтологических аберраций. Чтобы проиллюстрировать эти явления в азиатском регионе, в работе рассматриваются три случая, исследованных непосредственно на месте: Япония как символ и симптом введения экзогенной философии и практики, которые изменили ее природу / культурные отношения 19-го века до такой степени, что невозможно полностью вернуться к своей природной этике; в настоящее время стабилизируется, экспортирует и воспроизводит те же ошибки в самом сердце стран, испытывающих те же трудности, что и сельская Австралия. Государственный остров Сингапур, богатый многоэтническим сообществом, развивающимся в неолиберальном социализме, сочетает в себе онтологии, которые побуждают каждое общество развивать свою территорию от культурно приемлемых практик к давлению стандартизированной образовательной системы. Это парадоксально ведет его экспертов к универсальности культурных ландшафтов, ставящих проблему урбанистического и ландшафтного отчуждения при уникальных рыночных целях. Бурное переосмысление традиций, посвященных подчинению западному гегемону, нанесло серьезный ущерб культурной самобытности городской, природной и социальной среды Южной Кореи. В качестве примера экзогенных диктатов в хрупкой автохтонной практике, совершаемой в результате корпоративной халатности, Южная Корея поднимает вопрос о политическом управлении и об экосистемном сопротивлении, которое всегда игнорируется в целях глобализации. Из этих трех случаев территориального управления мы рассмотрим, что может быть политикой устойчивого роста и сохранения на просторах Шелкового пути.

Ключевые слова: *Globalization from the Grass-roots, Japan, Singapore, South Korea, Autochthonous practices and Customs.*

Keywords: *Глобализация на низовом уровне, Япония, Сингапур, Южная Корея, Автохтонные практики и границы.*

1. XX Century Modernity Mismanagement

At a time when the globalization of knowledge even in the most remote countries finally allows a universalization of environmental practices and the emulation of hybrid forums involving a reassessment of the ecosophical achievements, the understanding of ideologies, ontology, and ecology of the contemporary built environment inquires for a holistic understanding of the factors inherent in the human expansion settlement of the last decades.

As Cornelius Castoriadis (1981) reminded us of the State Capitalism that made Communism and Capitalism the same economic and political model, the sustainable development that was once thought to be a reaction to the excesses of neo-liberalism triumphing over the 80s, was a simple continuation of the invisible hand (Smith 1759). It is crucial today that the environmental resistance put in place by civil society experts of the common good in rupture with the gangrenous expertise of the built environment enables to decode the superficial ecological narratives, i.e., Shallow Ecology (Naess 1972).

The environmental programmed obsolescence (fig. 1) which instigates a new breath to an economy of the 2000s jostled by the appearance of new mode of thinking of new Asia, Middle East, and sometimes very backward territory and yet repositioning nowadays the geopolitical chessboard, has profoundly discredited the managerial and philosophical apparatus of an environmental discipline that must then rethink its rights and duties towards an ecological democratic.

Especially since the twentieth century has left an indelible mark that designers and planners have the task to repair, especially to seize the malignant construction as it is easy today to continue the same processes. In the image of the environmental imperialism sabotage (Mannisi 2019), it is imperative to understand how much a planning of the territories and economic motive of that time has mistreated their spaces, ecologies, and landscapes without taking the necessary lessons today making their reference impossible. Management errors symbolizing Western modernity destroying societal biotopes essential for the balance and stability of human groupings are now reiterated. The reasons for their outbreaks do not shed light on the dramatic misdeeds in terms of social cohesion,

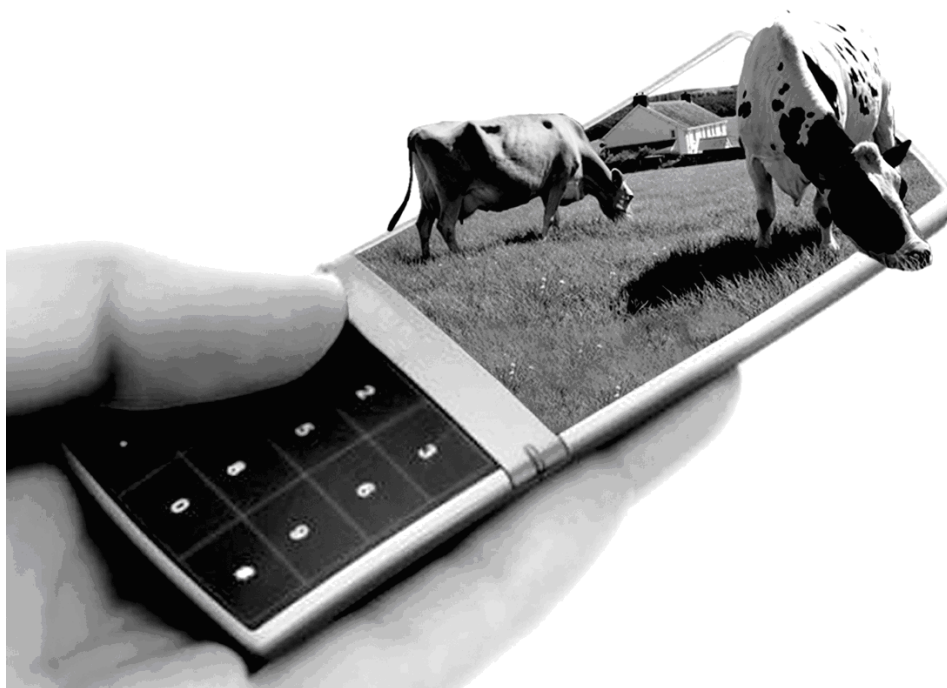

Figure 1. *Environmental Programmed Obsolescence.*

Figure 2. The destruction of The Halles, Paris in 1971.

Figure 3. The Highway Construction above the Cheongcheon river in Seoul.

Figure 4. Disappearance of Japanese agriculture management in Japan.

pollution, quality of life, and ultimately unsustainable biotopes that still achieved a global balance celebrated for their economic, environmental, and social diversities.

The environmental deconstruction weakening the economic capital of Paris in 1971 (fig. 2), the environmental injustice caused by the environmental damage of the infrastructure in place of the Cheongcheon river in the heart of the Korean capital (1958-70) (fig. 3), the community scares orchestrated by the Westernization of social capital management in Japan after the Second World War (fig. 4) are just as much as a symbol of modernity that should be decrypted so as not to be repeated. Yet, as an essential model, many stamped projects of Sustainable Development reproduce the same mistakes with even more vigor in order to cover the needs of countries to facilitate their entry into the global market of Western standards.

The Atlas of Disasters that the West should present not to repeat its mistakes and to think of another mode of human and nonhuman territorialization is the stakes of the political philosophy of the Landscape (Mannisi 2019). A study of international relations also called *Ambiances* (Duroselle 1968) will allow to reconnect with the positivist vision of globalization; an exchange of knowledge between traditional and indigenous practice in constant hybridization, i.e., ecological transition.

2. Japan. Repetitive Difference

Today, Japan illustrates the symbol and symptom of Western modernity in Asian territory (Mannisi 2015). A project like KAMOKEN led by the team of the environmental philosopher Toshio Kuwako on the island of Sado traces the extent of the damage that made Japan the world most polluted country in the 60s (Mannisi 2012). The team led by Kuwako, composed of researchers in environmental ethics and civil engineering, stakeholders of the civil society, and government officers led the projects of environmental mediation amongst the inhabitants disillusioned by the management of the political and engineering elites from the mainland capital city. In such top down approach, risk taking is always taken by indigenous communities and not exogenous experts (fig. 5).

The Kamo Lake restoration project presents an exemplary case of the current sources of environmental conflict (Mannisi 2012). It expresses the authoritarian mechanisms of planning procedures and the emergence of civil society resistance against the Top-Down expertise procedures. The lake, at the edge of the island and the Yellow Sea, is known for its mixture of fresh and salt water that benefited the production of the local oyster production until the construction of a dam, designed by engineers from Niigata to avoid

Figure 5. Hybrid Forums of Experts in Japan.

flood issues. Unfortunately, the latter has had the effect of deteriorating the precious hydrological balance and condemning the oyster economy. This was followed by a reaction from the inhabitants to no longer discuss with a disconnected expertise but to harness social engineering

by calling the philosopher Toshio Kuwako and his team to generate Consensus Building procedure and think about the future from the community (fig. 6). Following the urbanism policy (1919), Toshi keikaku-hō [都市計画法], implementation from Western standard in Japan

Figure 6. Consensus Building procedure with the village stakeholders.

Figure 7. Acknowledgment of the Environmental Construction of the lake Kamo reality.

during the since Taishō [大正] era, the ontology of the Japanese community has become deeply shaken. The management of the last 20 years has transformed the economic and ecological society of the inhabitants of the island which have since taken the decision to self-sustain their future.

The type of gathering of environmental experts, politicians, researchers, and civil society refers to the dialogic forum advocated by Bruno Latour in his Actor Network Theory (Latour 1987). The principle is to explore the controversies with those who were the victims but also the actors, so that Citizen empowerment can be assumed by everyone. It is a form of ecological democracy that actions for the common good can be re-discussed from new conditions. The trust between Citizen / Expert / Politics explored through Consensus Building (Suskind 2010) is called Gōi-keisei [合意形成] in Japan.

Thus, the Kuwako's team prepares some form of information in order to understand the Environmental Construction of the Reality and allow everyone to take his/her share of action in the development of the common future. This resilience, now well understood by developers, is slow and complex for everyone to identify the share of social, environmental and political capital responsibility. Maelstrom is always difficult to unravel, if misunderstood, who is the source of new error. The ability of everyone to discuss action and resolution allows community refinement of the policy (fig. 7).

What emerges is the possibility of redeploying from local environmental ethics, the next Ecosophy; locally based, discussed, developed and at times created from new Commons conditions. Thanks to the elaboration of future Applied Ethics, it is a question to deviate from the market of the sustainable development of disconnected experts from reality, to enhance sustainable biospheres in that dark and complex ecology (fig. 8).

3. Singapore. Universal Knowledge

To continue the investigation of contemporary ecological democracies, Singapore which has become one of the world's leading economic powers since its independence (1965), is an example of enlightened governance which makes it a remarkable example of Citizen Territorialization. The drastic direction of its founder allowed to lead an exemplary and flexible early Urban Policy which managed and preserved its spatial Curriculum and ecology. Having the ability to solve one of the major problems of our modern world; the access to the property (Proudhon 1840), a result of the industrial revolution, Singapore allowed each inhabitant to his/her own housing. Such social contract became a crucial component of Singapore's Intangible Landscape to enhance its social link and cohesion (fig. 9).

It is certainly the most enthusiastic aspect of the Singapore sustainability of maintenance of its grassroots

Figure 8. Restored Lake Kamo.

community culture, allowing the least dominated spaces by the speculative market, to reveal new form of Commons. The remarkable religious cohesion among Christian, Hindu, and Muslim, as well as its social diversity embracing Indian, Malaysian, and Indonesian inhabitants is essentially the foundation of such most advanced sustainable biosphere. It then follows an exchange of trust between civil society and politics that expresses itself in a soothing daily life expressing an independence and self-management that determine any empowered community (fig 10).

Unfortunately, inherited from its geopolitical situation which made it one of the major counter of the British East India Company in 1826, as well as its determination to enroll in the liberal economy in order to overcome its absence of natural resource, Singapore nowadays suffers from the dawn of global scape excess (fig. 11). Its neoliberal ecology that is the exploitation of its environment for the only satisfaction of the global market speculation legitimized a Green Capitalism (i.e., Sustainable Development) which reinforces a nuclearization henceforth perfectly out of date in our post Fukushima era (Mannisi 2013).

This is what leads a new generation to engage with the disturbed endemic relationships in the South-Asia region with its soil and food production. The team led by Bjorn Low within Edible Garden City elaborates a whole

set of actions to revitalize the indigenous practices and customs of the island (fig 12). To enable the citizen to avoid the massive food imports, the group undertakes a whole series of citizen engagements to stimulate and awaken an ecological consciousness that is very lively in government discourse but invalidated by territorial planning and economic orientation.

As it is increasingly the case among historical neoliberal economies, Singapore's economic power produces new social, spatial, and environmental injustice that local activists begin to point out due to their irreversible nature. Surprisingly, the desirable Singaporean quality of life is envious of the community design energy in vogue in South Korea (Mannisi 2014), while this reaction of the civil society is based on a deprivation of its individual freedom that Singapore never endures.

4. South Korea. Market Society

Even though it's a whole different Korea that can be seen today. Today, Moon Jae-In's government tries to resume its history and ontology after a dependency orchestrated for several decades by an alienated state capitalism to the anarcho-capitalist market. Nevertheless, the civility mechanisms and its deployment are engraved by 60 years of the Atlantic Market-Society political

Figure 9. Verdant Singaporean Housing.

Figure 10. Empowered Diverse Singaporean Community.

Figure 11. The GlobalScape of Garden By the Bay.

Figure 12. Citizen Empowerment by Edible Garden City.

Figure 13. Global Mass Tourism in Gyeongbokgung, Seoul.

philosophy dreams of little creating the wealth of elite and poverty of too many (fig. 13).

What the new government helped in this by a whole cohort of politicians from the civil society like the mayor of Seoul, Park Won-Soon, is to renew the notions and values of public realm (Mannisi 2015). It examines innovating public policies that new generations of architects like Cho Min-Suk (Masstudies) and landscape Architects like Zoh Kyung-Jin discussed and shared (fig. 14), which define the 21st century Korean «Social Construction of the Reality» (Berger 1966).

During the years of presidency of the Hyundai Construction mogul Lee Myung-Bak (2008-2013), and then that of Park Geun-Hye (2013-2017), the daughter of the former dictator Park Chung-Hee (1963-1979), the Korean society was plunged into a long ordeal of corruption and embezzlement of which territorial planners were particularly opportunistic and ethically irresponsible. The event of ecological democracy represented by the uprising of the population to overthrow the regime, called Candlelight Revolution [촛불혁명], is one of the finest examples of contemporary citizen empowerment. The civil society has demonstrated how non-experts were able to reconsider themselves the State / Market

Collusion organized by neoliberal elite planners. To end the Neoliberal Territorialization of this situation legitimizing the Korean dependency of American market and policy, the society used its right to the city (Lefevre 1968) by “occupying the street” (i.e., the main political infrastructure Gwanghwamun Square) against the market and its pupils (fig. 15). It was not necessary to wait for James Corner to understand what the Landscape Urbanism could provide for the cohesion of a society (Corner 2014). Unfortunately, the redevelopment of the Gwanghwamun neighborhood results from this opportunistic awareness of ecological issues and the need for pedestrian mobility dealing with Place-Making Process. To please a Neoliberal Preservation Values of Tourism Cultural Assets misunderstood by ignorant expertise of their own culture entertaining international behaviorism; the richness of Seoul’s historic centre has been tarnished forever by mono-use urban fabrics cherished by mainstream developers (fig. 16).

The historical, political, and cultural centre of Seoul, which can boast a pre-modern application of landscape Urbanism, has unfortunately lost its considerable 500-year-old diverse district in the name of the preservation of its culture (fig. 17). In places of a dramatic Spatial Curriculum destruction, now flourish,

Figure 14. Gyeonggi Line Linear Park as an example of new Korean Shared Space.

among international architectures, fusion burger, sexy beer, and Californian sushi in the midst of public real mimicking of the period Joseon dynasty garden [1392–1897] for a tired society of alien libidinal economy (Lyotard 1974).

7. Conclusion

The three examples that we have observed present the very heterogeneous characteristics and dynamics in terms of environmental affiliation. Some projects

Figure 15. Civil Society on Gwanghwamun Square, Seoul.

Figure 16. New Gwanhamun District with “Koreanish” Garden.

must be served as ontological whistle-blower to warn a built environment expertise that deals with ecological warnings in the manner of outrageous global environmental imperialism (Mannisi 2019). The Atlas of Disasters that the Western culture must update as an essential guardian to achieve an improvement of our nature/culture relation, is painfully at work in a boosted Asia where economic capital and historical ignorance allowed by a Corporate University culture seems to dig the same furrow of ecological neoliberalism that led us to our recent Anthropocene. Many regions have not yet suffered the onslaught of modernity and lived the throes of their resilience. It is essential to encourage researchers

and designers to discover other sources of knowledge than these «difference and repetition» (Deleuze 1968) of a long, since then consumed postmodernity. Continuing the entreaty of the Italian territorialist Alberto Magnaghi (2005) to better take into account the globalization from the grassroots drivers, which are witnessing the emergence of ecological insurrection on the whole planet, as politicians, planners, or designers of the common good, we need to be able to translate these actions into applied ethics, as did the 18th century Malay fishermen, Korean merchants near logistical infrastructures, and Japanese Satoyama growers. It is a crucial time to rethink the indigenous future.

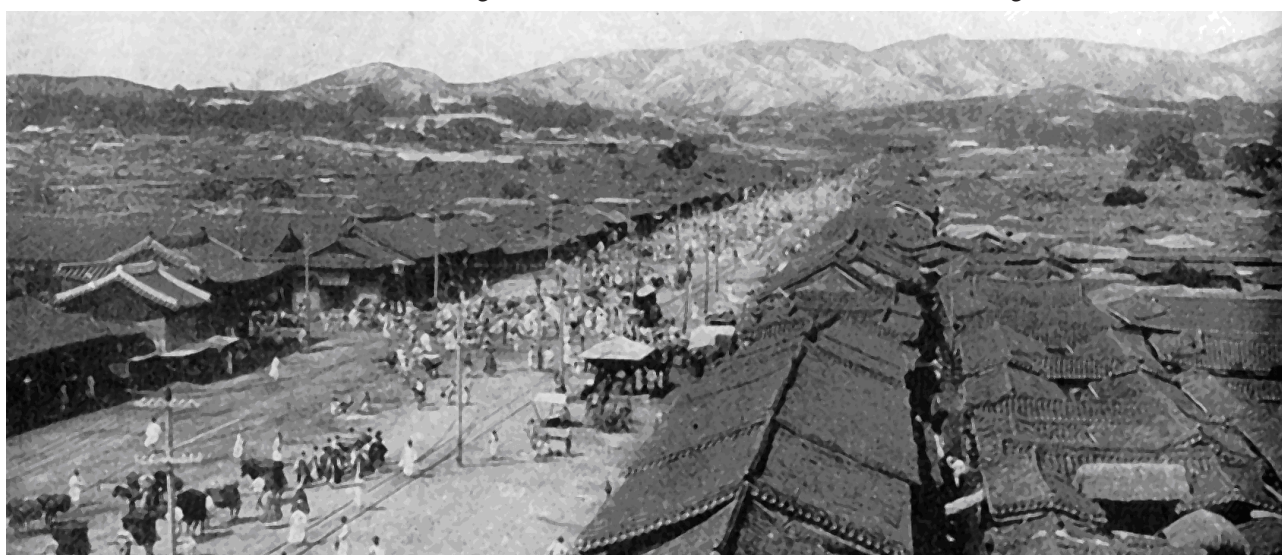

Figure 17. 500 years old Pitmatgol disappeared in the name of Sustainable Development.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Castoriadis, Cornelius. 1981. *Devant la guerre*, Fayard, Paris.
2. Corner James, 2014. *The Landscape Imagination: The Collected Essays of James Corner 1990—2010*, Princeton Architectural Press
3. Deleuze, Gilles, 1968. *Différence et répétition* (Paris: PUF); tr. as *Difference and Repetition*, by Paul Patton, New York: Columbia University Press, 1994.
4. Latour, Bruno, 1987. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Milton Keynes: Open University Press.
5. Lefevre, Henry, 1968. *Le Droit à la ville*, Paris, Anthropos.
6. Lyotard, Francois, 1974. *Economie libidinale*, Les Éditions de Minuit, Paris, tr. 1983, *Libidinal economy*, , Indiana University Press
7. Magnaghi, Alberto, 2005. *The Urban Village*, Zed Books, New York.
8. Mannisi, Alban, 2019. "Environmental Imperialism Sabotage", in *Landscape Architecture Korea*, Seoul. July 2019 Issue, pp. 90-97
9. Mannisi, Alban, 2015, «Minjung | Simin | Undong-ga», in *Esprit des Villes*, Paris, Infolio (ed), pp 9-13
10. Mannisi, Alban, 2014, «What Social Marker are the Streets of Seoul» in *Asian Urban Places*, Heng Chye Kiang, Oscar Carracedo García-Villalba, Zhang Ye (eds.) *School of Design and Environment*, National University of Singapore, Singapore, ISBN 978-981-09-3687-7, p. 45-51
11. Mannisi, Alban, 2013. «Environmental Panarchy. Process of Inclusive Landscape Planning», in *Landscape & Imagination: towards a new baseline for education in a changing world*, Paris, May 2-4. UNISCAPE, Florence / Baldecchi& Vivaldi, Pontedera, pp. 671-676.
12. Mannisi, Alban, 2012. *Participation and Sustainable Development of Territories*, In Nussaume Y., Perysinaki A-M, Sery J. (dir.), *La maison individuelle : vers ou envers des paysages soutenable?*, La Villette (Ed), pp.256-265.
13. Næss, Arne. 1972. "Shallow and the Deep. Long-Range Ecology Movements: A Summary." *Inquiry* 16, no. 1, pp. 95-100.
14. Peter, L. Berger, Thomas, Luckmann, 1966. *The Social Construction of Reality*, Anchor Books, New York
15. Pierre-Joseph Proudhon, *Qu'est-ce que la propriété?* (1840), Garnier frères, 1849.
16. Renouvin P and Duroselle J-B, 1968. *Introduction to the History of International Relations*. London: Pall Mall
17. Smith, Adam, 1761. *Theory of Moral Sentiments* (2 Ed.). Strand & Edinburgh: A. Millar; A. Kincaid & J. Bell.
18. Susskind, Lawrence, 2010. *Dealing with an Angry Public: The Mutual Gains Approach to Resolving Disputes*. New-York, Free Press

REFERENCES

1. Castoriadis, Cornelius. 1981. *Devant la guerre*, Fayard, Paris.
2. Corner James, 2014. *The Landscape Imagination: The Collected Essays of James Corner 1990—2010*, Princeton Architectural Press
3. Deleuze, Gilles, 1968. *Différence et répétition* (Paris: PUF); tr. as *Difference and Repetition*, by Paul Patton, New York: Columbia University Press, 1994.
4. Latour, Bruno, 1987. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Milton Keynes: Open University Press.
5. Lefevre, Henry, 1968. *Le Droit à la ville*, Paris, Anthropos.
6. Lyotard, Francois, 1974. *Economie libidinale*, Les Éditions de Minuit, Paris, tr. 1983, *Libidinal economy*, , Indiana University Press
7. Magnaghi, Alberto, 2005. *The Urban Village*, Zed Books, New York.
8. Mannisi, Alban, 2019. "Environmental Imperialism Sabotage", in *Landscape Architecture Korea*, Seoul. July 2019 Issue, pp. 90-97
9. Mannisi, Alban, 2015, «Minjung | Simin | Undong-ga», in *Esprit des Villes*, Paris, Infolio (ed), pp 9-13
10. Mannisi, Alban, 2014, «What Social Marker are the Streets of Seoul» in *Asian Urban Places*, Heng Chye Kiang, Oscar Carracedo García-Villalba, Zhang Ye (eds.) *School of Design and Environment*, National University of Singapore, Singapore, ISBN 978-981-09-3687-7, p. 45-51
11. Mannisi, Alban, 2013. «Environmental Panarchy. Process of Inclusive Landscape Planning», in *Landscape & Imagination: towards a new baseline for education in a changing world*, Paris, May 2-4. UNISCAPE, Florence / Baldecchi& Vivaldi, Pontedera, pp. 671-676.
12. Mannisi, Alban, 2012. *Participation and Sustainable Development of Territories*, In Nussaume Y., Perysinaki A-M, Sery J. (dir.), *La maison individuelle : vers ou envers des paysages soutenable?*, La Villette (Ed), pp.256-265.
13. Næss, Arne. 1972. "Shallow and the Deep. Long-Range Ecology Movements: A Summary." *Inquiry* 16, no. 1, pp. 95-100.
14. Peter, L. Berger, Thomas, Luckmann, 1966. *The Social Construction of Reality*, Anchor Books, New York
15. Прудон, Пьер Жозеф *Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти* / П. Ж. Прудон; пер. с фр. Е. и И. Леонтьевых; вступ. ст. А. Ю. Федорова. - Изд. 2-е, доп. - Москва: URSS, 2010. - IX, 268 с
16. Renouvin P and Duroselle J-B, 1968. *Introduction to the History of International Relations*. London: Pall Mall
17. Смит Адам. *Теория нравственных чувств* / Вступ. ст. Б. В. Мееровского; Подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязнова. - М.: Республика, 1997. 351 с.
18. Susskind, Lawrence, 2010. *Dealing with an Angry Public: The Mutual Gains Approach to Resolving Disputes*. New-York, Free Press

Для ссылок: Mannisi Alban. Умозрительный рост нарративов сохранения // Innovative project. 2017. T.3, №9. С. 70-82. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.5

For references: Mannisi Alban. Speculative growth of conservation narratives. Innovative project. 2018. Vol.3, No 9. pp. 70-82. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.5

6

83–110

МАСТЕРСКАЯ

WORKSHOP

Малахов Сергей Алексеевич, Репина Евгения Александровна
 Самарский государственный технический университет
 Malakhov Sergey, Repina Evgenia
 Samara State Technical University

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ ОБИТАНИЯ (АСО) – HOC EST VIVERE BIS, VITA POSSE PRIORE FRUI¹ ALTERNATIVE SCENARIOS OF HABITAT (ASH) – HOC EST VIVERE BIS, VITA POSSE PRIORE FRUI

В статье рассматривается авторская концепция архитектурного процесса, базирующаяся на артикуляции конфликта между прагматическими установками системы и гуманитарными ценностями архитектуры. На примере творческих экспериментов мастеров модернизма и собственных проектов нашей мастерской демонстрируется непростой характер взаимоотношений между стремлениями архитекторов к выражению высоких смыслов культуры и озабоченностью клиентов проблемой выживания и комфорта. Авторы считают оправданным достижение такого консенсуса с заказчиком проекта, когда архитектору все же удастся сохранить в проекте дух преодоления рутинных нормативов системы и преобразовать в новую форму этос дома и способа обитания в нем. Речь идет об опыте создания таких проектов, в основе которых лежит идея изменения представлений, о форме дома и, соответственно, – смысле обитания в нем. Подчеркивается связь этого концепта с архитектурными экспериментами двух взаимно интегрированных эпох: модернизма и постмодернизма, в феноменальной истории которых переосмыслена задача архитектуры, превосходящая бытующее (а в целом – профанное²) представление об архитектуре как воплощении «общепринятого». В проектных замыслах Ле Корбюзье, Миса ван дер Роэ, Тео ван Дусбурга, Геррита Ритвелда, Карло Моллино, и других архитекторов-концептуалистов всегда проявляется установка на противостояние «само собой разумеющимся стандартам», начиная от формы, и заканчивая образом жизни. То, что мы называем «альтернативными сценариями обитания» – АСО, можно рассматривать как уникальную реальность, соединяющую проектные разработки и особый тип «нового гезамкунстверка³», возвращающего нас к идее «преображения действительности» средствами художественного произведения, а конкретно – с помощью архитектурной формы. В выдвинутой концепции АСО мы опираемся на теоретические исследования и проектные эксперименты нашей совместной мастерской.

The article considers the author's concept of the architectural process based on the articulation of the conflict between the pragmatic attitudes of the system and the humanitarian values of architecture. Using the example of creative experiments of modernism masters and our own projects, we demonstrate the complex nature of the relationship between the aspirations of architects to express high meanings of culture and the concern of clients with the problem of survival and comfort. The authors feel justified consensus with the client when the architect still manages to maintain the draft the spirit to overcome the routine norms of the system and transform into a new form the ethos of dwelling in it. We are talking about the experience of creating such projects, which are based on the idea of changing insights, the shape of the house and, accordingly, the meaning of living in it. The author emphasizes the connection of this concept with the architectural experiments of two mutually integrated epochs: modernism and postmodernism, in the phenomenal history of which the task of architecture is reinterpreted, surpassing the current (and in General – profane) idea of architecture as the embodiment of the "generally accepted". The design ideas of Le Corbusier, Mies van der Rohe, Theo van Dusburg, Gerrit Rietveld, Carlo Mollino, and other conceptual architects always show an attitude of opposition to "self-evident standards", starting from the form and ending with the way of life. What we call "alternative scenarios of habitation" – ASH – can be considered as a unique reality that combines design developments and a special type of "new gesamtkunstwerk" that returns us to the idea of "transforming reality" by means of an artistic work, specifically, by means of an architectural form. In the proposed ASH concept, we rely on the theoretical research and design experiments of our joint workshop.

Ключевые слова: Альтернативные сценарии обитания (АСО), параллельное авторское пространство, архитектура как пространство АСО.

Keywords: Alternative scenarios of habitat (ASH), parallel author space, architecture as ASH space.

1 «Уметь наслаждаться прожитой жизнью – значит жить дважды» (Марциал) – пер. с лат.

2 Профанное (лат. profanus - лишенный святости; нечестивый) — категория, выражающая онтологически и аксиологически низкое положение объекта, не обладающего качеством святости; прежде всего, категория религиозного сознания, которая фиксирует онтологическую непричастность объекта к святому, положение объекта за пределами высших, священных уровней бытия; уровень обыденного, посюстороннего, эмпирического бытия.

3 Гезамткунстверк, нем. Gesamtkunstwerk – «единое произведение искусства». Термин введен Рихардом Вагнером для описания произведения единого «искусства будущего», должного, по его мнению, прийти на смену существующему многообразию искусств. Этим словом он обозначал идеал: слияние, синтез всех искусств.

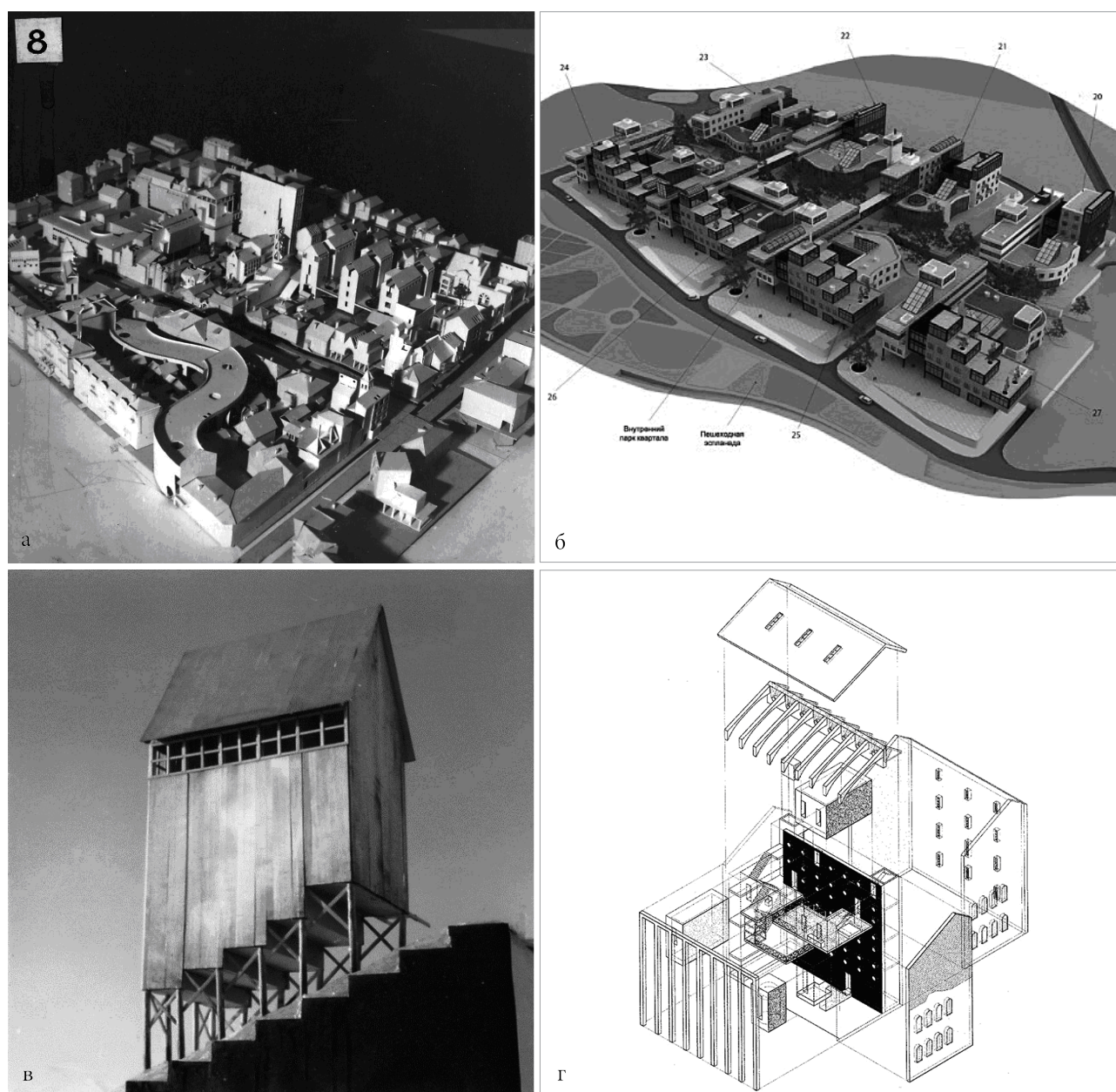

Рис. 1. Три направления АСО – архитектура как феномен культуры: а) архитектура как саморазвитие (пример с концептуальным проектом квартала №46, МЕМИРЕКС); б) органическая архитектура, работа архитектора-мастера (пример с фрагментом эскизного проекта Самарского технопарка, Бюро «Ковчег», 2007 г.); в) концептуальная архитектура (два примера из разработок нашей мастерской – «Дом над водопадом» и «Палаццо Массимо Иори» – постпроект).

Архитектура как пространство АСО

Для нас всегда архитектурное проектирование связывалось с поиском своей особой территории («параллельной реальности») в контексте культурного строительства альтернативы общепринятому; унылый, размеренный, «налаженный» образ жизни ассоциируется, в нашем понимании, с особым дефицитом системы, по началу выбирающей политику недоверия ко всему, что от нее отличается, а затем, научившись манипулировать понятием

«интересного», встраивает его, «от своего имени», внутрь «профанного мира», но уже в виде общедоступного развлечения. Неискренность системы вызывает наибольшие возражения. Урбанистические дискуссии свидетельствуют о возникновении множественных практически неустраняемых конфликтов между ключевыми игроками процесса. Мир сейчас окончательно запутался в том, кто прав в обосновании концепции будущего, отвергнув заодно идеалы и романтизм, интуицию и случайность, прекрасную природу и настоящие

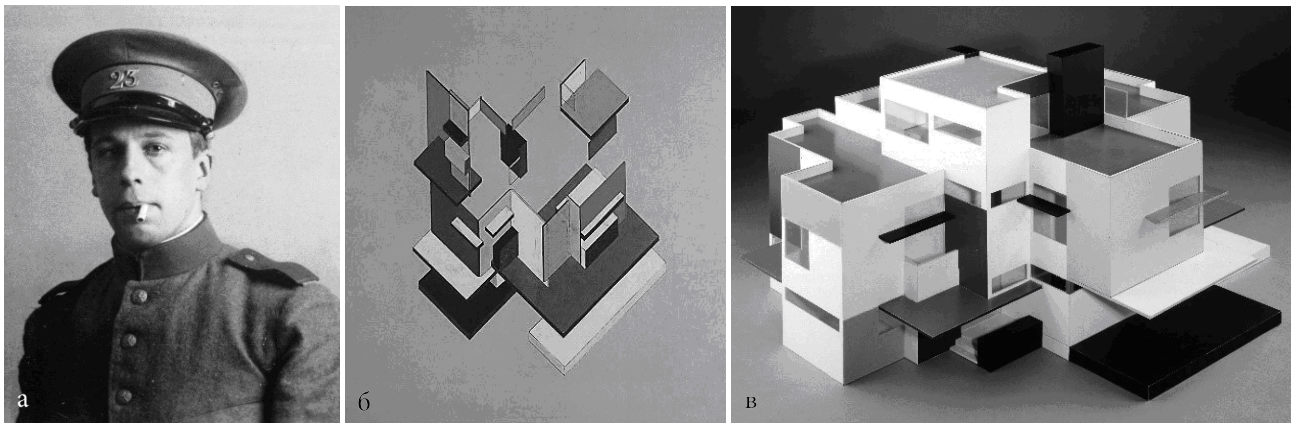

Рис. 2. а) Тео ван Дусбург; б) аксонометрия - *maison d'artiste*, 1923; в) макет- *maison particuliere*.

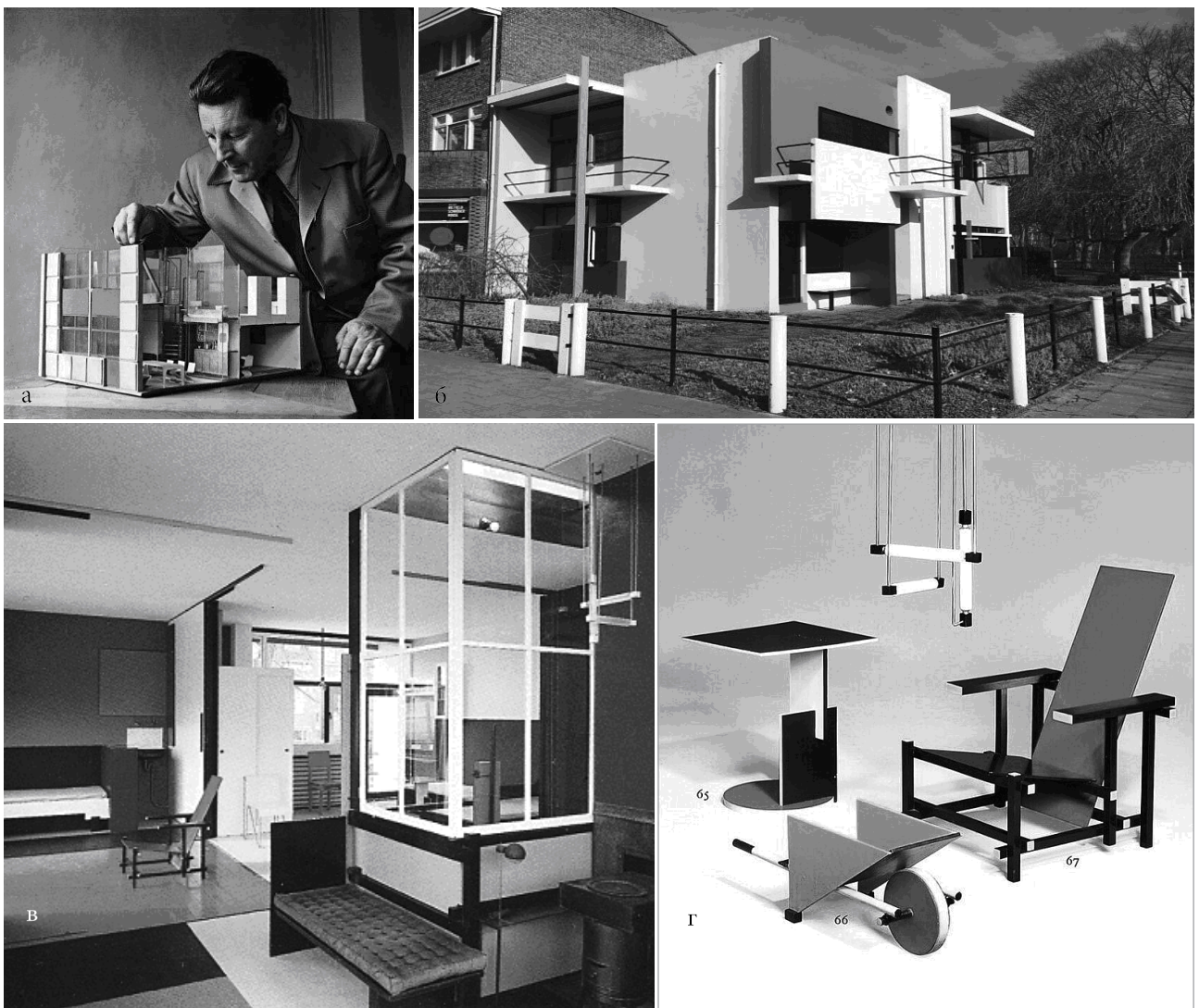

Рис. 3. а) Геррит Ритвельд; б) дом Шрёдер в Утрехте; в) вид внутреннего пространства дома Шрёдер, 2-й этаж; интеграция архитектуры, вещи и цвета; г) Ритвельд: вещи как объекты абстрактной скульптуры.

способности индивидуума. К еще большему разочарованию вызывает картина распространения «агеластии¹» – любования умами, лишенными чувства юмора и игры.

Тот процесс в профессии, который мы назвали выше «культурным строительством альтернативы», в целом можно разделить на три основных направления, вместе, собственно, и представляющих архитектуру как таковую, или – «Пространство альтернативных сценариев обитания» АСО), альтернативных в силу того простого обстоятельства, что гуманистические и гуманитарные цели социума и личности, актуальные для архитектуры, оказываются в репрессированном состоянии по отношению к системе.

Первое направление – это средовое проектирование, не принимаемое системой всерьез по той причине, что у его истоков находятся слишком интеллектуальные инструменты и настоящие гуманитарные ценности (Рис. 1, а).

Второе направление – это органическая архитектура в ее «небиологической интерпретации». Органичность этого метода происходит из представления о деятельности архитектора-мастера, обладающего опытом сдержанного и консолидированного с окружением метода построения формы (Рис. 1, б).

Третье направление – концептуальная архитектура – есть именно та территория профессии и общего дискурса культурной альтернативы, которая настаивает на праве авторов придумывать «альтернативные сценарии обитания» (АСО) не просто как оппозицию неискренности системы, а как игровое моделирование объекта на основе формальных экспериментов и возвращения в проектный процесс бинарных оппозиций, вытесненных системой (Рис. 1, в).

Реализация этого права влечет неизбежно построение «параллельных реальностей» авторов, отличающихся друг друга формой и способами их репрезентации в общем культурном пространстве. Наш проект репрезентации параллельной реальности, прежде всего, отстаивает ценности АСО, предъявляемые в непростом жанре концептуального проектирования. Кроме этого, сама архитектура АСО, в нашем представлении, является пространственно-временным порталом, – и в этом мы видим ее огромное преимущество перед объектами системы.

1 Агеласт (букв. «несмеяна»), в греческой мифологии скала в Элевсине (Аттика), возле которой присела отдохнуть Деметра, оплакивающая свою дочь Персефону.

Латинское изречение – «hoc est vivere bis, vita posse priore frui», вынесенное в название, кроме поверхностных гедонистических коннотаций, определяет роль несогласия авторов с рутинной, преодоления рабского поведения с целью «удвоения» не физической, а смысловой продолжительности жизни.

Предлагаем рассмотреть на примерах из практики архитектурного авангарда, как преодолеваются стереотипы системы с помощью художественно-философского и формального эксперимента. Мы намерены объяснить, что изменение сложившегося образа жизни может стать искомой альтернативой субъекта системе, хотя это вовсе не означает, что в бытовом отношении его жизнь может оставаться комфортной. Понятие субъектности здесь распространяется и на авторов проекта и на его заказчиков (прежде всего – обитателей дома).

Возникновение архофункции в Де Стейл. Новый дух обитания вместо привычного и «удобного»

Для обоснования тезиса о приоритете формы над функцией наиболее удобной ссылкой является обращение к проекту «Дома художника» ван Дусбурга (maison d'artiste, 1923). В энциклопедической публикации Хэла Фостера и соавторов об архитектурных работах группы «Де Стейл» есть лишь такие факты, которые ничего, собственно, о «функции дома» не сообщают. Дом как тема нашего бытия не обсуждается. «Отправным пунктом этих проектов, – пишут авторы, – является «вмешательство живописи»: «Высокопарные и загадочные высказывания ван Дусбурга о том, что цвет становится здесь «конструктивным материалом», были не просто риторикой: цвет действительно позволил элементаризировать поверхность стены, приводя в итоге к изобретению нового архитектурного элемента – ширмы как неделимой единицы» [1]. И далее: «Как показывают новаторские «аналитические» аксонометрии, сделанные им для выставки, ширма² соединяет в себе две противоречивые визуальные функции (в профиль она кажется исчезающей линией, а фронтально – плоскостью, препятствующей разворачиванию пространства в глубину), и это

2 В своих работах с графикой и макетами в программе «Формальная интерпретация натюрморта», предпринятой впервые в 1997 году на архитектурном факультете СГАСУ (сегодня СамГТУ), мы не использовали термин «ширма», так как более приемлемым обозначением этого элемента нам представлялись слова «поверхность» и «плоскость».

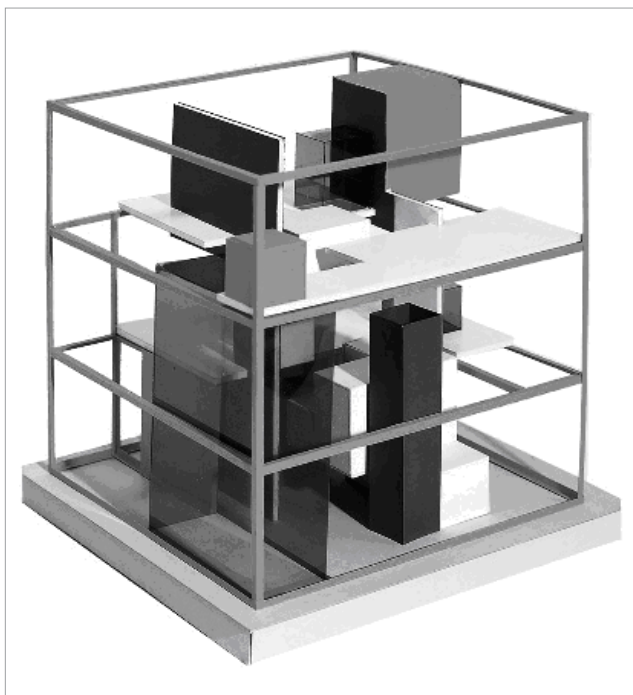

Рис. 4. Куб с внутренней спонтанной структурой – возможный вариант метафорического изображения параллельной реальности автора.

противоречие способствует визуальному взаимопроникновению объемов и непрерывности их артикуляции» [1, с. 158] (Рис. 2).

Еще более интересное продолжение эксперимент ван Дусбурга получил в проекте Ритвельда, о чем, собственно, и свидетельствует Хэл Фостер: «Ван Дусбург не ошибся, когда заявил, что спроектированный Ритвельдом дом Шрёдера (1924) был единственным зданием, воплотившим принципы, заложенные в двух последних проектах для Розенберга³, с той оговоркой, что ширма используется Ритвельдом гораздо более широко, поскольку ему удалось элементаризировать то, что было камнем преткновения для ван Дусбурга: сам каркас здания», ликвидировав различие между «несущим и несомым».

Не менее, если не более важным, следует считать следующее приведенное Хэлом Фостером замечание Ритвельда: «Ритвельд воспринимал свои работы как скульптуры, как независимые объекты, отвечающие, как он писал в 1957 году, за «отделение, ограничение и соизмерение с человеком некоторой части неограниченного пространства» [1, с. 158] (Рис. 3). В этих выдержках почти не

содержится каких-то последовательных алгоритмов, выстраивающих путь от открытого ван Дусбургом «взаимопроникновения и непрерывности объемов» к феномену дома, хотя слово дом самим же ван Дусбургом использовано для наименования изображения. Вероятно, он и не был озабочен построением этой связи, предоставив подобную миссию Ритвельду. Предположим, что мы попросили бы ван Дусбурга объяснить, как он «видит жизнь человека внутри своего дома»? Как нечто специфическое, – вероятно ответил бы автор. Эксперимент с формой дома означает эксперимент с его функцией. Проще говоря, в таком доме не удастся жить, как в обычном коттедже с комнатами, стенами, коридорами, кухней, шкафом, кроватью, и скатной крышей. Не удастся, хотя ван Дусбург, сто лет назад не мыслил категориями «перемены образа жизни», и поэтому в прямой речи может показаться неубедительным из-за им же самим озвучиваемой дилеммы. В тексте, опубликованном в 1924 году, он пишет так: «Новая архитектура функциональна, иначе говоря, она развивается на основе определенных практических требований, которых она придерживается в ясных планах» [2, с. 280], зато в другом материале, спустя пять лет, определяет, что «Человек живет не в конструкциях, а в атмосфере, которая создается окружающими его плоскостями» [3, с. 287]. Собственно, приводя этот анализ деятельности «Де Стейл», мы лишь пытаемся показать, что увлечение ван Дусбурга переводом живописи в пространственную форму было мотивировано именно самым художественным экспериментом в первую очередь, но из этого не мог не последовать вывод об абсолютно специфическом функциональном сценарии, наследующем формальный эксперимент. И этот вывод последовал: да, образ жизни (читайте – функциональный сценарий) все же создается как особая атмосфера, которая, в свою очередь – как в примере с «Домом Художника» (и неопластицизмом в целом) образуется в результате взаимодействия «цветных плоскостей», «непрерывности объемов», и далее – у Ритвельда – «скульптурности формы», утраты «имени функции» в пользу возникновения «независимых объектов- частей непрерывного пространства».

У функции в этих экспериментах нет привычного имени, так как прежнее привычное имя не совпадает с объектом неопластицизма. Соответственно мы не последуем совету ван Дусбурга отвечать «определенным практическим требованиям»

³ На выставке у Розенберга ван Дусбург совместно с ван Эстереном представил два проекта: т.н. «частный дом» (maison particuliere) и «дом художника» (maison d'artiste).

Рис. 5. Матрица ключевых кодов Карло Моллино.

(понятно, что «определенные требования» – это требования системы с ее привычными именами), а станем институционализировать такие новые функции, которые наследуют формальный эксперимент. И уточним вслед за этим, что любая «настоящая архитектура» – это, прежде всего, – всемогущество формы. Архофункция – это функция, порожденная формальным экспериментом и противостоящая системе с ее привычкой не переходить границы банального.

Эксперименты Де Стейл, равно как и других инициаторов и последователей авангарда, артикулируют деятельность авторов в образах параллельной реальности (ПР) со всеми вытекающими институциональными обстоятельствами этих уникальных пространств, а именно: взаимоотношением ПР с большой реальностью (БР) и с системой; художественным моделированием внутреннего контекста ПР; философским обоснованием ПР; обживанием параллельной реальности собственными персонажами (героями); мифологизацией ПР, разработкой концептуальных моделей, комментариев и «историй».

Из этого следует, что создание «особой атмосферы» архитектурного произведения и разработка концепции авторской параллельной реальности, – есть взаимообусловленные элементы пространства АСО.

Концепция авторской параллельной реальности

В конечном счете, любая архитектура – это «иная (параллельная) реальность», проявляющая присутствие авторов АСО в этом противостоянии с системой⁴.

В 2014 году, благодаря инициативе Эдуарда Кубенского, в издательстве «Татлин» вышла монография, в девяти главах которой было объяснено и показано, чем занимается мастерская и какие вынашивает идеи. Речь шла, в основном, об академическом опыте [4]. Но еще за шесть лет до этого в Лондоне Эдвиной Кинселей была защищена магистерская диссертация, посвященная нашей концепции постпроекта [5]. Эти два обширных и глубоких исследования подробно передают, иногда интерпретируя, создаваемую атмосферу ПР.

Чертежи и другие модели, относящиеся к архитектурным объектам, могут также дополняться моделями, иллюстрирующими «на архитектурном языке» устройство параллельной реальности и текущих процессов творческого поиска.

Эта интересная задача предполагает поиск ответа на вопрос, какая диаграмма позволила бы адекватно изобразить авторскую реальность (ПР), порождающую архитектурные проекты. В диссертации, посвященной композиционному методу,

⁴ Вопрос компромисса автора и системы – предмет личного выбора: биография не бывает простой.

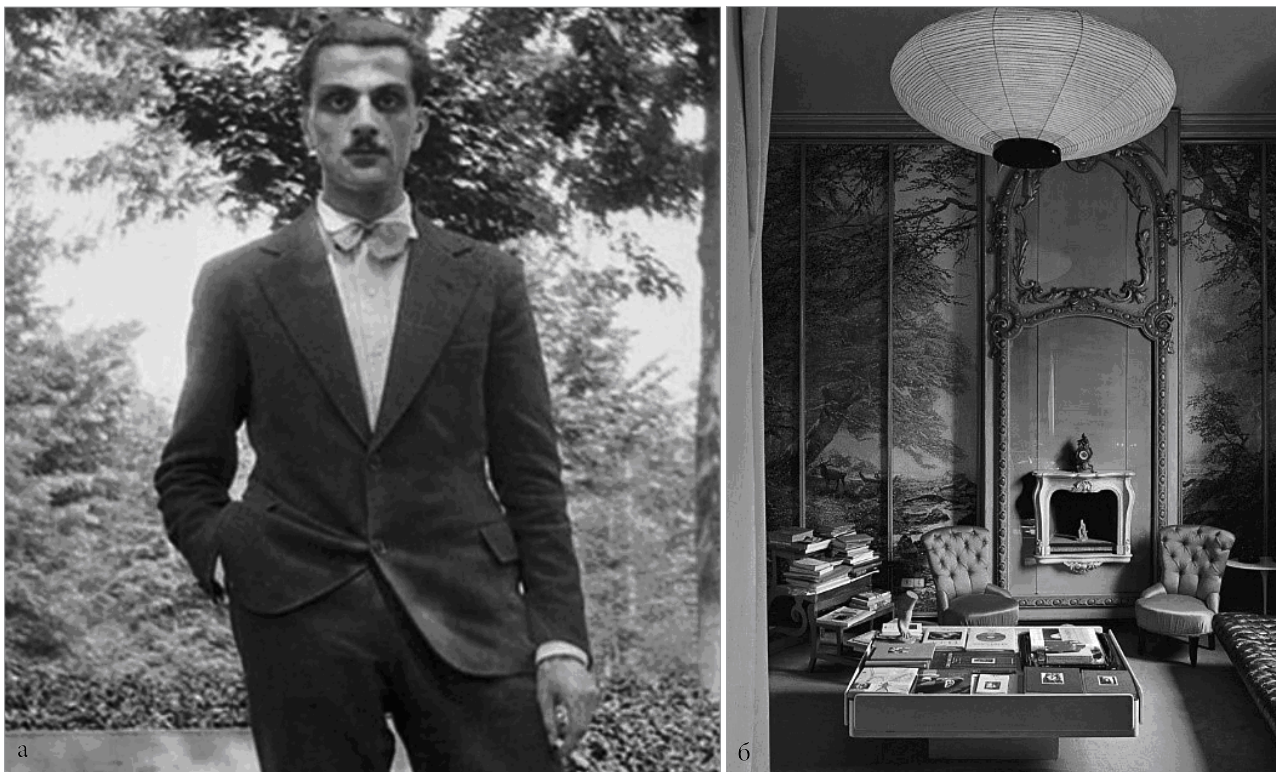

Рис. 6. а) Карло Моллино - гений дизайна и мистификации; б) фрагмент «софистического интерьера» квартиры Моллино на виа Напионе, 2, в Турине.

пересмотр понятия об архитектурном объекте сопровождался разработкой схемы, или модели, артикулирующей в качестве центральной позиции «пространство поисковой модели архитектурного объекта», в то время как, и «Большая Реальность» (БР), «собственная реальность автора» (параллельная реальность), и «пространство культуры» интегрировались в эту модель извне [6, табл. 112]. Схема меняется, если авторская параллельная реальность (ПР), наоборот, вбирает все происходящее и воображаемое. Мы можем изобразить его как матрицу, или своего рода архитектурный объект. Куб и многочисленные встроенные «гнезда» - лишь один из вариантов подобной диаграммы. Досконально это пространство можно даже не пытаться изображать: детали будут наталкиваться друг на друга, провоцируя хаос. Более оправданно прибегнуть к метафоре и обобщению. Сколько «гнезд» (домов, событий, мест, героев, концептов) «умещается» в кубе? - Ровно столько, чтобы возникло ощущение «правдивого сообщения» о структуре авторского пространства. В диаграмме, разумеется, можно акцентировать наиболее важные элементы ПР, подчинив повествование принципу иерархического построения (Рис. 4). Впрочем, такая схема, - это всего лишь способ

толкования ускользающих от внешнего наблюдателя смыслов.

Интересно, что даже обычное перечисление «увлечений», как в случае с биографией Карло Моллино, создает интригующий, хотя и «неиерархический» образ авторского пространства. Джованни Брино, предложивший читателям свой взгляд на биографию мастера из Турина, называет пятнадцать компонентов, объединенных в механически выстроенную последовательность или матрицу, приоритеты внутри которой, можно было бы расставить лишь самому герою повествования⁵. И все же в его параллельной реальности исследователи выделяют такие компоненты, как эротика, декаданс, автомобильные гонки, альпийская традиционная архитектура, мебель, формирующие ключевые коды, максимально присутствующие внутри его двух кардинально различающихся архитектурных произведений: сохранившейся горнолыжной станции Лаго-Неро и интерьера собственной квартиры Моллино на виа Напионе, 2 в Турине, где

⁵ Брино называет следующие интересы Моллино: flying, alpine architecture and skiing, racing cars and automobiles, photography, theatrical design, fashion and frivolities, literature and decadence, the arts and the art world, inventions and patents, aesthetics and theory, architectural teaching, the erotic, travels, the esoteric and the occult, architecture [7].

им был создан «необычный и софистический интерьер с намерением сохранить ощущение тайны»⁶ [7] (Рис. 5, 6).

«Роман», который «писал» Карло Моллино, включал родных, друзей и клиентов мастера. Имена «героев» его «параллельной реальности» или вполне конкретны (отец Евгенио Моллино; мастер высшего пилотажа Альберт Рёч; архитектор Джузеппе Пагано, исследователь альпийской архитектуры; Дамонте и Нарди, соавторы концепта гоночного автомобиля The Damolnar “Bisiluro”; фотограф Рикардо Монкальво; любимая модель и заказчик Ада Минола; предшественники Моллино – Гуисманс, автор знаменитого декадентского романа, впервые опубликованного в 1884 г. и посвященного воображаемой ситуации про приключения Дез Эссента и Ксавье де Матре, автор романа «Путешествие вокруг моей собственной спальни», 1830), или лишь предполагаются воображением архитектора в момент придумывания концепта, остаются в реальности автора, проявляясь и исчезая в его «видимых» зонах.

Нас завораживает идея объединения вымышленных и реальных персонажей в едином пространстве параллельной реальности автора. В сущности, никому не известно, где проходит граница между живущими и будто бы живущими. Когда эта линия стерта, интрига целиком обращается в сторону архитектурного замысла. Соответственно, сложившийся замысел наталкивает на «историю про искэппинг», или пространство АСО. Так мы видим этот путь: объединение персонажей независимо от типа «исходной реальности», создание архитектурной формы, воображение «истории», преисполненной «замыслом альтернативы». Мис ван дер Роэ и Ле Корбюзье никак не игнорировали рассматриваемый алгоритм, но просто вместо «сказочной» (романической) применяли пафосную риторику раннего модернизма.

Разрабатывая очередной концептуальный проект, авторы погружаются в историю, в которой стирается грань между проектным процессом и реальностью. Возникает определенная оценочность в отношении персонажей проектной истории. Иногда эти оценки носят критичный характер. По факту, подобное погружение напоминает «жесткую сказку», хотя по началу – в нашем собственном опыте – романтические и вполне позитивные имиджи преобладали. Такими свойствами отличалась

⁶ «Никто, как свидетельствует Джованни Брино, никогда не приглашался сюда, никто никогда не жил здесь, кроме самого Моллино» [7].

статья про «кюрбовские хроники», напечатанная в 1991 году в самом последнем номере «Архитектуры СССР», – в прямом смысле последнем⁷ [8]. Герои той истории выглядят возвышенными: вероятность дружбы служила внесенным в сценарий оправданием красоты, а красота («пункт «А»») равнялась добру («пункт «Б»»). Автор, разумеется, ошибался, но лишь отчасти⁸. Эйнштейн, например, выражал свои чувства вполне в духе античной «калокагатии»⁹: «Идеи, которые всегда сияли передо мной и наполняли меня радостью – это добро, красота и истина». Античная философия видела источник прекрасного в природе и в познании сущности вещей; Кант признавал «всеединство», но разделил «искусства» на «приятные» и «изящные». В «метафизике всеединства» Владимира Сергеевича Соловьева «первоисток» единства добра, красоты и истины определяется Бог. Не уточняя, что было ошибочным в той истории про «модели», сохраним знак равенства между «пунктами» «А» и «Б»: таковым должно быть «ключевое правило» параллельной реальности (АСО). И архитектуры вообще.

Дискурс категорий красоты и добра в роли имманентных смыслов архитектуры

Во всей этой истории, существует настойчивое желание преобразовывать мир по законам красоты и добра, и поэтому архитектура, в нашем понимании, должна определять свое предназначение внутри этой содержательной пары. Делать добро и при этом «быть добрым» – не то чтобы не просто,

⁷ Архитектура СССР, июль-август 1991. В статье было написано: «Кюрбовские обитатели напоминают, конечно, уже известных героев из других аналогичных пространств. Например, обитателей гриновских городов. В отличие от них, однако, мои сограждане живут еще и в реальном пространстве» [8].

⁸ Существует понятие «современного эволюционного холизма», и, конечно, в первооснове – старая идея Платона о «триединстве» истины, красоты и добра.

⁹ Греческий термин *calocagathia* буквально значит «прекрасное и доброе». Вошло в обиход название термин «прекрасное» относить здесь к телу, а «доброе» – к душе. Может быть, до некоторой степени это и правильно, но чтобы такое понимание отражало собою античную мысль, предварительно надо еще исследовать, что понимали древние «под душой» и «под телом». А понимание это – вполне оригинальное, и обывательскими выражениями здесь не обойдешься. Самое же главное – это то, что указанный перевод предполагает отдельно «прекрасное» и отдельно «доброе». А это уж совсем неверно. В античной калокагатии совершенно нет ничего отдельно «прекрасного» и отдельно «доброе». Это – один человеческий идеал, нерасчленимый ни на «внутреннее» или «внешнее», ни на «душу» или «тело», ни на «прекрасное» и «доброе». (А.Ф. Лосев. О калокагатии)

Рис. 7. а) Мис ван дер Роэ в 40-е годы; б) программный имидж: Фарнсворт хаус («Стеклянный Дом»), вид на природное окружение сквозь витраж, призрачность прозрачной границы между природой и домом – настойчиво представляемый принцип Миса; в) Эдит Фарнсворт; г) «Стеклянный Дом» зимой; в доме – холодно (стеклопакеты еще не изобретены).

но и не нужно. Добро в архитектурной реальности – это высшие смыслы, а «быть добрым» – есть установка взаимоотношений людей друг с другом, и это уже – вопрос индивидуального выбора.

Как нужно было поступать автору «Стеклянного дома» на Лисьей горе рядом с городом Плано в Иллинойсе, построенного в 1951 году для Эдит Фарнсворт, когда заказчица была вынуждена разорвать с ним отношения из-за многочисленных функциональных и конструктивных проблем,

разрушивших ее надежды на комфортное проведение уик-эндов? Парящий в невесомости прозрачный дом-призрак, – как считают некоторые исследователи творчества Миса ван дер Роэ, – есть манифест протестантского стремления к переосмыслению взаимоотношения человека с природой. Мис не пошел на уступки Эдит, потому что считал, что у человека существуют более высокие цели, чем желание жить в уютном доме. «Для Миса, – свидетельствует источник, – это творение было больше

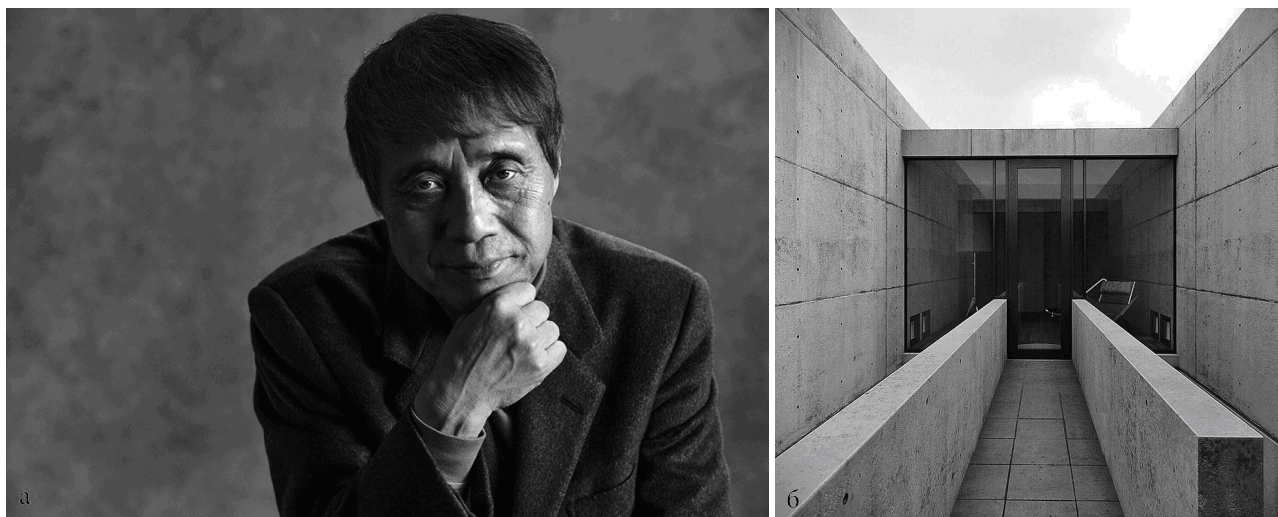

Рис. 8. а) Тадао Андо; б) патио в доме - Row House in Sumiyoshi.

храмом чистой эстетической идеи, нежели домом для жилья, образцом совершенства, помещенным в сельский пейзаж, создающим почти невидимую грань раздела между человеком и природой, между идеей и реальностью. Мис ван дер Роэ говорил: «Когда вы видите природу через стеклянные стены дома Фарнсворт, она обретает новый более глубокий смысл, чем, если бы вы просто смотрели на нее снаружи. Природа, вы и дом становитесь частью единого Великого целого». [9]

«Великое целое» – интересный концепт, не так ли? Великий модернист построил свою утопическую реальность, в определенном смысле, спекулируя на нашем внутреннем и постоянном стремлении к преодолению хаоса: да, конечно, скажет любой из нас: «Великое целое» обязательно есть, а если его нет, «то его нужно выдумать» (Рис.7).

Для Тадао Андо, похоже, минимализм Миса переосмысливается как сосредоточенность не на визуальном, а на медитативном: когда человек прислушивается к «минимальному проявлению внешнего мира» (фрагмент голубого неба, луч света в щели), или к отчужденному поведению природы (холод, ветер и дождь). Описывая один из своих ранних проектов, представленных на выставке в Gallery TOTO. MA, Андо заявляет, что в его «дебютном проекте» внутренний двор жилого дома намеренно был сделан им так, чтобы избежать некомфортного контакта с природой. Но на критику, что подобные действия архитектора навязывают обитателям дома свой придуманный способ поведения, ответил, что «сосуществование с природой» является принципиальной ценностью дома. «То, что я всегда представляю себе, – это архитектура,

сквозь которую дует ветер, пробуждая эмоции людей, архитектура, которая сосуществует с природой и очищает дух»¹⁰ [10, с. 43] (рис. 8, рис. 15).

Красота и добро – два укоренившихся в деятельности намерения архитектора, и оба приводят нас к альтернативному в отношении системы сценарию формы и поведения. Герои нашей истории, с которой мы хотели бы приобщиться к общему «исктому целому», есть темные и светлые «окна» в большом человеческом доме, всегда напоминающем плывущий или выброшенный на сушу ковчег¹¹. Когда они встречаются с нами в офисе, в поезде, в лодке, в воображении или в прошлом, у нашей проектной работы возникает пространство истории, а не описания проектной документации. В авторском параллельном пространстве (ПР), в нашем представлении, обязательно должна присутствовать присущая человечеству дихотомия, – иначе объем архитектуры сжимается до сладостных посуды, типового строительства и стилизаций, – всего того, что укладывается в буквари и СНИПы авторитарно-назидательной оболочки системы. Согласимся, что это, как минимум, – скучно. Альтернатива, как и архитектура, возникает неспроста: авторами извлекаются из небытия вытесненные и вытесняемые системой ценности, в том числе – идеалы нравственности, стремление к приключению и дух пространства [11, 12]. В авторской параллельной реальности

¹⁰ Понятно, что имеет в виду мастер, хотя, конечно «ветер» не может «дуть через архитектуру»; здесь можно было бы выразить мысль другими словами, например – «пространство, пронизываемое ветром». Хотя в общем смысле речь идет именно об архитектуре.

¹¹ Perigrinatio est vita (лат.) Жизнь – это странствие.

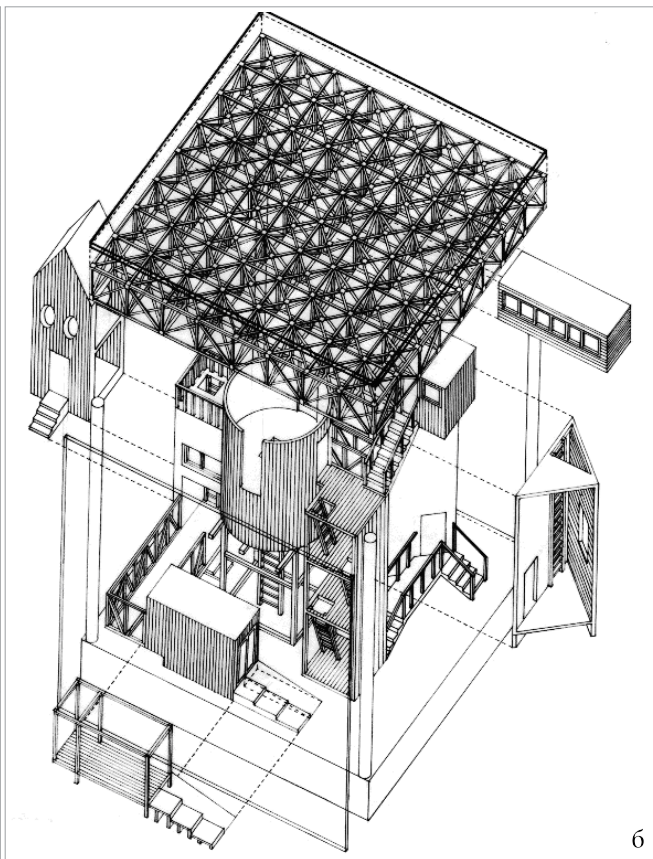
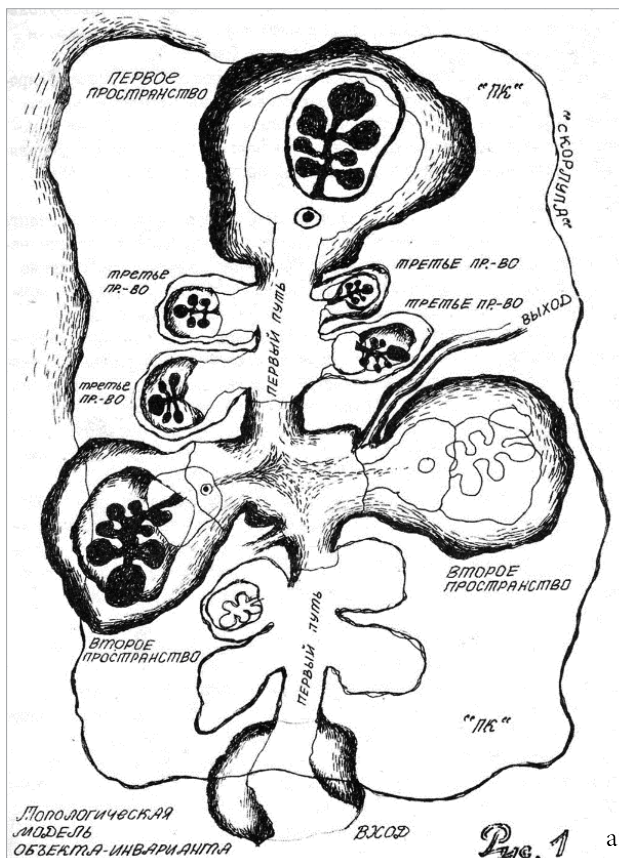

Рис. 9. а) Схема (топологическая модель) объекта-инварианта «Дом-Город». Схема описывает иерархическое устройство любого обитаемого объекта, а также процессов в алгоритмах целополагания. Движение всегда присутствует и интерпретируется в модели как артикулированный путь к цели, но при этом оно находится в бинарной оппозиции оболочке и может быть редуцировано от уровня физического перемещения в пространстве до воображаемого; б) Архитектурное воплощение модели «Дом-Город» (концептуальный проект «Архетипы на Полке»).

«действуют», как минимум, две стороны: «герои искэйпинга» и «герои системы». «Герои искэйпинга» – это реальные или воображаемые потребители «альтернативных сценариев обитания», то есть – архитектуры. «Герои системы», – это те, кто делают нашу жизнь, – намеренно или бессознательно, – «правильной», утомительной и – в конечном счете, – ненужной. Архитектура – для них – это не культурное пространство, а зона хозяйственных интересов: здесь, пользуясь поддержкой системы, можно устраивать дела, произносить «уроки подлинной нравственности», глумиться, манипулировать ценностями, красть идеи и превращать их в расхожий товар. Оправдывая термин «альтернатива», мы напоминаем, что альтернатива возникает из-за того, что архитектура постоянно оказывается «в меньшинстве»; в противостоянии двух типологий «действующих лиц» собственно и рождается предложенный нами жанр архитектурного романа [13, 14].

Способы репрезентации архитектуры как параллельной реальности авторов. Модель «Дома-Города»

Основой репрезентации архитектуры являются тексты, рисунки, фотографии, чертеж и макет дома-города¹² – универсальной модели пространственного, функционального и иного устройства любого эпизода параллельной реальности авторов. Распространенным способом проявления таких моделей в обычной практике являются проекты домов (размеры и типологии, – вне обсуждения, – и могут быть абсолютно любыми), а в случае с явлением параллельной реальности – текст (история), чертеж и макет дома-города становятся

¹² Дом-город – «архитектурное имя» фундаментальной бинарной оппозиции, важнейшей категории композиционного метода, исчерпывающем образом охватывающей все актуальные смыслы не только архитектурной деятельности, но и бытия в целом. Понятие «дом» ассоциируется с защитой от внешнего мира, в то время как «город» ассоциируется с коммуникациями.

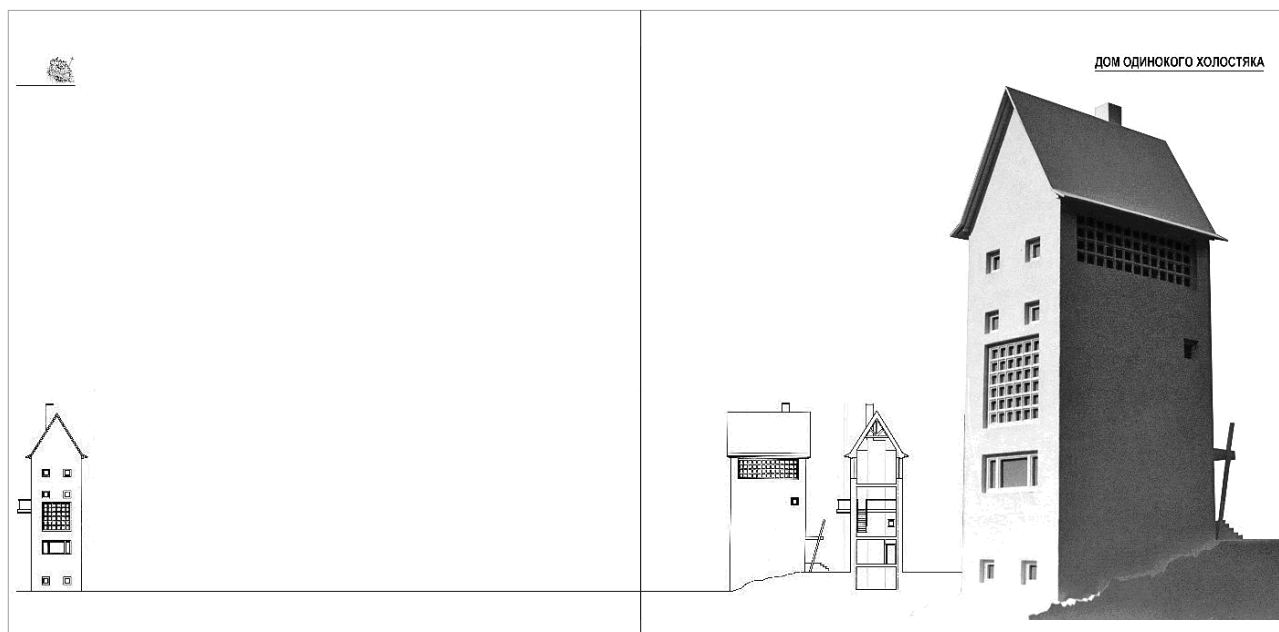

Рис.10. Дом Одинокого Холостяка, проект. Верхний уровень – комната медитативного уединения Майкла Броуди.

репрезентацией архитектуры в виде моделей формы не только дома, но и соединительных тканей ландшафта, самого ландшафта, его макро- и микро-фрагментов, снов, воображаемых мизансцен, состояний, спонтанных груд, коллажей, фотографий, процессов, – всего того, что обживаете авторами – мысленно и наяву. Чертеж и макет инвентаризируют смутные и конфликтные качества эпизода, конструируют его уникальное пространство, инициируя возникновение архитектурной формы, – того события, что производит далее «героя истории», выбирающего, в свою очередь, архитектуру как «путь к своему альтернативному выбору»¹³ (рис.9).

Архитектура «наследует» все происходящее в параллельном пространстве авторов, накрывая жизненные коллизии свои прозрачным крылом (оболочкой) – расчерченным по началу невидимой сеткой линий, геометрических или подобных природе, но всегда непрерывных. В результате не только образуется трогательная связка самого события, его модели в виде рисунка, текста, чертежа и макета, но еще дополняется неизвестный в обычной практике посыл, когда возникшая архитектурная форма начинает продуцировать «поперечные

миры» – порою так несдержанно, что приходится насильно препятствовать этой интенции и – буквально – захлопывать образующиеся в «оболочке» проемы вовне. А происходит этот «поперечный прорыв» пост-сюжета просто по той причине, что стоит кому-либо столкнуться с переживанием (и проживанием) подлинной формы, как он мистическим образом начинает забывать о ее – формы – первоначальных программах и втягиваться в предлагаемое архитектурной формой приключение со множеством неизвестных. Себя нам удастся остановить, но все, что касается «остальных переживающих», – это тема не под контролем¹⁴.

В жизни нет никакого перехода от одной ее части к другой, то есть, в жизни не существует сюжета, и поэтому в пространстве ПР – все, как в конструкции стены, образуются ярус за ярусом, но еще более точным сравнением является образ бесконечной дороги со своими верстовыми столбами. Дни проходят за днями, одни встречи и проекты сменяются другими, – довольно монотонная конструкция, условно бесконечный стеллаж. Но для того мы и вторгаемся в прошлое, чтобы через «удвоение присутствия» попытаться выстроить иерархию смыслов. Публикация истории, связанной с авторским пространством, значительно усиливает эффект культурной коммуникации авторов в общем культурном пространстве АСО.

14 Впечатления человека от контакта с архитектурной формы трудно назвать предсказуемыми в полной мере.

13 Герой (греч. heros). В древности, воин, отличавшийся храбростью, силой, мудростью и опытностью. Нынче человек, отличающийся какими-либо необыкновенными подвигами, а также главное действующее лицо в романе, повести, драме, поэме, рассказе. - Чудинов А.Н., Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910.

Рис. 11. Пространство Гарви.

Ограничение формата любой страницы публикации помогает продемонстрировать преимущество архитектурной формы по сравнению, например, с конструкцией фильмов о скитальцах и странствиях (road movie), но при этом само чередование эпизодов (страниц публикации) вполне с ним сопоставимо.

Архитектурный объект как пространственно-временной портал. Метафорический эксперимент

В одной из публикаций, посвященных Дому Одинокого Холостяка (рис. 10), пространство этого дома начинает интегрировать два других пространства параллельной реальности (ПР) и происходящей истории, причем разброс действий по времени, интригующим образом не препятствует интеграции. Такого рода интеграция (или «пересечение») наталкивает на подозрение, что Дом Одинокого Холостяка играет здесь роль пространственного и временного портала: герои настоящего и минувшего все время находятся в настоящем, и все процессы происходят так, что и Майкл, и Джек, и Фридрих XIV, и профессор Божек, – они все присутствуют ЗДЕСЬ, оставаясь при этом в своих удаленных от Дома историях и пространствах. Пространства интегрируемой Домом истории множатся и одновременно остаются внутри общего целого. Это «общее целое» есть сам Дом, существующий как «история» и пространственно-временной портал¹⁵ [15, 16].

¹⁵ Портал в фантастике – это технологический или магический проём, соединяющий два отдаленных местоположения, разделённых пространством и временем.

Таким образом, архитектура и пространство АСО, продукты параллельной реальности автора, возникают там, где обнаруживаются история и портал. Нигде в обычной реальности, игнорирующей эти темы, архитектура возникнуть не в состоянии. Но повторим, что с подобными возможностями ПР нужно быть внимательными, чтобы вовремя установить ограничения на чрезмерное «умножение эпизода истории». Как правило роль ограничителя выполняет статичная модель пространства рассматриваемого эпизода (архитектурная форма дома или поискового процесса): текст, рисунок, чертеж, и макет. В Доме Одинокого Холостяка разыгрывается сценарий, когда процессами портала управляет хозяин дома, используя, в частности, рисунок, в то время как чертежи и макет самого дома изготавливаются в Гарви¹⁶. Гарви (рис. 11) – это тоже портал, поэтому Майкл мог переместиться из своей истории – в историю и пространство нашей мастерской, и в этом не было бы ничего удивительного.

Заметим, что действие, происходящее в медитативном пространстве Майкла Броуди (рис. 12), продолжается в любой момент времени: ведь в архитектуре линейное время не имеет силы. Каждый уголок наших человеческих гнезд транслирует феноменальные «сериалы» Портала: мы смотрим в точку стены или в чертеж и в этот же момент другое пространство-время, будучи воображаемым или реальным, предлагает свои картины, встроенные в эпизод. Как в названном проекте – в истории «про путешествия в трех пересекающихся пространствах».

Мы, как и любой автор АСО, создаем в пространстве ПР возможности для своего рода телепортации из одного пространства-времени в другое, потому что внутри системы такой возможности нет. В ней существует конструкция, включающая ад и рай, однако у некоторых наших близких, возможно оказавшихся там, нет никакой возможности вступить с нами в отношения: писать письма, вести диалоги, и – тем более – участвовать в решении общих дел. В какой-то степени наш вариант портала близок концепции автора «Одиссеи», чья конструкция Аида выглядит даже более гуманной, чем устройство Рая, если уж, несмотря на все ограничения (бестелесность, мрачная атмосфера и пр.),

¹⁶ Гарви – пространство мастерской, возникшее в старом сталинском доме рядом с организацией дополнительного образования для детей и подростков в соответствии с установками системы. В Гарви была написана одна из глав романа, посвященная анализу содержимого мастерской. К ней Холли Баррет и Бель Джереми Грин выполнили подробные чертежи.

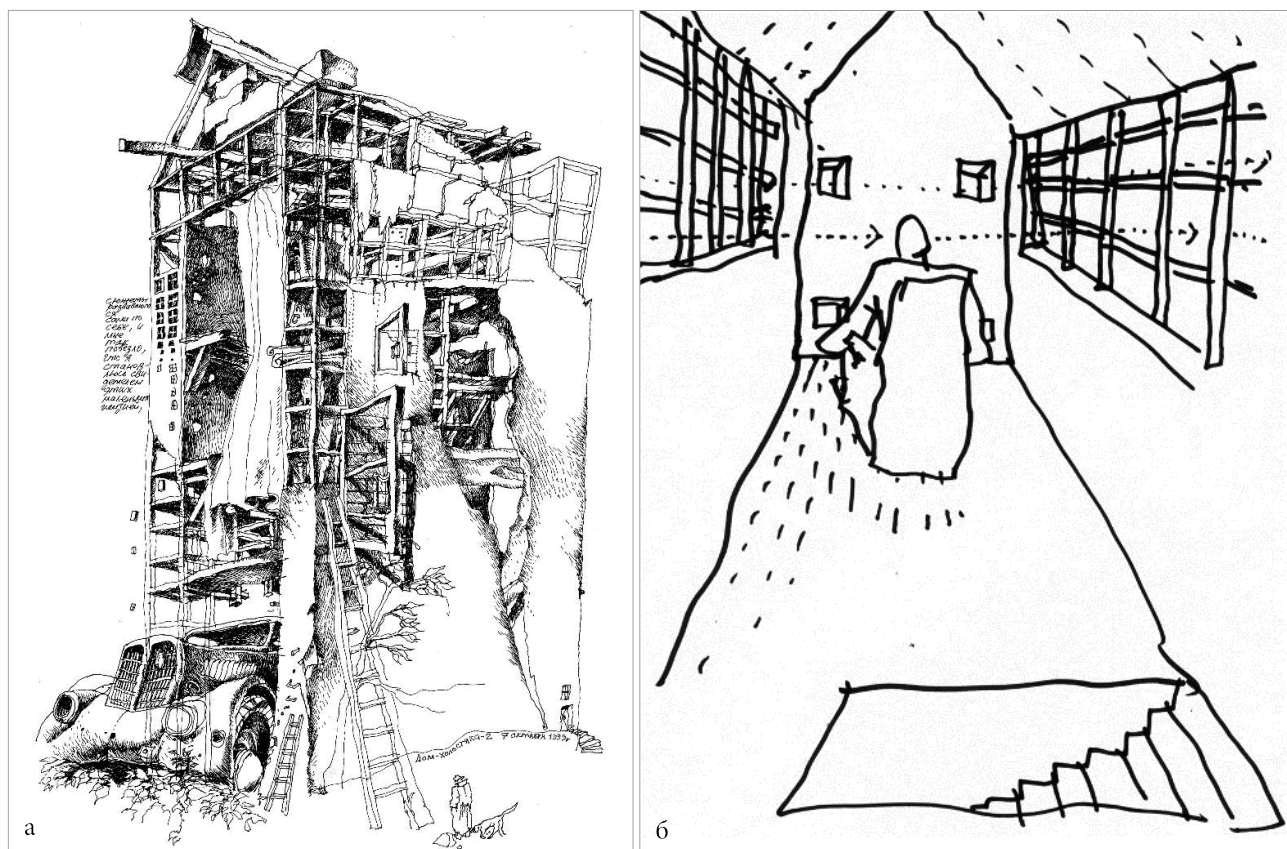

Рис. 12. а) Рисунок Майкла Броуди, иллюстрирующий в истории с Домом Одинокого Холостяка идею пространственно-временного портала; б) сцена процесса медитации.

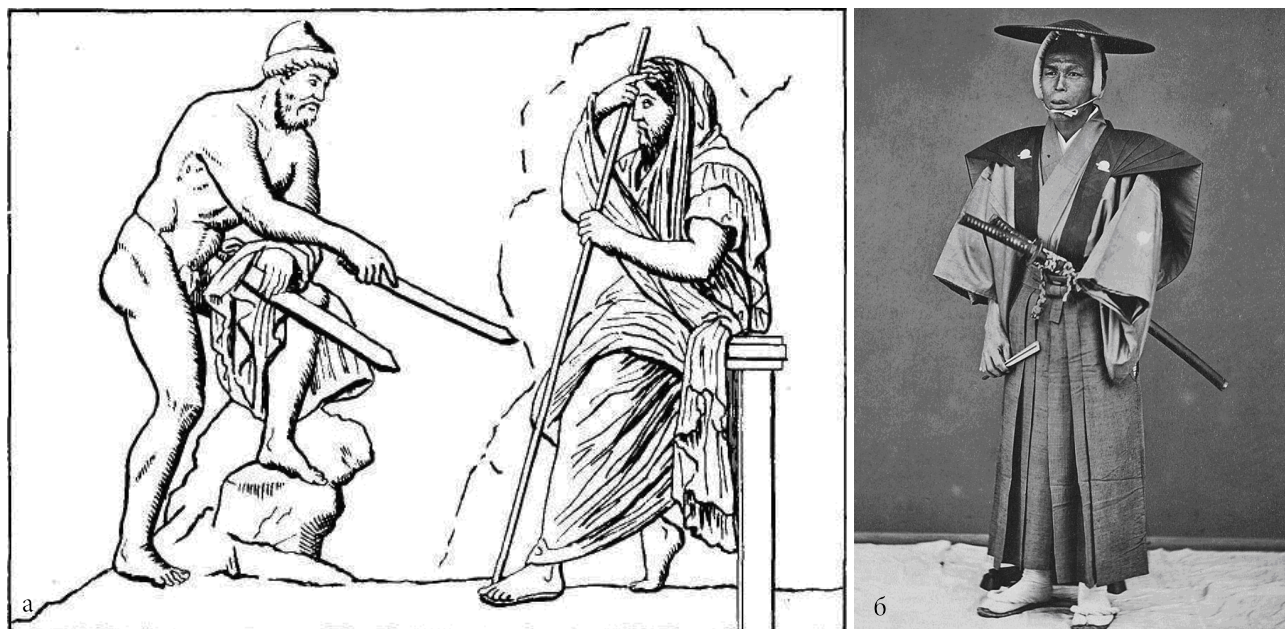

Рис. 13. а) Одиссей в Аиде встречается с Тиресием и расспрашивает его о предстоящих ему испытаниях; б) рэйфуку – традиционная одежда самурая.

Рис. 14. а) Ле Корбюзье; б) интерьер виллы Савой; в) общий вид виллы Савой в Пуасси. Здание и архитектурный замысел виллы являются объектом и предметом поклонения культурного сообщества. Корбюзье прекрасно осознавал «нематериальную ценность» этого произведения и даже, несколько эпатируя, предлагал заказчице положить на стол «книгу отзывов» для будущих «восторженных посетителей».

Одиссею удастся пообщаться не только с прорицателем Тиресием, но и с собственной матерью Антиклеей¹⁷ (Рис.13, а).

Альтернатива как испытание

Альтернативность сценариев обитания (АСО), ярко продемонстрированная в «Доме художника»

¹⁷ В Аид Одиссей отправляется по совету волшебницы Цирцеи, чтобы встретиться с прорицателем Тиресием и выведать у него, какие еще приключения его ждут. (Гомер. Одиссея)

Ван Дусбурга, складывается из двух встречных интенций: 1) формальных, философских и типологических экспериментов архитектора и 2) на основе личного выбора обитателя дома. Мы знаем, к примеру, что, если бы ни поддержка Рис Шредер, настаивавшей на смене «формата» своего образа жизни, вряд ли Ритвельд смог бы осуществить строительство своего уникального дома. Эдит Фарнсфорт была вначале воодушевлена идеей обитания в прозрачном доме, но потом, видимо, что-то произошло, – так бывает! – и в итоге

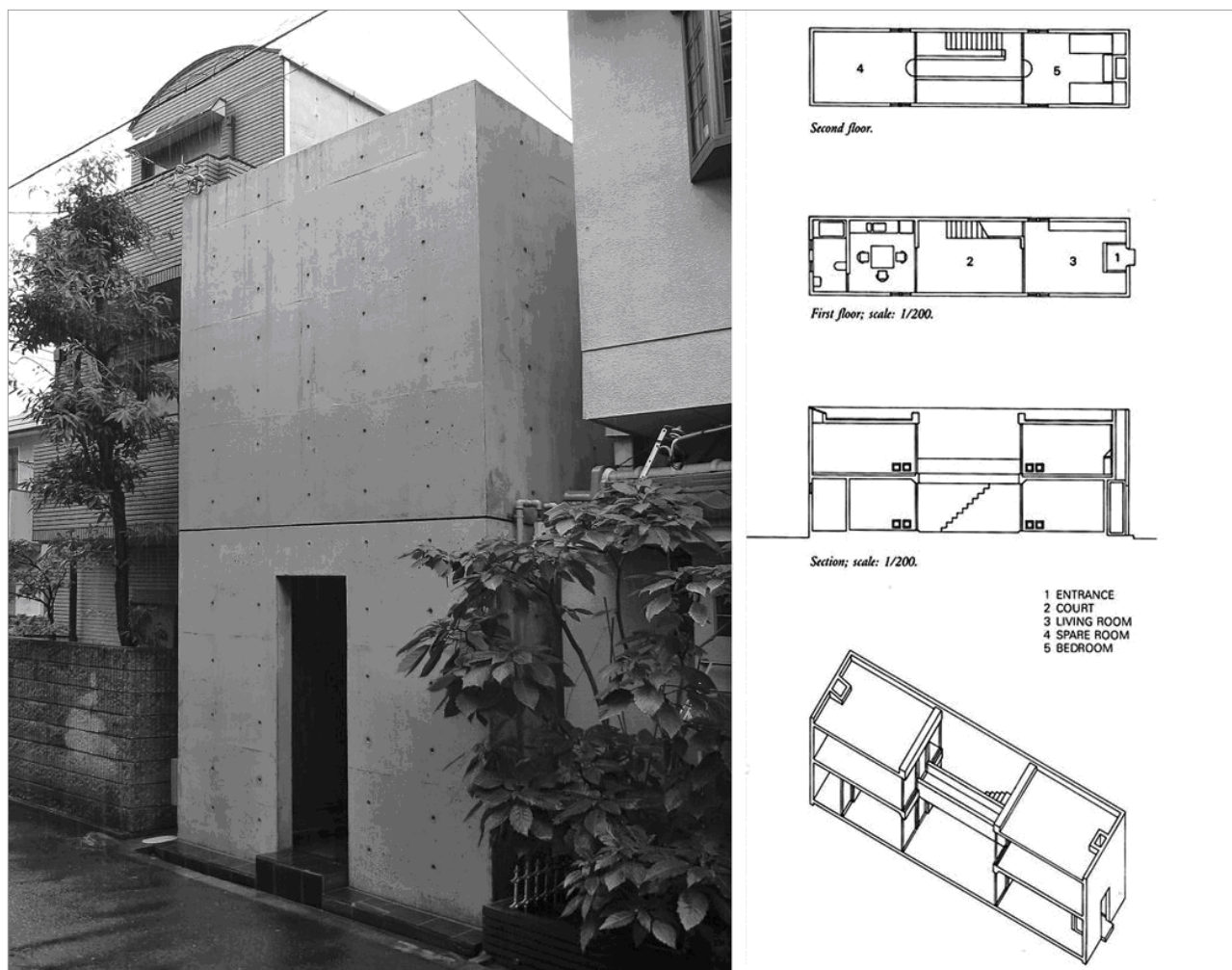

Рис. 15. Тадао Андо - Дом Адзума - Row House in Sumiyoshi. В доме не было ни внешних окон, ни электричества, ни кондиционеров. По сути, дом представлял собою абсолютно изолированный от внешней среды объем, в котором традиционное патио выполняло функцию особенной связи с природой и внешним миром.

дом перестал ее устраивать, Эдит вышла на пенсию, продала дом и переехала жить в Венецию. Между Корбюзье и семьей Савой также вначале все развивалось на взаимном доверии, но и здесь, как мы знаем, настроения заказчиков изменились и в результате – дело чуть не дошло до суда¹⁸.

Архитектура как проявление высшего человеческого духа с трудом преодолевает инерцию и

18 В сентябре 1936 года, через 7 лет с завершения строительства, мадам Савой написала Ле Корбюзье: «После многочисленных требований с моей стороны Вы наконец признали, что жить в доме, который Вы построили в 1929 году, невозможно. Речь идет о Ваших обязательствах, поэтому я не должна брать на себя требуемые расходы. Пожалуйста, незамедлительно сделайте так, чтобы в нем можно было жить. Я искренне надеюсь, что мне не придется решать эту проблему через суд». Суда удалось избежать только по одной причине – началась Вторая мировая война, и семья Савой вынуждена была бежать из Парижа. (Нил Стивенсон. Архитектурные шедевры со всего мира).

привычки человека жить в комфорте. Архитектурные эксперименты, ориентированные на человеческий дух, вероятно, нуждаются в компромиссах. Прозрачность обитаемого гнезда не должна быть тотальной, или это становится сознательно выстроенным испытанием. Холодное патио и дистанция между комнатой и туалетом, преодолеваемая под дождем, как у Андо, – выскажемся определенно, – это чудесно! Но, конечно же, не для простых обывателей. Известно, что самураи, бежавшие после поражения сёгуната на Хоккайдо, мёрзли в своих рэйфуку и даже умирали от простуды, но законы чести не позволяли кутаться в теплые одеяла¹⁹.

19 В октябре 1868 года войска сёгуната во главе с Эномото Такэаки бежали на Хоккайдо из Эдо (будущий Токио) на восьми судах и захватили форт Горёкаку. Проиграв битву императорским войскам, самураи окопались в Горёкаку и держали оборону в течение семи месяцев, пока крепость не была взята. (<https://nevelsk.ru/news/nevelsk/177896/>).

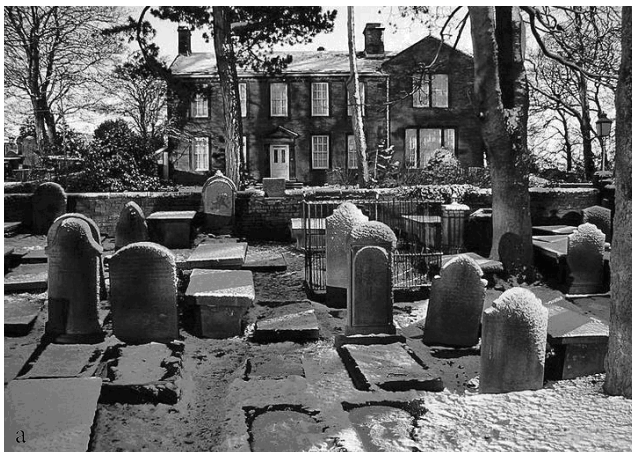

Рис. 16. а) дом семьи Бронте в Хауорте (Западный Йоркшир) вплотную соседствует со старым кладбищем; б) три сестры – Энн, Эмили и Шарлотта – собирались в т.н. «детском кабинете», чтобы посвятить время созданию своих романтических произведений.

Холод и прозрачность – интересное слияние самурайского (рис. 15) и протестантского типов ментальности. Но здесь, у Андо, мисовская прозрачность сменяется на глухую преграду. Впрочем, совсем далеко от Осаки угрюмый и болотистый Хауорт тоже не казался прозрачным, хотя и имел окна. Дом священника Патрика Бронте стоял среди кладбищенских плит и сам напоминал холодный склеп. Энн, Шарлотта и Эмили вели себя как настоящие самураи: писали романы, простужались и умирали молодыми²⁰. Афоризм «Искусство требует жертв» находит в этой истории совсем не метафорическое подтверждение²¹. Пожалуй, отношения Кэтрин и Хитклифа, героев романа Эмили Бронте, предвосхитили эксперименты АСО в жизни и произведениях Ритвельда, Миса и Корбюзье. «Главных героев, сообщает нам аналитик, неопорно тянет друг к другу, в основе их чувства – неприятие обывательского образа жизни. Именно благодаря совместному бунтарству каждый из них в

глубине души сознает, что измена тому, что их связывает, явилась бы изменой высшим ценностям»²² (Рис.16).

Метод и архофункция. Дом «Шредер-2». Пластический эксперимент. Этап 1. «Трансформация квадрата»

Дом «Шредер-2» – так же, как и «Дом Шредер» Ритвельда, посвящен «уничтожению «названной вещи». Композиционный Метод Проектирования, следуя традициям «Де Стейл», рассматривает вещи, – так же, как и дом, – как фрагменты «мировой ритмической сетки». Вещь в этом случае – есть лишь «произвольное» пересечение абстрактных поверхностей, и поэтому она не может быть названа известными словами (именами). Императив Композиционного Метода заключается в том, что он предоставляет возможность жить в «неназванном мире». Мир, где не ограничиваются лексиконом системы и общепринятого языка, чтобы называть явления и феномены пространства, сохраняет гораздо больше тайн. Феноменальность пространства и формы обуславливает уникальность функции, а ее неповторимость – и есть явление архофункции. Архитектура зарождается в соединении пяти ключевых компонентов: форма, пространство, архофункция, история и портал. В отличие от «Дома Шредер» Ритвельда, представленный здесь проект отказывается служить ортогональной сетке и призывает к трансформации квадрата и куба в соответствии с пластическими и геометрическими свойствами природных тел.

20 Сестры Бронте — Шарлотта (Brontë, Charlotte) (1816—1855), Бронте Эмили (Brontë, Emily) (1818—1848), Бронте Энн (Brontë, Ann) (1820—1848) — английские романистки, основоположницы критического реализма в английской литературе 19 века.

21 Выражение это возникло в России. Первоначально носило иронический характер. По-видимому, первым в литературу его ввел драматург Николай Евреинов. В 1911 году в петербургском театре пародий «Кривое зеркало» была поставлена гротескная комедия Евреинова «Школа этуалей». После войны эту сентенцию уже совершенно всерьез, как завет основателя Художественного театра, привел оперный режиссер Павел Румянцев, вспоминая о создании в 1926 году Оперной студии Станиславского: «Лозунгом того времени, как и вообще во весь период существования студии, были слова К. С. Станиславского: «Искусство требует жертв» (Душенко К. В., История знаменитых цитат, М., КоЛибри, 2018).

22 Эмили Бронте «Грозовой перевал».

Рис. 17. Смятие бумажного квадрата приводит к возникновению природной (спонтанной) сетки, расшифровываемой в процессе графической интерпретации как пространственная оболочка, каждая поверхность которой описывается треугольником или трапецией.

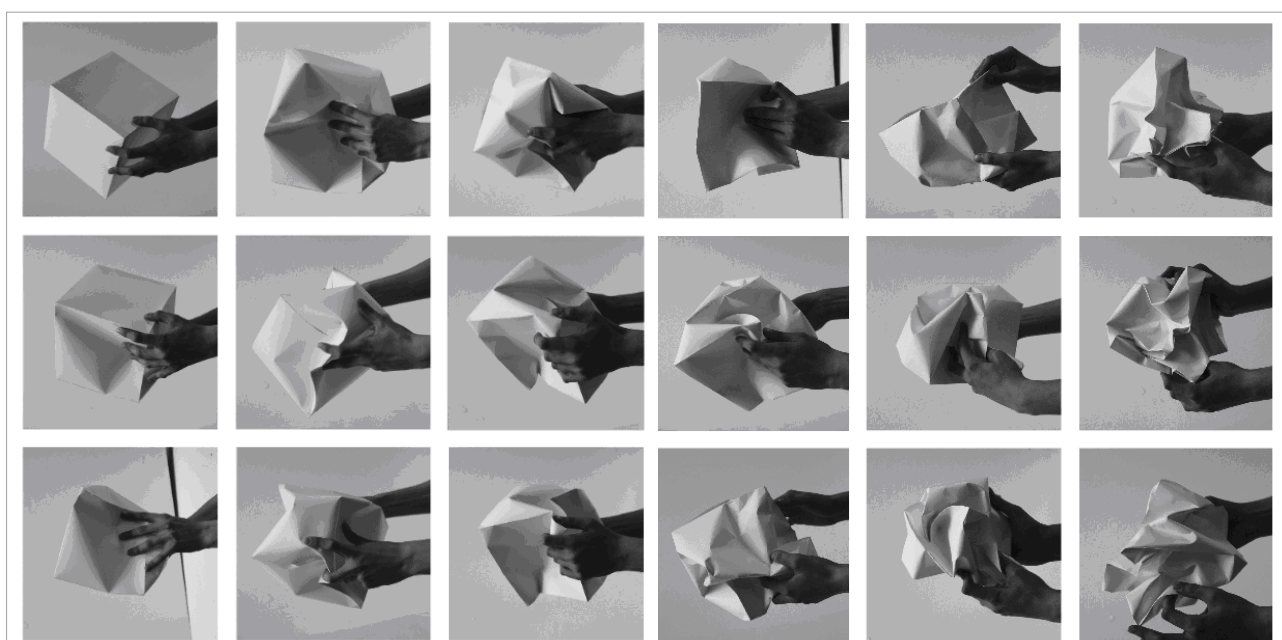

Рис. 18: Дом «Шредер-2». Процесс трансформации модели куба с целью отработки вариантов перехода от ортогональной ритмической сетки и формы Де Стейл к природной, спонтанной сетке.

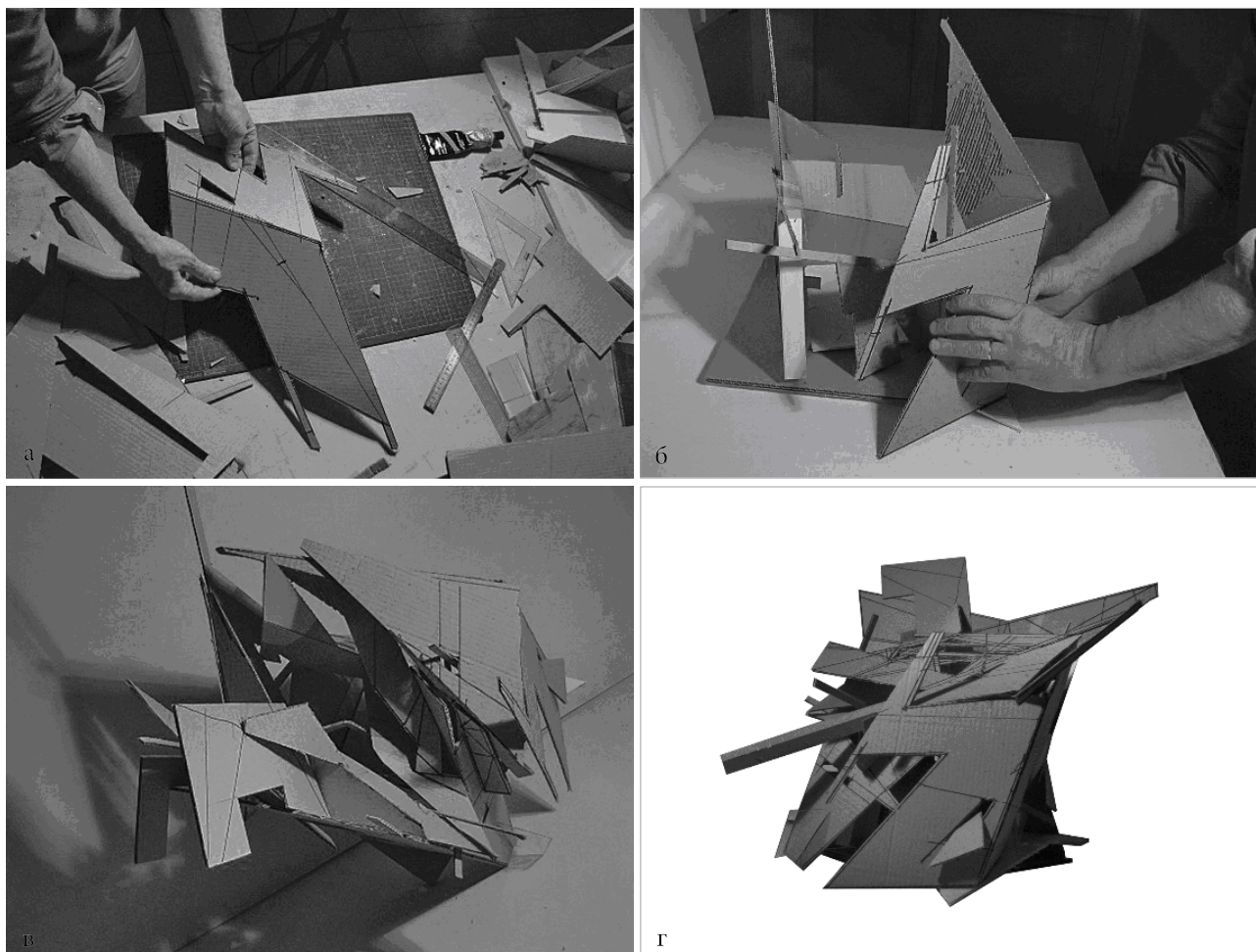

Рис. 19: Дом Шредер-2. Процесс поискового макетирования – сборка из отдельных элементов формы «как бы трансформированного куба»: а), б), в) – этапы макетирования модели Внешнего Тела дома; г) модель (макет) Внешнего Тела дома.

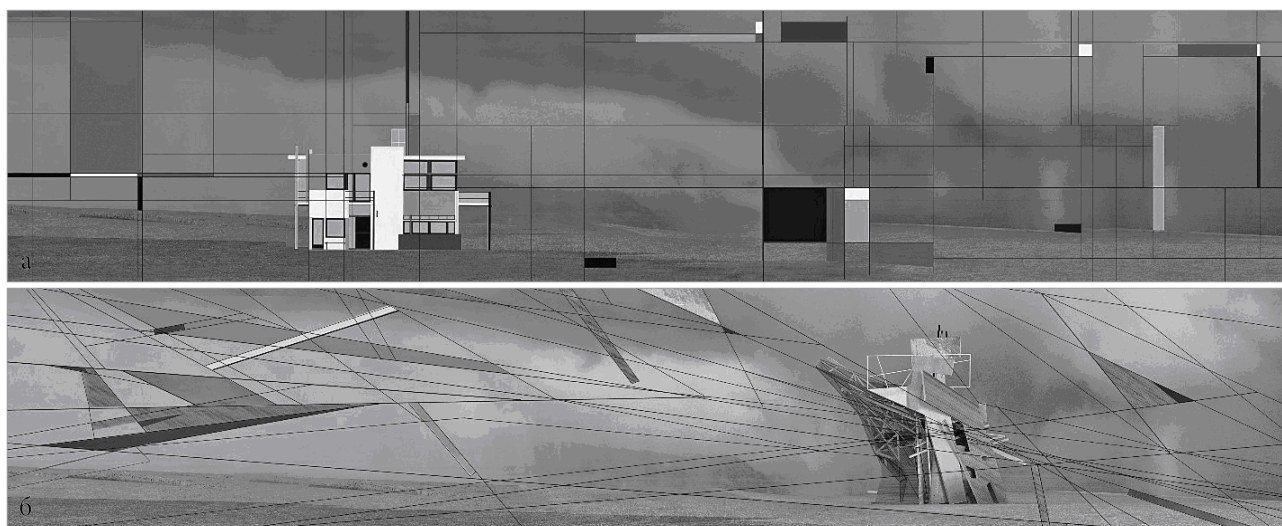

Рис. 20: Сравнение двух типов ритмической организации художественной формы космоса: а) в проекте «Дом Шредер» Геррита Ритвельда (ортогональная сетка); б) в проекте «Дом Шредер-2» (природная, спонтанная сетка).

Трансформация квадрата и куба преследует несколько целей.

Во-первых, нам необходимо смоделировать переход от одной изобразительной версии Супрематического Ордера²³ – к другой, а именно – заменить ортогональную ритмическую сетку, восходящую к живописи Мондриана, на «природоподобную» (или лучше сказать – «природную», или «спонтанную») ритмическую сетку, близкую к формам природного ландшафта.

Вторая цель эксперимента заключается в том, чтобы продемонстрировать возможную стратегию Композиционного Метода, заключающуюся в применении скульптурного (телесного) подхода к формообразованию архитектурного объекта.

Пластическое преобразование квадрата как исходной формы (смятие и кручение) влечет за собой создание материального сгустка – комка бумаги, дальнейшее «проектное будущее» которого может зависеть от ассоциативной и конструктивной «расшифровки» случайной скульптурной формы – средствами графики (Рис. 17).

Смятие и кручение – два движения, которые задают пространственное измерение каждой точке «скульптурной формы». На схеме этих движений возникают прямые векторы и спиральные – как продуктивное соединение сил, воплощающее принцип конструктивного преобразования «случайных» «природных форм. Практически любой смятый лист бумаги в состоянии послужить прототипом для архитектурной формы. Зрение «контролирует» промежуточные состояния формы. Наступает момент, когда скомканный лист бумаги принимает формальную определенность. Метод предусматривает его дальнейшую графическую интерпретацию.

Метод и архофункция. Дом «Шредер-2». Пластический эксперимент. Этап 2. «Трансформация куба»

Процесс трансформации куба, так же, как и действия с бумажным квадратом, – эксперимент, оправдывающий целесообразность возвращения к чувственному, иррациональному, «телесному» построению формы объекта. Эксперимент заявляет, что перед человечеством в целом и архитекторами, в частности, стоит задача «поставить под контроль» «неисчисляемые объекты и процессы» с тем, чтобы экологические модели среды и Спонтанный

Ордер²⁴ начали, наконец, определять духовную и практическую атмосферу взаимоотношений субъекта и системы. Существует несколько «скульптурных» способов трансформации куба. Мы воспользовались «технологией» смятия и кручения бумажного полого куба с размерами 20x20x20 см. (Рис.18).

Сама процедура трансформации куба интересна своей спецификой. Для того чтобы увеличить поверхность воздействия на модель куба, необходимо использовать не только пальцы и ладони, но и предплечья. Руки захватывают куб, сжимают в нескольких точках, а затем начинают медленно смещать верх и основание куба в противоположных направлениях. Так возникают формы, интерпретированные в промежуточных версиях проекта.

Заключительная часть эксперимента с преобразованием куба в архитектурный объект проводилась по методу поискового макетирования, что предполагало не физическую трансформацию исходной модели, а интуитивную ручную «сборку» из отдельных элементов до состояния «как бы трансформированного куба» (Рис.19).

В эксперименте было важно продемонстрировать, что применение Композиционного Метода означает последовательный переход от «настойчивой модели», обусловленной специфическими законами «телесного», художественного формообразования – к осмыслению формы как конструкции и обитаемого объекта. Конечная цель проектирования на основе этого метода основана на идее возникновения мегаобъекта²⁵ – т.е. системы взаимосвязанного пространства объекта и окружения, включая коммуникацию с ритмической структурой супрематического космоса – метаобъектом – в принятом варианте его художественной версии в авангарде. Дом «Шредер-2» принадлежит «природной ритмической сетке», пришедшей на смену ортогональной сетке «Дома Шредер-1» (Геррит Ритвельд) (Рис.20).

Что касается функции, – этот аспект проекта соответствует подходу, принятому в Супрематическом

23 Супрематический Ордер – миропорядок современной эпохи, наследующий лозунги Французской революции и идеологию художественного авангарда.

24 Спонтанный Ордер – третий порядок Композиционного Метода архитектурного проектирования (КМ). Первые два – Функциональный Ордер (миропорядок традиционной культуры) и Супрематический Ордер (ордер художественного авангарда). Спонтанный Ордер – миропорядок будущего – является осознанным компромиссом первых двух ордеров, развивающий идеологию диалога и фундаментальной бинарной оппозиции «Дом-Город».

25 Мегаобъект – категория Композиционного Метода архитектурного проектирования. Мегаобъект означает пластическое и функциональное целое: объект плюс окружение.

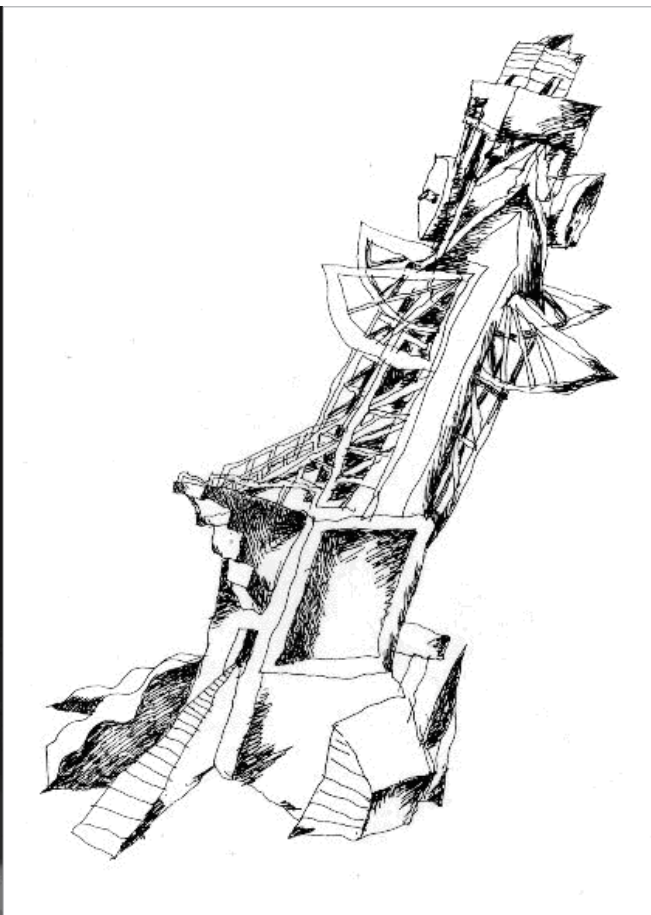

Рис. 21. Модель и эскиз концептуального проекта «Башня Кюрбо».

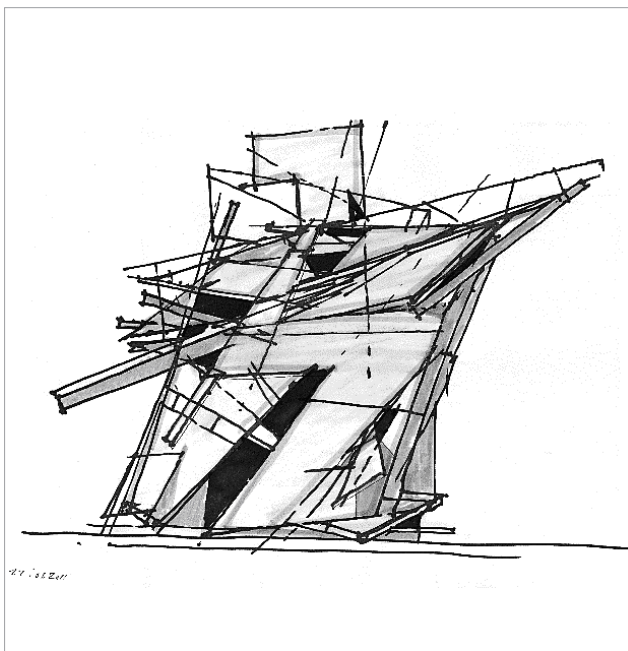

Рис. 22. Дом Шредер-2: Ручные эскизы проекций.

Ордере и в Композиционном Методе. Он означает, что главной функцией объекта является пространство (архофункция) и взаимоотношения с мегаобъектом. Взаимоотношения с мегаобъектом (с окружением) и метаобъектом²⁶ (с космосом и с культурным пространством) выстраиваются в эксперименте на основе бинарной модели, основанной на интерпретации границы объекта как игрового пространства, или особого «пространства конфликта» между Оболочкой и Структурой.

В нашем эксперименте Оболочка получила название «Внешнее Тело» (или «Внешний Дом»), а Структура именуется «Внутренним Телом» («Внутренним Домом»).

Первая стадия проектирования – создание «Внешнего Тела». Форму, «выращенную» в процессе поискового макетирования Внешнего Тела дома «Шредер-2», нельзя описать терминами классической аннотации к архитектурному объекту, так

²⁶ Метаобъект – категория Композиционного Метода архитектурного проектирования, означает связь формы и содержания объекта не только с физическим окружением – мегаобъектом, но и с культурным пространством, его смыслами и идеями.

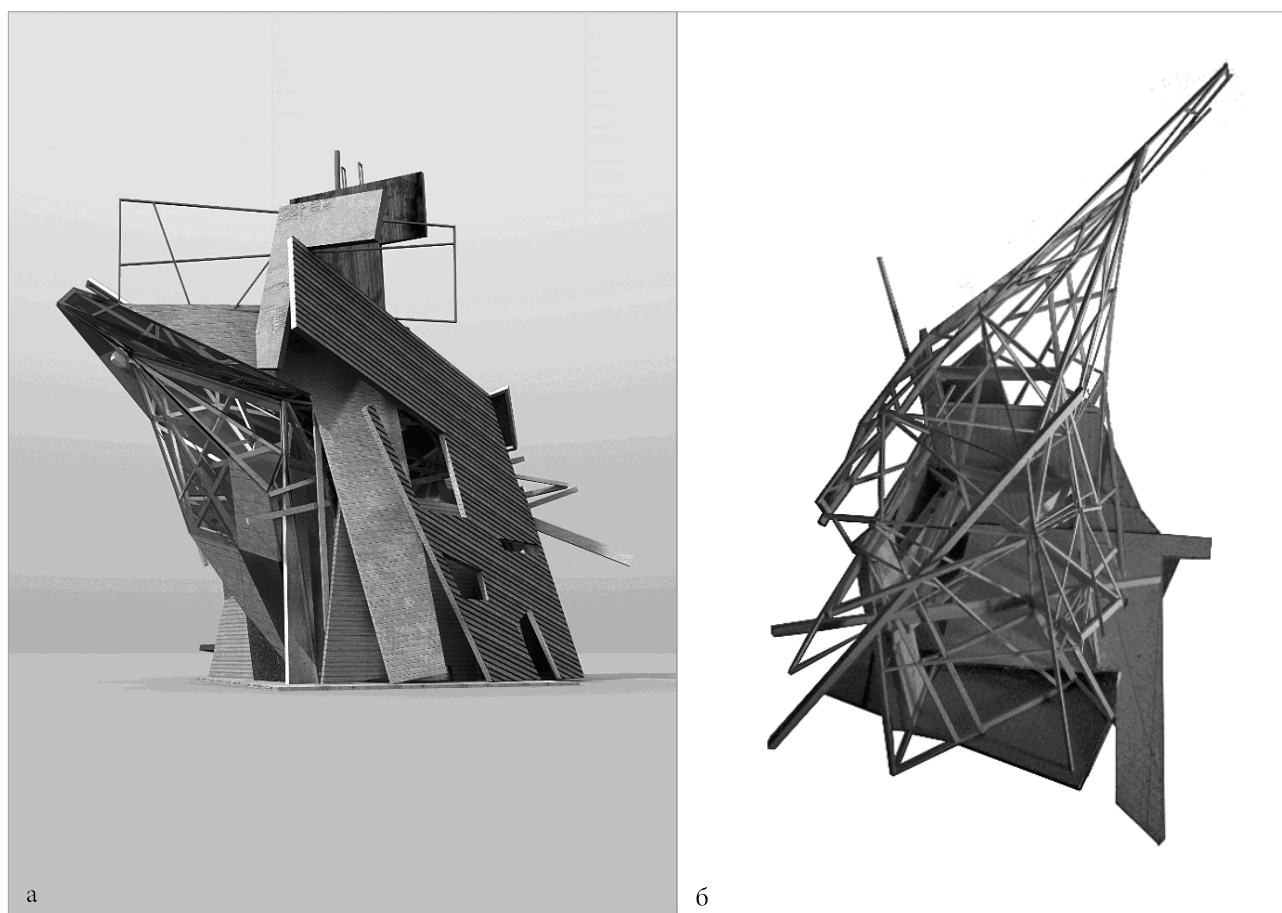

Рис. 23. Дом Шредер-2: а) 3-D модель Внешнего Тела: б) макет Внутреннего Тела.

как слова, принятые в архитектурно-строительной и типологической терминологии, не подходят для этой, по сути, скульптурной модели. Здесь нет элементов, которые можно назвать терминами типа: стены, этажи, окна, двери. Здесь отсутствует ссылка на знакомые «типологические образы» дома. Тем не менее – перед нами именно дом.

Для создания текста, относящегося к этой форме, могут быть использованы «придуманные слова». Это могут быть также слова, заимствованные из «природного лексикона». Мы можем также сочинить «параллельные тексты», как например: историю «про Джека Хевсела и Джима Лодда». Аналогичная попытка описать смысл формы при помощи «параллельного текста» была предпринята в 1991 г. при разработке аннотации к проекту Башни Кюрбо²⁷ (рис. 21).

27 Башня Кюрбо – модель концептуального объекта – наклонной башни, экспонат выставки ЭКСПО-92 в Севилье (Испания) в 1992 г. В тексте Башня была представлена как одухотворенное живое существо, общающееся с персонажами – участниками событий, связанных с выставками и текстами на тему «Модели из провинций» и предстоящим путешествием на шхуне «Арт-Арк».

Рис. 24. Ноябрь 1994 г. Путешествие на шхуне «Арт-Арк». Переход между шведским островом Сендхам и датским островом Борнхольм.

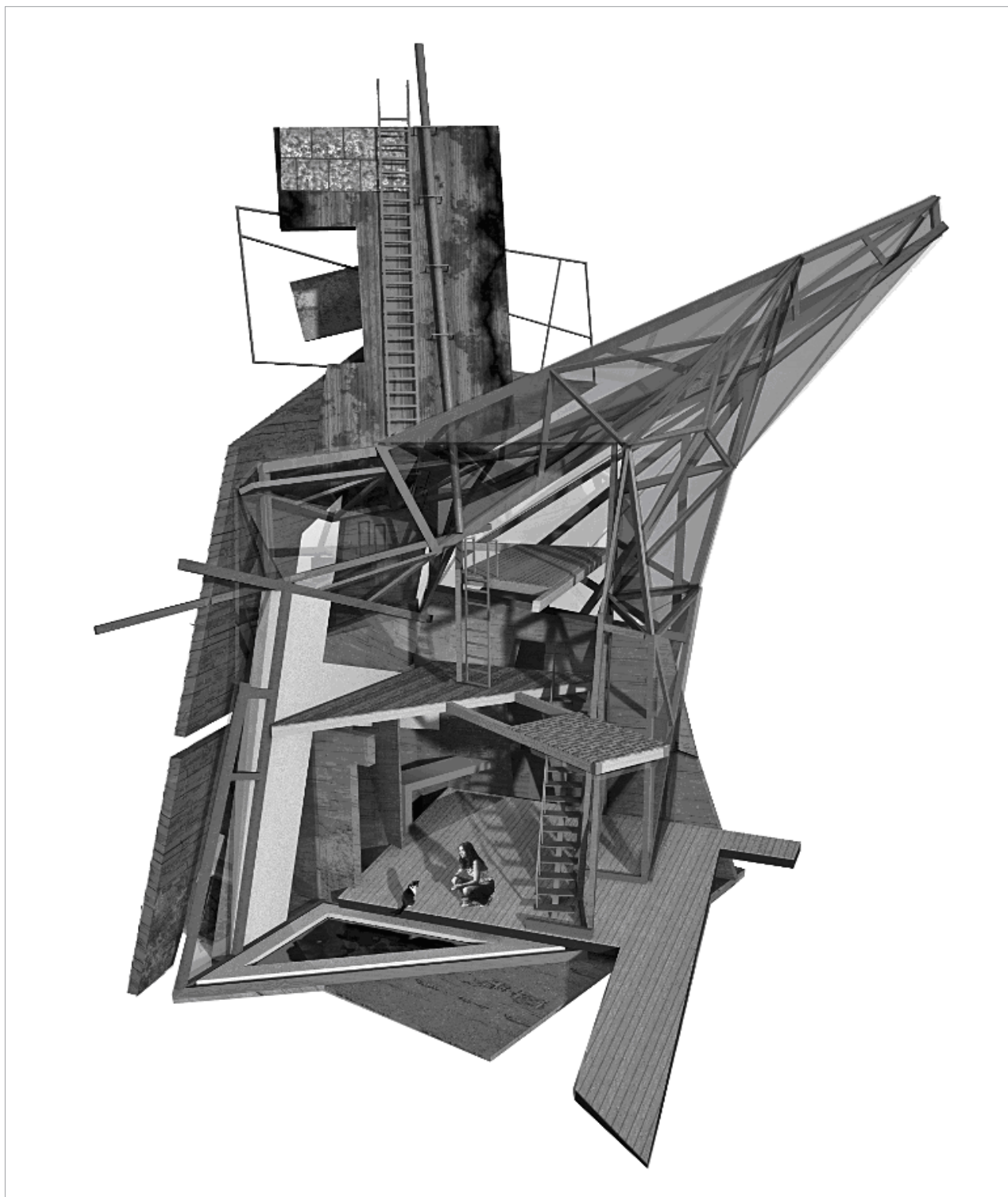

Рис. 25. Дом Шредер-2: 3-D модель внутреннего пространства. Дом – совмещение двух оболочек: Внешнего и Внутреннего тела. Внутреннее Тело – застекленная оболочка. Внешнее Тело – спонтанная конструкция со множеством зазоров. Внутри поэтому ощущаются все состояния окружающей природы. Обитаемые уровни не имеют четкого функционального предназначения и не являются комнатами. Объект одновременно изыскан и катастрофичен, является гнездом, приютом, космическим объектом. Каждое движение обитателя сопряжено с поведением гимнаста, таким же осторожным и таким же красивым. Система окажется беспомощной в случае, если попытается совместить этот дом и образ жизни со своими представлениями о целесообразном.

Рис. 23. Дом Шредер-2. Вид дома в ноябре в окрестностях Дестини-Филд.

По итогам разработки модели Внешнего Тела были выполнены «ручные эскизы», примерно воспроизводящие форму, (рис.22) а затем – 3D модель и компьютерные проекции. (рис.23а, 25, 26).

Далее решается задача по поисковому макетированию «Внутреннего Тела» («Внутреннего Дома»). Наша цель – в разработке пространства, сценарий которого следует общему пластическому (скульптурному) замыслу дома. Некоторая неточность чертежей (не полное совпадение с макетом) соответствует «стратегии относительно случайного результата». Каждая стадия, поэтому, обладает собственной ценностью. «Внутреннее Тело» – прозрачная структура, состоящая из треугольников и трапеций. Треугольники и трапеции – являются конструктивной интерпретацией иррациональной скульптурной формы. (рис 23, б)

Архитектура может существовать только тогда, когда пространство осознается как тело. Внутреннее Тело (Внутренний Дом) в нашем проекте представляется как полностью застекленная

оболочка. 3D модель стеклянной оболочки одевается на трехмерную модель структуры Внутреннего Тела. Бинарность действий заключается в том, что «конструктивное упрощение» скульптурной формы неотступно «преследует» автора, являясь его своеобразной тенью и представляя, на самом деле, абсолютную необходимость. Мы должны понимать, что трансформация и «разрушение» куба не проходят «безнаказанно»: устремляясь от «простейших рациональных конструкций» назад – к природе, мы подвергаем себя риску вторгнуться в область дорогостоящего и длительного проектирования... Покидая Его Величество Куб, мы отправляемся в путешествие, напоминающее странствие на шхуне «Арт-Арк»²⁸ (рис. 24) ... Но мы можем и не покидать «Куб», оставаясь внутри. Надолго ли? Бинарность

²⁸ Путешествие на шхуне «Арт-Арк» в ноябре 1994 года. Экипаж – 7 человек и 11 пассажиров, архитекторов из Самары, Москвы и Нижнего Новгорода. Путешествие завершилось организацией выставки в Королевском обществе архитекторов Нидерландов.

эксперимента – заключается в сохранении дилеммы: возможности выхода из куба (рациональной формы) – в природу (иррациональную форму) и возможности возвращения. Гармония архитектурной формы – есть варианты «демонстрации» человеческого (авторского) выбора между «Кубом» и «Природой».

Дом «Шредер-2». Архофункция. Альтернативный сценарий обитания

Дом «Шредер-2» не имеет традиционных планов, вместо них в проекте представлены «горизонтальные сечения», число которых может быть самым разным, так как разработанный объект не имеет этажей как таковых. Задача изображений заключается в сближении традиционной проекции плана с впечатлением о пространстве дома. Обитатели дома, а также – их гости, – попадают внутрь по наклонной плоскости, и эта же плоскость формирует нижний уровень. По ощущениям, такая поверхность напоминает или берег, или наклонившуюся палубу. Треугольник перед «палубой» заполнен водой. Еще две трапециевидные площадки висят на разной высоте в пространстве Внутреннего Дома. В пределах стеклянной оболочки в стороне от указанных площадок («лужаек») – располагаются «лесные чащи», где можно прятаться, лазать, висеть, дремать, думать, есть, кричать, петь, чувствовать, слушать, касаться и т.п. Особая зона – «Пространство Конфликта» (ПК) – интервал между «домами» (телами, оболочками). В «интервале» – рождаются и побеждаются страхи. В «интервал» можно попасть как изнутри, так и снаружи. В этом доме нет никакого смысла называть «вещи» привычными именами. Страх – это важное состояние, противостоящее благодушию. В интервале между двумя домами (двумя телами) – внешним и внутренним, – освещенном загадочным красным светом, возникает «испытание страхом». Такова бинарная природа настоящего дома. Таковым представляется архитектурный процесс как проектирование, обитание и перформанс. (рис.25)

Эксперимент демонстрирует возможность существования двух «процессуальных версий» архитектурной деятельности: первая – тщательное проектирование формы, и вторая – строительство «без проекта», но на основе опыта чувственного, «композиционного проектирования». Дом, подобный нашему, можно «вырастить» в натуральную величину – без всякого проекта, т. е. – провести

«поисковое макетирование» в масштабе 1:1 из реальных конструкций, в том числе, – из «выброшенных», или т.н. «потерянных» вещей. Наша цель в этом проекте – совмещать между собой «случайные вещи», оставляя зазоры, через которые в наружной оболочке проникают вода, ветер и снег. Эта оболочка (Внешнее Тело) призвана напоминать природный объект.

Эксперимент «Шредер-2» показывает, что с помощью контролируемой художником случайности можно привести в нашу жизнь состояния, близкие к природным. Мы обучаемся ценить внезапно изменяющиеся обстоятельства и уважать сценарии, «нарушающие» привычный для нас порядок вещей. Человеку должно хватать «интуиции», чтобы строить небольшие объекты без всяких проектов и расчетов при условии, что он будет использовать «природную ритмическую сетку и не ортогональные конструктивные схемы. Обитаемый объект в нашем эксперименте – выглядит как результат пластической трансформации куба, и иллюстрирует движение к геометрически иррациональной форме, подлинная рациональность которой обнаруживается в аналогии с устойчивостью и красотой природных объектов. Следует сказать, в связи с этим, что мы могли бы жить в домах, созданных нашим духом, а не расчетами. (рис.26)

Выводы

Итогом приведенного теоретического анализа проблемы альтернативных сценариев обитания, архитектурной теории и проектов, являются следующие ключевые выводы:

1. АСО – пространство, формируемое архитекторами, заказчиками и культурной общественности представление о том, что система ведет себя неискренне и неэффективно. Интересы системы противоречат гуманитарным и гуманистическим целям среды. АСО – это пространство, где образуется самостоятельный выбор в пользу гармоничной среды и эксперимента как в области формы, так и сценария обитания.
2. Параллельная реальность авторов (ПР) – это мир концептуального выбора автора, архитектора, субъекта – в пользу АСО и собственной «истории обитания», порождаемой фактами деятельности, профессиональными принципами, этикой и воображением. В описании параллельной реальности образуются разные варианты «втягивания» и «слияния» реальностей ПР и БР: от уровня

воображаемых обитателей объектов АСО до сознательного производства и репрезентации истории и портала.

3. Архитектура – важный домен культурного пространства (КП), ее ценности альтернативны прагматическим установкам системы, что обуславливает ее ограниченное присутствие в общем объеме строящихся в мире объектов.

4. Архитектура – итог формирования пространства АСО и может быть представлена в виде трех ключевых направлений: 1) средовая форма (процесс саморазвития среды); 2) органическая архитектура (работа архитектора-мастера); 3) концептуальная архитектура (деятельность архитектора-автора).

5. Юмор, ирония, игра, – важнейшие характеристики архитектурного процесса автора наравне с его социальными и духовными императивами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хэл Фостер, Розалинд Краусс, Ив-Ален-Буа, Бенджамин Х.Д. Бухло, Дэвид Джослит, Искусство с 1900 года. Модернизм. Антимодернизм. Постмодернизм. Москва: Ад Маригенем Пресс, 2015
2. Тео ван Дусбург. На пути к пластической архитектуре. В «Мастера архитектуры об архитектуре», под ред. А.В. Иконникова и др., М., «Искусство», 1972, стр. 280-283
3. Тео ван Дусбург. Цвет в пространстве. В «Мастера архитектуры об архитектуре», под ред. А.В. Иконникова и др., М., «Искусство», 1972, стр. 283-287
4. Малахов С.А., Репина Е.А. Учебная мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной. 1999-2014. Екатеринбург, «TATLIN», 2014
5. Kinsella, E. A. Snapshot of reality, Fiction beyond the Façade. In the Architecture and writing of Sergey Malakhov and Evgenia Repina's Post-Projects. Copy of master's degree thesis / E. A. Kinsella. - Oxford. 2008.
6. Малахов С.А. «Композиционный метод архитектурного проектирования». Диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры. ТОМ II. Самара, 2018.
7. Brino, Giovanni. Carlo Mollino. Arcitectura as autobiography. Thames and Hudson, 2005.
8. Малахов С.А. Опыт провинциального моделирования культурного пространства. Архитектура СССР. июль-август 1991, стр.50-53.
9. Banham R. Theory and Design in the First Machine Age. Cambridge, MIT Press, 1980. – 338 p
10. Gallery. MA 2006- 2010. TOTO Publishing, Tokyo, 2010
11. Репина Е.А. Спонтанный метод в архитектуре. Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Самара - 2009
12. Репина, Е.А. Бинарное сознание как реабилитация репрессированных значений культуры в постнеклассической науке и постмодернистской архитектурной критике // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. - 2009. - № 2. - С. 92-103
13. Малахов С.А., Репина Е.А., Малахов М.С. Куб как «квартира-дом» (“UC” –UNIT – CUBE). А.С.С. Проект Волга. № 3-4, 2003-2004. Самара, 2004, стр. 50-55.
14. Малахов С.А., Репина Е.А., Вейерс Отто. История как феномен постпроекта // Innovative Project, 2016. Т.1, №1, Стр. 74-81.
15. Дом одинокого холостяка Свой Дом №3 (приложение к журналу АСС), 1999 г., стр. 16-18
16. Дом одинокого холостяка. Путешествие в трёх пересекающихся пространствах АСС+Свой Дом,
17. Малахов С.А., Репина Е.А., Архетипы на полке. АСС. Проект Волга. 2002 г., № 2, стр. 1-2, 66-72

REFERENCES

1. Hal Foster, Rosalind Krauss, Yves-Alain-Bois, Benjamin H.D. Booze, David Joslite, Art since 1900. Modernism. Anti-modernism. Postmodernism. Moscow: Ad Marigenem Press, 2015
2. Theo van Dusburg. On the way to plastic architecture. In “Masters of Architecture on Architecture,” ed. A.V. Ikonnikova et al., M., «Art», 1972, pp. 280-283
3. Theo van Dusburg. Color in space. In “Masters of Architecture on Architecture,” ed. A.V. Ikonnikova et al., M., “Art”, 1972, pp. 283-287
4. Malakhov S.A., Repina E.A. Training workshop of Sergey Malakhov and Evgenia Repina. 1999-2014. Yekaterinburg, “TATLIN”, 2014
5. Kinsella, E. A. Snapshot of reality, Fiction beyond the Façade. In the Architecture and writing of Sergey Malakhov and Evgenia Repina's Post-Projects. Copy of master's degree thesis / E.A. Kinsella. - Oxford. 2008.
6. Malakhov S.A. «Composite method of architectural design.» The dissertation for the degree of Doctor of Architecture. Volume II. Samara, 2018.
7. Brino, Giovanni. Carlo Mollino. Arcitectura as autobiography. Thames and Hudson, 2005.
8. Malakhov S.A. Experience in provincial cultural space modeling. The architecture of the USSR. July-August 1991, pp. 50-53.
9. Banham R. Theory and Design in the First Machine Age. Cambridge, MIT Press, 1980. --- 338 p
10. Gallery. MA 2006-2010. TOTO Publishing, Tokyo, 2010
11. Repina EA Spontaneous method in architecture. The dissertation for the degree of candidate of architecture. Samara - 2009
12. Repina, E.A. Binary consciousness as a rehabilitation of repressed cultural meanings in post-non-classical science and post-modern architectural criticism // Bulletin of the Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering. - 2009. - No. 2. - S. 92-103
13. Malakhov S.A., Repina E.A., Malakhov M.S. Cube as an “apartment-house” (“UC” –UNIT - CUBE). A.S.S. Project Volga. No. 3-4, 2003-2004. Samara, 2004, pp. 50-55.

14. Malakhov S.A., Repina E.A., Weyers Otto. History as a Post-Project Phenomenon // Innovative Project, 2016. Vol. 1, No. 1, pp. 74-81.
15. The house of a lonely bachelor. His House No. 3 (Appendix to the ACC journal), 1999, pp. 16-18
16. The house of a lonely bachelor. Traveling in three intersecting spaces ACC + Your Home,
17. Malakhov SA, Repina EA, Archetypes on the shelf. ACC. Project Volga. 2002, No. 2, pp. 1-2, 66-72

Для ссылок: Малахов С.А., Репина Е.А. Альтернативные сценарии обитания (АСО) – hoc est vivere bis, vita posse priore frui // Innovative project. 2018. Т.3, №9. С. 84-110. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.6

For references: Malakhov S.A., Repina E.A. Alternative habitat scenarios (ASO) - hoc est vivere bis, vita posse priore frui. Innovative project. 2018. Vol.3, No. 9. S. 84-110. DOI: 10.17673 / IP.2018.3.09.6

7

111–115

KOPOTKO
BRIEFLY

Малахов Сергей Алексеевич

Самарский государственный технический университет

Malakhov Sergey

Samara State Technical University

ЛЕСТНИЦА. К ВОПРОСУ О «ЦИВИЛИЗАЦИИ SLOW» И «ЦИВИЛИЗАЦИИ QUICK» STAIRS. TO THE QUESTION ABOUT “CIVILIZATION SLOW” AND “CIVILIZATION QUICK”

Рассматривается оппозиция духовного и прагматического. Второе не обращает внимание на дистанцию между точками А и Б, в то время как первое озабочено дистанцией прежде всего. Прагматическое – это «цивилизация QUICK», а духовное – это «цивилизация SLOW». Архитектурный аналог указанной оппозиции – это лестница, как самостоятельное пространство архитектурного приключения (архофункции), то есть буквально замедления процесса преодоления пространства человеком ради возможности насладиться эффектами медитативного свойства.

The article considers the opposition of the spiritual and the pragmatic. The second one does not pay attention to the distance between points A and B, while the first one is about the distance first of all. The pragmatic is “civilization QUICK” and the spiritual is “civilization SLOW.” The architectural analogue of this opposition is stairs, as an independent space of architectural adventure (archofunction), that is, literally slowing down the process of overcoming space by a person for the sake of being able to enjoy the effects of a meditative property.

Ключевые слова: «цивилизация SLOW», «цивилизация QUICK», пространство лестницы, архофункция.

Keywords: “civilization SLOW”, “civilization QUICK”, space of stairs, archofunction.

Лестница как пустота

Несмотря на вполне прагматические причины проектирования и возведения лестниц, внутренних и наружных, вокруг этого объекта всегда возникали флюиды специфических человеческих переживаний. Те лестницы, которые когда-то были «новыми» и создавались на основе «замысленного», делятся, условно говоря, на три основные группы: 1) «сугубо функциональные»; 2) богатые (статусные) и 3) «интересные». Первая группа прописана в СНИП; вторая представлена в сознании субъектов, не испытывающих потребности в материальных ресурсах; и третья – это там, где соединены конструктивный эксперимент, художественный образ и уникальное состояние. Все три типа можно отнести к проявлению известного императива системы, требующего действовать на основе «здорового смысла». «Здравомыслие», пестуемое системой, не предполагает – в базе – иной цели, кроме преодоления дистанции между отметками. Пресловутые «две точки» – А и Б, – объявляются системой задачами сущностного свойства, в то время как дистанция между ними – признается бессмыслицей и пустотой. Система развивает правила поведения, ускоряющие все процессы. Она действует, сбивая дыхание, игнорируя природные ритмы, наступая на мир так, будто ведет с ним войну. Вместо обеденного ритуала – фаст-фуд

и солдатский паек, микроволновка вместо реального очага, штамповка вместо кузнечного ремесла, онлайн на замену живой дискуссии, миллиард операций искусственного интеллекта в единицу времени, достаточной биологическому алгоритму для принятия всего лишь единственного решения. «Цивилизация QUICK» приходит на смену «цивилизации SLOW». Поэтому «правильная лестница», будь она дешевой или роскошной, – есть тип сооружения, доставляющего наверх (вниз) «без проблем». Возникает вопрос: навсегда ли мы распрощались с медитативной практикой преодоления расстояний? Насколько теперь не в фокусе ценности «цивилизации SLOW»?

Лестница как случайность

В самарских дворах [1] поражает разнообразие наружных лестниц, общий этос которых восходит к природе случайного. Наши исследования исторической среды были сконцентрированы на восприятии отклонений от концепта «правильной лестницы», находящегося в брачном союзе с системой. Самодельные лестницы самарских дворов разгоняют скуку, очаровывают специфической красотой, заставляя нас подозревать профессионалов в слепоте и неоправданном недоверии к вернакулюру. Наружные лестницы в самарских дворах применяются для связи обитателей дома-двора с

Рис. 1. Лестницы самарских дворов: случайность как преддверие постпроекта.

земной поверхностью, минуя квартиру, находящуюся внизу. Столкнувшись с препятствиями разного рода, лестницы произвольно меняют свою архитектуру, включая размер ступеней, угол наклона и ширину лестничного марша. Особое обаяние царящему здесь произволу добавляют деревья, прильнувшие к конструкции, как родственные лестнице существа. Человек, обитающий наверху, получает в свое распоряжение игровую процедуру восхождения, включающую само движение плюс остановки разного рода, когда действие приобретает образ события. Подозреваем, что некоторые из этих событий являются формой «постосмысления» происходящего. Наблюдатель, свободный от насущных забот обитателя, способен вовлечь в «событие диалога человека и лестницы» свое художественное воображение. Постосмысление и постпроектирование вернакулярной типологии лестниц открывает окно в область архитектурного эксперимента на тему, связанную с экзистенцией «человека восходящего» (рис.1).

Лестница как театр

Лестница в библиотеке Лауренциана во Флоренции превращает соединение двух точек в ритуальный перформанс. Путь вверх решен Микеланджело с помощью хитроумного трюка – искусственно созданной перспективы (рис. 2). Здесь нет случайности, а есть намерение придать особое значение фигуре папы римского Клементы VII, не совсем законному племяннику Лоренцо I Медичи, в честь которого и была названа библиотека. Скорее всего, перед нами разворачивается действие по типу театрального, но тогда здесь вполне будет уместным сравнить «Лестницу Лауренциана» с театральными постановками,

в которых применяется произнесение монологов именно с верхних и промежуточных отметок лестницы перед внимающими герою зрителями, находящимися внизу, а все сооружение такого типа можно, без сомнения, отнести к жанру сценографического искусства. Ироничная интерпретация дворовой лестницы как театральных подмостков приведена в «Поэтике городского пространства Самары».

Лестница как миф

С помощью лестницы в мифах осуществляется связь земной реальности с небесами, где, как известно, обитают боги. Соответственно, движение по лестнице вверх означает возникновение божественного сценария: или попадания в рай, или встречи с богами. Спуск по лестнице, в свою очередь, может восприниматься как явление божества перед, а в отдельных случаях – в более удручающей версии – перемещение в ад. В Древнем Египте небесная лестница находится под покровительством бога Ра, упоминание об этом содержится в «Книге мертвых»¹. Символизм ступеней, лестницы и восхождения обнаруживается в полной мере в христианском мистицизме². Лестница в представлении гуманистов ассоциируется с центром мира, движением человека к совершенству.

1 «Пусть я, Осирис, писец Ани, победоносно разделю место с тем, кто на вершине лестницы». «Я совершил путешествие с земли на небо, Бог Шу помог мне встать, бог Солнца укрепил меня с двух сторон лестницы, и звезды, которые никогда не заходят, направили меня на вершину пути и помогли избежать уничтожения».

2 Лестница — один из символов распятия, схождения с креста, а также эмблема святых Алексия, Перпетуи, Ромуальда и св. Бенедикта, который в своем видении узрел братьев своего ордена восходящими по лестнице в небо.

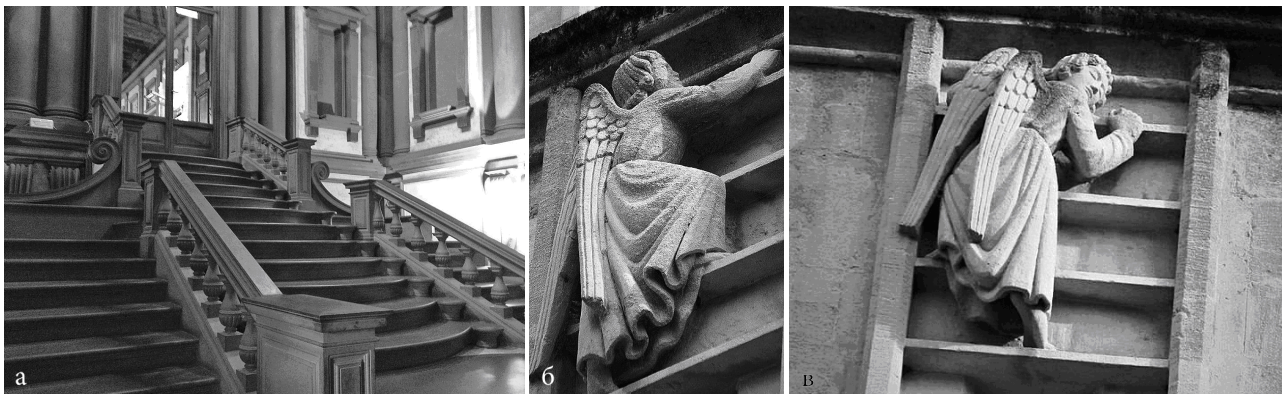

Рис. 2. а) Лестница как театр: Микеланджело. Перспектива лестницы Библиотеки Лауренцианы (Флоренция); б) Лестница как миф: Батское аббатство, фрагменты Лестницы ангелов (Бат, Сомерсет, Англия).

Лестница как испытание

В проекте «Gate-House»³ [2] архофункция моделируется с помощью двух лестниц. Весь дом образует портал, напоминающий триумфальную арку. Центральный пролет обрамляет дорогу, левая часть включает вход и подъем наверх, а правая – симметричную процедуру: спуск и выход. Конечно, в обычном доме вход и выход осуществляется с помощью одной и той же лестницы, но здесь решается задача придать процессу подъема и спуска эффект медитативного состояния: подъем по лестнице – это то, что ассоциируется с climbing, а спуск – с escaping. Нужно разделить эти два состояния, подчеркнуть их физическое и психологическое различие, – в этом сценарии содержится обращение к человеку, посещающему Gate-House: пусть для него не возникает иллюзии, что путь – это пустой тоннель. С целью погружения в телесность лестницы, ее ступени сделаны разного размера, идут под углами друг к другу, чередуются с площадками, позволяющими пристроиться сидя, или полулежа, передохнуть и подумать об актуальном. По сути, лестница в Gate-House – это воспроизводство случайных событий, в равной степени присущих прихотливым метаморфозам самарских лестниц и уступам лестниц, выдолбленных в скалистых склонах Метеор⁴, разместивших фантастические по замыслу монашеские скиты.

Лестница как пространство

В игровом мироощущении форма лестницы легко преобразуется в самостоятельный объект, удаляющий наши ожидания от стандартной процедуры подъема. Архофункция, приключение в пространстве возникает как новая цель. Но на практике такие действия встречаются крайне редко, так как сознание архитектора и клиента подчинено привычному прагматическому алгоритму. Прототипом лестницы как пространства, между тем, служат дискретные формообразования, наподобие того, что придумывает природа, чередующая подъемы с променадами, гротами, чащей, берегом и отвесной стеной. Смена ощущений путешественника, импульсы разных физических состояний, переживания отклонений от цели, – не говоря уж о рискованных встречах в лесу, – все вместе – замечательная история странствия, олицетворяющего восхождение в полной мере – именно как «путь человека», не сокращая удовольствие от различий, придавая времени почти телесное вторжение в «происходящее с человеком». Вторая аналогия – это город, когда он также непредсказуем, как природный маршрут. Эксперимент на тему «Лестница как пространство» транслирует в архитектурном иносказании идею человеческого странствия. Лестница перестает существовать как сочетание ступеней и маршей, достаточных для преодоления пути к верхней отметке дома. В эксперименте лестница начинает и продолжает собственную историю, становится природой и городом. В простой интерпретации темы – был взят куб, играющий роль условной границы дома, а лестнице предоставлена полная игровая свобода (рис. 3).

³ Проект «Gate-House» являлся частью экспозиции на выставке «АРХМОСКВА».

⁴ Скалы в горах Фессалии на севере Греции, состоящие из смеси песчаника и обломочной горной породы, достигают в высоту 600 м.

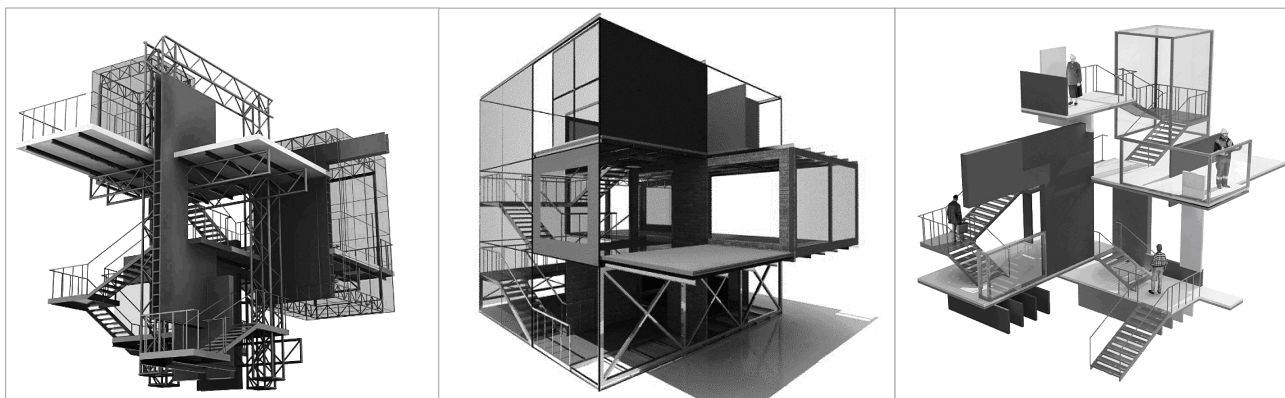

Рис. 3. Лестница как пространство. Прагматические установки не актуальны. Сценарий архофункции включает «нефункциональные» площадки и «гнезда».

Придумывая лестницу, мы не просто движемся вверх или вниз, когда некто внешний по отношению к нам утверждает прагматическую или символическую миссию нашего перехода, но и допускаем, что лестница представляет для нас обитаемое пространство. Обитание – есть существование со смыслом. Смысл ускользает, если превращать движение по лестнице в трансфер тела. Архофункция не отвечает на сущностные вопросы, но вовлекает через «пространственное переживание» в дискурс неопределенности цели. Неопределенность и медитативность процесса, обусловленные диалогом человека и лестницы, разворачивают время как ценность, и в этом своем значении становятся более эффективными инструментами благополучия, чем перемещение к жестко назначенной цели. «Цивилизация SLOW» снисходительно приветствует «цивилизацию QUICK».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малахов С. Поэтика городского пространства Самары / С. Малахов, А. Мишечкина, Д. Романова. – Самара, 2013. – 239 с
2. Малахов С.А., Репина Е.А., Архетипы на полке // А.С.С. Проект Волга. 2002, № 2, с. 1-2, 66-72

REFERENCES

1. Malakhov, S. Poetics of the urban space of Samara / S. Malakhov, A. Mishechkina, D. Romanova. Samara, 2013, 239 p.
2. Malakhov S.A., Repina E.A., Archetypes on the shelf. A.C.C. Project Volga. 2002, No. 2, pp. 1-2, 66-72

Для ссылок: Малахов С.А. Лестница. К вопросу о «цивилизации SLOW» и «цивилизации QUICK» // Innovative project. 2018. Т.3, №9. С. 112-115. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.7

For references: : Malakhov, S.A. Stairs. To the question about “civilization SLOW” and “civilization QUICK”. Innovative project. 2018. Vol.3, No.9, pp. 112-115. DOI: 10.17673/IP.2018.3.09.7

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

	Страницы
Бондарев, Антон Георгиевич – директор проекта «Ночь истории Харькова» (Харьков, Украина)	6-30
Грозовский, Борис Владимирович – обозреватель журнала <i>Forbes</i> и проекта <i>Republic</i> (Москва, Россия)	52-68
Жоголева, Анна Владимировна – доцент кафедры «Градостроительство» СамГТУ, кандидат архитектуры (Самара, Россия)	32-40
Лащенко, Снежана Владимировна – аспирант кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ (Самара, Россия)	52-68
Малахов, Сергей Алексеевич – заведующий кафедрой «Инновационное проектирование» СамГТУ, профессор, доктор архитектуры (Самара, Россия)	84-110 112-115
Манниси, Албан – старший лектор Королевского технологического института Мельбурна (Университет RMIT), Австралия, PhD in Territorial Planning	70-82
Орлов, Дмитрий Николаевич – старший преподаватель кафедры «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» СамГТУ (Самара, Россия)	42-50
Орлова, Наталья Александровна – старший преподаватель кафедры «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» СамГТУ (Самара, Россия)	42-50
Полукеева, Татьяна Сергеевна – магистрант кафедры «Градостроительство» СамГТУ (Самара, Россия)	32-40
Репина, Евгения Александровна – профессор кафедры «Инновационное проектирование» СамГТУ, кандидат архитектуры (Самара, Россия)	52-68 84-110
Филиппов, Василий Дмитриевич – ведущий инженер дирекции Академии строительства и архитектуры СамГТУ (Самара, Россия)	6-30

JOURNAL AUTHORS

	Pages
Bondarev, Anton – Director of the project “The Night of Kharkiv History” (Kharkiv, Ukraine)	6-30
Grozovsky, Boris – columnist for <i>Forbes</i> magazine and the <i>Republic</i> project (Moscow, Russia)	52-68
Zhogoleva, Anna – Associate Professor of the Department of Urban Planning of Samara State Technical University, Candidate of Architecture (Samara, Russia)	32-40
Lashchenko, Snezhana – postgraduate student of the department “Innovative Design” SamSTU (Samara, Russia)	52-68
Malakhov, Sergey – Head of the Department “Innovative Design” of Samara State Technical University, Professor, Doctor of Architecture (Samara, Russia)	84-110 112-115
Mannisi, Alban – Senior Lecturer, Royal Melbourne Institute of Technology (RMIT University), Australia, PhD in Territorial Planning	70-82
Orlov, Dmitry – Senior Lecturer, Department of “Reconstruction and Restoration of Architectural Heritage”, Samara State Technical University (Samara, Russia)	42-50
Orlova, Natalya – Senior Lecturer, Department of “Reconstruction and Restoration of Architectural Heritage”, Samara State Technical University (Samara, Russia)	42-50
Polukeeva, Tatyana – graduate student of the Department of Urban Planning, Samara State Technical University (Samara, Russia)	32-40
Repina, Eugenia – Professor of the department “Innovative Design”, SamSTU, Professor, Candidate of Architecture (Samara, Russia)	52-68 84-110
Filippov, Vasily – Leading Engineer of the Directorate of the Academy of Construction and Architecture of SamSTU (Samara, Russia)	6-30

